

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ  
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ  
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ  
ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)  
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

АБГАРЯН ДЖУЛЬЕТТА РУБЕНОВНА

**ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО ТРИБУНАЛА ПО МОРСКОМУ ПРАВУ**

Специальность - 12.00.10 -Международное право. Европейское право

Диссертация на соискание ученой степени  
кандидата юридических наук

Научный руководитель –  
д.ю.н. Голицын В.В.

Москва - 2014

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Международный трибунал по морскому праву в системе органов разрешения международных морских споров.....	11
§1. Система органов разрешения международных морских споров как часть глобальной системы органов разрешения международных споров.....	11
а) система органов разрешения морских споров по Конвенции ООН по морскому праву 1982г.....	11
б) тенденция к увеличению числа международных судов в конце XX века.....	14
в) общие характеристики международных судебных учреждений.....	19
§2. Компетенция Международного трибунала по морскому праву.....	25
а) общие положения относительно МТМП в Конвенции ООН по морскому праву.....	25
б) компетенция МТМП.....	31
в) особое место МТМП среди других судов и арбитражей.....	33
§ 3. Вопрос об участии Международного трибунала по морскому праву в развитии международного морского права.....	42
а) перспективы развития международного морского права после Третьей Конференции.....	42
б) роль международных судов в развитии международного права.....	46
Глава II. Практика МТМП в области разрешения споров в различных сферах океанской деятельности.....	46
§1. Споры о незамедлительном освобождении задержанных судов.....	57
А) процессуальные вопросы, касающиеся приемлемости иска	
1) достаточность доказательств.....	62
а) дело танкера «Сайга».....	62
2) необходимость исчерпания местных средств правовой защиты	
а) дело танкера «Сайга».....	64
б) Дело «Камуко».....	64
3) наличие реальной связи между судном и защищающим государством	

a) Дело танкера «Сайга» - 2 .....	64
b) Дело «Джуно Трейдер».....	66
4) основания для задержания иностранных судов в исключительной экономической зоне	
a) Дело танкера «Сайга».....	68
б) Дело судна «Луиза».....	70
в) Дело судна «Вирджиния Дж.».....	72
5)Залог и прочее материальное обеспечение	
a) Дело танкера «Сайга» .....	73
b) Дело «Камуко».....	73
с)Дело «Монте Конфурко».....	74
d)Дело судна «Волга».....	75
e) Дело «Джуно Трейдер» .....	77
f) Дело «Хошинмару».....	78
б)Вопрос о конфискации в деле «Томимару» .....	79
7) Незамедлительное освобождение как временная охранительная мера	
a) Дело «Арктик Санрайз».....	80
 §2. Практика МТМП в области принятия временных мер правовой защиты.....	 81
 §3. Разрешение Трибуналом споров о делимитации и о запасах меч-рыб	
А) Дело о разграничении в Бенгальском заливе.....	97
Б) Дело о запасах меч-рыбы.....	102
 Глава III. Практика Камеры по спорам, касающимся морского дна.....	 105
 §1.Камера по спорам, касающимся морского дна, как часть МТМП.....	 105
 §2. Компетенция Камеры по спорам, касающимся морского дна.....	 119
 §3.Консультативное заключение Камеры относительно ответственности государств за деятельность на морском дне.....	 126
 Заключение.....	 138
 Список использованных материалов.....	 142

## ВВЕДЕНИЕ

**Актуальность исследования.** Актуальность темы определяется, прежде всего, огромным значением, которое Мировой океан играет в жизни человечества. Это основная транспортная артерия (около 90% всех международных перевозок осуществляется морем) и «легкие» планеты (2/3 кислорода производится Мировым океаном). Постоянно возрастает роль морских пространств как источника получения минеральных ресурсов, прежде всего — углеводов.

Прошло почти 35 лет с тех пор, как человечество с честью решило трудную задачу, установив универсальные правовые рамки деятельности в Мировом океане. В 1982г. была заключена Конвенция ООН по морскому праву, которую называют «Конституцией океанов», потому что в ней установлены основные положения, регулирующие буквально все области морской деятельности, и в которой участвует подавляющее большинство государств.

Одна из многих новаций, введенных Конвенцией, - это обязательная процедура разрешения споров, которая предполагает выбор каждым участником Конвенции одного или более судебных органов, перечисленных в Конвенции, для разрешения его споров о толковании и применении ее положений. Международный трибунал по морскому праву — это новый судебный орган, который, наряду с факультативной компетенцией, которой наделены все международные суды и арбитражи, обладает также обязательной компетенцией в отношении некоторых категорий споров.

Всеобъемлющий характер Конвенции ООН по морскому праву сделал неизбежной компромиссность, то есть не полную ясность многих ее положений. Поэтому почти сразу после образования Трибунала государства стали обращаться к нему в силу разных правовых позиций, занимаемых ими по отдельным аспектам Конвенции. Занимаясь разрешением спорных вопросов по существу и устанавливая процессуальные рамки разбирательства, Трибунал постоянно

сталкивается с необходимостью толкования многих статей Конвенции, иногда вплоть до отдельных терминов.

Деятельность Трибунала имеет большое значение и потому, что в его ведении находится оценка правового регулирования деятельности государств по добыче минеральных ресурсов глубоководного района морского дна, получившего статус «общего наследия человечества», совершенно новой правовой концепции.

Деятельность Трибунала имеет также непосредственное значение и для нашей страны, так как Трибуналом рассматриваются дела, прямо затрагивающие интересы Российской Федерации, свидетельством чего является тот факт, что уже в ряде дел, рассматривавшихся Трибуналом, Российская Федерация выступала как в качестве истца, так и ответчика. Поскольку правила, по которым работают международные суды, имеют много общего, исследование и анализ практики Трибунала позволит оценить целесообразность использования Российской Федерацией и других судов.

Для правильной оценки как места Трибунала в системе мирного разрешения международных споров, так и его эффективности в плане способствования установлению надежного правопорядка в Мировом океане, необходимо внимательно рассмотреть методы его работы и ту позицию, которую он занимает по конкретным вопросам.

***Степень научной разработанности темы.*** После окончания Третьей Конференции ООН по морскому праву российские исследователи опубликовали ряд комплексных работ по проблемам международного морского права и о способах разрешения международных споров в этой области человеческой деятельности. Особый интерес представляют труды Бежашева К.А., Бобровой Ю.В., Вылегжанина А.Н., Ганюшкиной Е.Б., Гуреева С.А., Гуцуляка В.Н., Ковалева А.А., Колодкина А.Л., Клименко Б.М., Мелкова Г.М., Насиновского С.Е., Саваськова П.В.

Большое значение для темы исследования имеют также работы советских и

российских ученых по различным вопросам разрешения международных споров в целом, включая труды Абашидзе А.Х., Агейченко К.В., Анисимова Л.Н., Бондарева И.М., Крылова С.Б., Лазарева С.Л., Марусина И.С., Пушмина Э.А., Рабцевич О.И., Толстых В.Л., Солнцева А.М.

При разработке подходов к тем или иным конкретным проблемам международного морского права автором использовались труды по общим вопросам международного права - Кузнецова В. И., Мовчана А.П., Черниченко С. В., Усенко Е.Т., Ушакова Н.А.

В последние годы внимание российских исследователей привлекает такой важный район, как Арктика; о проблемах его разграничения и использования писали Вылегжанин А.Н., Котляр В.С., Михина И.Н., Свиных Е.А., Свиных О.Ю., Шинкареца Г.Г. Некоторые конкретные вопросы разрешения международных морских споров стали объектом исследования в диссертациях молодых ученых: Бреховой Н.А., Коваленко С.Г., Глумова А.И., Саксиной Т.Г., Хубиевой М.Р.

В англо-язычной литературе вопросам деятельности международных судов традиционно уделяется много внимания. И работы, написанные сравнительно давно, продолжают представлять интерес: это книги таких ученых, как Альварес Ж.Е., Амерасингхе С.Ф., Бин Ченг, Браунли И., КансадуТриндад А.А., Фуллер Л.Л., Гордон Е., Хадсон М., МартинесДж.С., Романо Ч., Вольфрум Р.

При анализе работы Международного трибунала по морскому праву использовались труды по общим вопросам международного морского права таких авторов, как Бойле А., Кох Т.Т.Б., Саксена Дж.Н.. Учтены также работы, посвященные различным вопросам деятельности Международного Суда, написанные, в частности, такими авторами, как Карон Д.Д., Дипла Х., Лотерпахт Х., Розен Ш.

В ходе рассмотрения вопросов работы Международного трибунала по морскому праву были привлечены и статьи о Европейском суде, таких ученых, как Альтер К.Дж., Вейлер Дж. Х. Х. или ВТО – Петерсман Е. – У., Трахтман Дж.

Международные морские споры стали объектом исследования таких авторов, как Черчилль Р., ОудеЭльферинк А., Нандан С., Лодж М.В., Розен Ш., Нордквист М.

Среди книг и статей о Международном трибунале необходимо выделить работы, написанные такими учеными, как Эшер А.-К., Рашбрук Г., Шамзи Дж.

Что касается деятельности Камеры по спорам, касающимся морского дна, то в этой области интерес представляют работы таких авторов, как Антон Д.К., Фристон Д., Френч Д., Мингей Г., Пойзел Т., Стивенс Т., Хаттон Г.

Особую важность с научной точки зрения представляют книги и статьи бывших и действующих членов Международного Суда и Международного трибунала по морскому праву. Судьи Голицын В.В., Эйрикссон Г., Гийом Г., Йеннингс Р.И., Ода Ш., Швебел С.М., Тревес Т., Тюрк Г. опубликовали работы, представляющие значительную ценность для понимания характера деятельности этих судебных органов.

Однако нельзя не признать, что до сих пор пока не было систематизированного анализа деятельности Международного трибунала по морскому праву.

**Цели и задачи исследования.** Целью исследования является изучение деятельности Международного трибунала по морскому праву и выяснение его эффективности как нового международного судебного учреждения.

Для этого диссертантом были поставлены следующие задачи:

- проанализировать место Международного трибунала по морскому праву в системе органов разрешения международных морских споров;
- рассмотреть компетенцию Трибунала;
- исследовать ту роль, которую международные судебные учреждения в целом, и Трибунал, в частности, играют в развитии международного права;
- проследить участие Трибунала в разрешении международных споров в различных

сферах океанской деятельности;

-установить специфику решений Трибунала относительно незамедлительного освобождения судов;

-рассмотреть роль Трибунала по вопросу о принятии временных мер правовой защиты;

-проанализировать процесс разрешения споров о толковании и применении Конвенции ООН по морскому праву

-исследовать деятельность Камеры по спорам, касающимся Международного района морского дна в деле обеспечения сотрудничества государств по использованию ресурсов этого района.

**Объектом диссертационного исследования** стали роль Международного трибунала по морскому праву как международного судебного органа в области обеспечения господства права и соблюдения положений Конвенции ООН по морскому праву.

**Методологическую основу** исследования составляет нормативный, комплексный, системный подход к анализу нормативно-правовой основы осуществления государствами и международными организациями правопорядка, установленного международным правом.

**Научная новизна диссертационного исследования** состоит в систематизированном анализе деятельности Международного трибунала по морскому праву как международного судебного органа и его роли в содействии дальнейшему развитию международного морского права.

**На основе проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:**

1. Международный трибунал по морскому праву стал неотъемлемой частью мировой системы судебных органов по мирному разрешению международных споров. Трибунал организует свою деятельность и действует в значительной



степени на основе той же методологии, которая была разработана в рамках Международного Суда и ныне используется многими международными судебными учреждениями.

2. Компетенция МТМП в целом та же, что и у других судебных учреждений, упомянутых в Части XV Конвенции. Отличие МТМП состоит в том, что он обладает исключительной компетенцией в двух сферах — в вопросах незамедлительного освобождения судов и в вопросах предписания временных мер правовой защиты, в вопросах борьбы с загрязнением морской среды; кроме того, в состав МТМП входит Камера по спорам, касающимся морского дна, которая является самостоятельным судебным органом в рамках Трибунала.

3. Вопрос о воздействии Трибунала на развитие международного морского права исследуется в сравнении с практикой работы других международных судебных органов. Диссертант приходит к выводу о том, что МТМП, как и другие международные суды, не создает новые нормы международного права. Его влияние на формирование международного права только в некоторых случаях можно расценить как прямое, а в основном оно — косвенное и составляет часть процесса выработки норм обычного международного права.

4. Важным вкладом в развитие международного права, по мнению диссертанта, является первое в истории решение о делимитации континентального шельфа за пределами 200 морских миль. Трибунал фактически подвел итог рассмотрению споров о делимитации различными международными судами, заявив, что любая делимитация, в том числе делимитация континентального шельфа, должна осуществляться в соответствии с общим международным правом. При этом такая делимитация не должна затрагивать интересы третьих стран: линия разграничения между двумя государствами может продолжаться до тех пор, пока не достигнет точки, где могут быть затронуты права третьих сторон.

5. Проведенное диссертантом исследование позволяет сделать вывод о том, что в области регулирования использования ресурсов глубоководного дна Мирового океана складываются свои специальные нормы, особенно относящиеся к охране окружающей среды. Центральное место среди них занимает принцип предосторожности, который обязывает государства, поручившиеся за компании, ведущие добычу минеральных ресурсов, принимать в рамках своего национального права необходимые и надлежащие меры охраны морской среды.

6. Из анализа трудов Трибунала диссертант делает вывод о развитии им института временных мер правовой защиты, которые предписываются в целях предотвращения ухудшения положения сторон в период разрешения спора. Трибунал не только придает временным мерам процессуальное значение, как это делают другие международные суды, но зачастую использует их для создания обязательства спорящих государств принимать меры к охране морской среды, которая может пострадать от оспариваемых действий. Поскольку в Конвенции ООН по морскому праву временным мерам впервые в истории придан обязательный характер, данная правовая позиция Трибунала может иметь важное природоохранное значение.

**Практическая значимость работы.** Положения и рекомендации исследования могут быть использованы в работе практических органов Российской Федерации, ответственных за проведение внешнеполитической деятельности в области исследования и использования Мирового океана. Текст диссертации может также стать основой для соответствующего спецкурса в преподавании международного права.

**Апробация результатов исследования.** Диссертация обсуждалась и получила одобрение на заседании от 26 июня 2014 года.

**Структура диссертации** обусловлена целями, задачами, объемом работы. Исследование

состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка использованных материалов.

## Глава I. Международный трибунал по морскому праву в системе органов разрешения международных морских споров

### **§ 1. Система органов разрешения международных морских споров как часть глобальной системы органов разрешения международных споров**

#### *а) система органов разрешения морских споров по Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.*

Деятельность государств в Мировом океане<sup>1</sup> неизбежно ведет к возникновению разногласий, что обуславливает потребность в выработке средств их разрешения. Однако, поскольку в прошлом морскими перевозками и добычей живых ресурсов занимались в основном физические и юридические лица, разрешение споров носило в основном частноправовой характер<sup>2</sup>. В конце XX в., когда стали активно развиваться новые технологические возможности использования ресурсов океана, противоречия между государствами по поводу распределения ресурсов и пространств Мирового океана стали носить довольно острый характер, и появилась необходимость в надежных межгосударственных средствах разрешения споров.

Значительную роль в этом сыграла Третья конференция ООН по морскому праву<sup>3</sup>, в результате многолетней работы которой была создана Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.<sup>4</sup> Эта Конвенция получила оценку научной общественности как один из самых значительных договоров в истории человечества; ее часто

---

<sup>1</sup> До сих пор 90% мировой торговли осуществляется морским путем, а добываемые природные ресурсы составляют до 40% пищевого рациона людей и животных на суше.

<sup>2</sup> См.: Брехова Н.А. Современные международно-правовые средства разрешения морских споров: Дисс. ... к.ю.н. М., 2003.

<sup>3</sup> Анализ обстоятельств созыва и особенностей работы Третьей конференции по морскому праву, а также процесс формирования современного международного морского права проведен в пятитомнике «Мировой океан и международное право», написанном учеными Советского Союза и социалистических стран. См.: Мировой океан и международное право. М., Наука, 1986–1991.

<sup>4</sup> Конвенция ООН по морскому праву (10 December 1982) // 1833 UNTS 3. Вступила в силу 16 ноября 1994 г.

называют «Конституция океанов»<sup>5</sup>. Одним из настоящих достижений этой Конвенции считается введение в мировую практику поистине инновационной системы обязательных средств разрешения споров относительно толкования и применения ее положений; бывший судья Трибунала Т. Тревес называет ст. 286 Конвенции ключевой во всей Конвенции<sup>6</sup>. Обязательная система урегулирования споров, предусмотренная ч. XV Конвенции, обычно рассматривается в доктрине как необходимый инструмент для создания равновесия между интересами всего международного сообщества и интересами прибрежных государств, получивших значительные полномочия по Конвенции. Однако есть еще два фактора, которые сделали необходимой разработку надежной системы разрешения споров. Это характер самой Конвенции, а также введение в международное право целого ряда новых институтов.

Конвенция имеет уникальный характер с точки зрения теории международного права: с одной стороны, она носит кодифицирующий характер, с другой – нормотворческий. Так, представитель Великобритании на заключительной сессии конференции заявил: «Многие положения Конвенции являются результатом переформулирования или кодификации существующего конвенционного или обычного международного права или практики государств»<sup>7</sup>.

Но многие положения Конвенции совершенно новы. Г.М. Мелков предпринял попытку перечислить новые важнейшие институты международного морского права, введенные Конвенцией ООН по морскому праву: исключительная экономическая зона; проливы, используемые для международного судоходства с правом транзитного прохода в них; архипелажные государства с правом

---

<sup>5</sup> Tommy T B Koh «A Constitution for the Oceans» Remarks made by the President of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea, in Official Text of the United Nations Convention on the Law of the Sea with Annexes and Index (1983) E 83V5. XXXIII.

<sup>6</sup> Treves T. Compulsory Jurisdiction under the Law of the Sea Convention: the Basic Article // International Law of the Sea / Essays in Memory of Anatoly L. Kolodkin. M., 2013. P. 140.

<sup>7</sup> Statement of the United Kingdom, 189th meeting. Official Records of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Vol. 17. P. 79. Para. 200. В этом же смысле высказывались делегации Индонезии: 186th meeting. P. 25. Para. 23–25; и Камеруна: 186th meeting. P. 16. Para. 84.

архипелажного прохода через архипелажные воды; замкнутые и полузамкнутые моря; морские научные исследования; защита и сохранение морской среды; Международный район морского дна; Международный орган по морскому дну и его предприятие с правом самостоятельной разработки минеральных ресурсов глубоководного района морского дна и с участием государств; обязательный выбор одного из судебных или арбитражных средств для разрешения споров о толковании и применении Конвенции; Международный трибунал по морскому праву; обязанность сохранения живых ресурсов открытого моря и управления ими; государств, не имеющих выхода к морю, и др.<sup>8</sup>

Это новые положения, которые не встречались прежде ни в договорах, ни в односторонней практике государств. Довольно много положений Конвенции сформулировано в общем виде. Ясно, что последующая кристаллизация соответствующих положений в процессе практики могла привести к значительным разногласиям. Поэтому Конвенция содержит четкий перечень средств мирного разрешения споров о ее толковании и применении.

Раздел 1 ч. XV открывается положениями об обязательстве государств разрешать их споры по согласию и делать это мирным путем. За государствами сохранено право в любое время договориться о разрешении спора любыми средствами по их выбору; в этом случае обязательные процедуры, предусмотренные ч. XV, не распространяются на такой спор (ст. 280 и 281), вместо них действуют любые, региональные или двусторонние соглашения о средствах, выносящих обязательное решение (ст. 282). В любом случае при возникновении споров государства должны незамедлительно приступить к обмену мнениями относительно их урегулирования путем переговоров или другими мирными средствами (ст. 283 и 284). Если же достичь урегулирования не удалось,

---

<sup>8</sup>Мелков Г.М. Военное мореплавание и безопасность России в XXI веке (международно-правовые и национальные проблемы). Ч. 2. М., 2010.С. 7.

то стороны в споре обязаны передать свой спор Международному трибуналу по морскому праву, Международному суду, арбитражу, который предусмотрен приложением VII или специальному арбитражу по приложению VIII. Выбор суда или арбитража зависит от предварительного выбора, заявленного в декларации государства – участника Конвенции, а если выбор не совпадает, то разрешающим средством будет арбитраж, образованный в соответствии с приложением VII. Это значит, что арбитраж, созданный в соответствии с приложением VII, – это тот судебный орган, который будет рассматривать спор, если государства не договорятся об ином.

Выбранный таким образом суд или арбитраж обладает юрисдикцией в отношении любого спора о толковании или применении Конвенции ООН по морскому праву или любого другого соглашения, связанного с целями Конвенции, если стороны согласятся об этом. При этом действует ряд возможных изъятий и исключений спора по тому или другому вопросу, как это закреплено в разд. 3 ч. XV. Говоря обобщенно, эти исключения касаются осуществления прибрежным государством суверенных прав в исключительной экономической зоне в отношении сохранения и управления живыми ресурсами, а также проведения научных исследований (ст. 297). Государства также вправе сделать заявления о неприменении обязательных процедур к спорам о разграничении морских пространств, к историческим заливам, военной деятельности, деятельности по введению права либо споров, которые находятся на рассмотрении Совета Безопасности ООН (ст. 298);

*б) тенденция к увеличению числа международных судов в конце XX в.*

Создание такой разветвленной системы обязательных средств разрешения споров о толковании и применении Конвенции ООН по морскому праву стало одним из элементов общей мировой тенденции к увеличению числа международных судов.

Почти 20 лет назад, в середине 1990-х гг., Д. Кейрон и Г.Г. Шинкарецкая справедливо отмечали, что уже тогда существовало множество механизмов мирного урегулирования, которые часто не были скоординированы между собой, но, взятые вместе, они создавали, зачастую вне зависимости от намерений своих авторов, единую структуру средств мирного урегулирования<sup>9</sup>.

Широкое распространение средств мирного урегулирования, и в частности международных судов и арбитражей, было естественным явлением. Оно было вызвано потребностью в эффективном управлении международными делами в условиях глобализации экономики и превращения нашего мира в большую взаимосвязанную систему. Именно поэтому конец XX в. – это время международных организаций. Как международные организации специализировались, сохраняя общие международно-правовые принципы своей организации и деятельности, так и международные судебные органы организаций создавались для разрешения специальных категорий споров.

При этом умножение числа новых международных судебных учреждений не ограничивалось какими-либо определенными организационными рамками, между ними нет никаких формальных связей и не создается никакая иерархия. Тем не менее в научных кругах получило популярность выражение «сообщество судов»<sup>10</sup>. Увеличение числа международных судов тем более поразительно, что до 1990-х гг. существовало только шесть постоянных международных судов.

Рамки настоящего исследования не дают возможности подробно описать и тем более квалифицировать все международное судебное сообщество. Сошлемся на докторскую диссертацию Г.Г. Шинкарецкой, которая пишет, что «последние 30 лет стали периодом невиданного (и довольно неожиданного для всего мира) развития международных судебных учреждений. В настоящее время

---

<sup>9</sup>Caron D.D., Shinkaretskaya G. Peaceful Settlement of Disputes Through the Rule of Law // Beyond Confrontation / FislérDamrosh L., Danilenko G.M., Müllerson R. eds. WestviewPress, 1995. P. 309–334.

<sup>10</sup>Авторство приписывают Й. Броунли: IanBrownlie. Principles of Public International Law (6th ed, 2003). P. 672.

насчитывается до 50 судов и квазисудебных организаций различной модификации, и все они работают весьма интенсивно. Кроме умножения числа международных судов все более разнообразными становятся их формы. Происходит регионализация судебных учреждений (созданы Европейский и Межамериканский суды по правам человека), появляются специализированные суды (для разрешения споров в области борьбы с загрязнением, споров в системе ГАТТ/ВТО, инвестиционных споров). Специализация позволяет приспособить органы разрешения споров к конкретной социально-политической обстановке, уточнить их компетенцию»<sup>11</sup>.

Другой исследователь – Дж. Мартинес – отмечает, что, когда число международных судов достигло «критической массы», они начали активно контактировать не только между собой, но и с национальными судами, на все более регулярной основе<sup>12</sup>.

Взаимосвязанность судебных учреждений, считает Дж. Мартинес, проявляется в том, что различные суды оказываются наделенными юрисдикцией в отношении одних и тех же споров, то есть их юрисдикции переплетаются и накладываются друг на друга; вынося решения, различные суды обращаются к решениям, принятым другими судами, и оказываются перед неизбежностью толкования решений этих других судов<sup>13</sup>.

В подтверждение своего мнения Дж. Мартинес приводит слова Ж. Гийома, бывшего тогда председателем Международного суда, который выступал с ежегодным отчетным докладом о работе Международного суда в Шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН: «Распространение международных судебных и арбитражных органов уже оказывает влияние на функционирование

---

<sup>11</sup>Шинкарецкая Г.Г. Судебные средства разрешения международных споров (тенденции развития): Автореф. дисс. ... д.ю.н. М., 2010. С. 5.

<sup>12</sup>Jenny S. Martinez. Towards an International Judicial System // Stanford Law Review. V. 6. 2003. P. 440.

<sup>13</sup> Jenny S. Martinez. Op. cit. P. 441.



международного права – и в процессуальном отношении, и в том, что касается его материального содержания»<sup>14</sup>. Ч. Романо даже высказал мнение о том, что «огромное расширение, преобразование и формирование международной судебной системы – это самое заметное и самое важное событие периода после холодной войны»<sup>15</sup>.

Сотрудничество между различными судебными учреждениями, о котором упоминалось выше, – логичное явление для международного права и основывается на общепризнанном принципе сотрудничества, закрепленном еще в Уставе ООН. В п. 3 ст. 1 прямо говорится о том, что одна из целей организации – «осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера». При формальном, ограничительном толковании данное положение относится к государствам, поскольку не организация, а именно ее государства-члены могут сотрудничать в разрешении международных проблем<sup>16</sup>; при разрешении международного спора происходит делегирование некоторых полномочий государств тому или иному судебному учреждению, и эти учреждения, как и все международные организации, действуют на основе общепризнанных принципов и норм международного права<sup>17</sup>.

Нельзя не признать, что обязательство сотрудничества, если речь идет о разрешении международных споров, и особенно сотрудничества между различными судебными учреждениями, пока не имеет нормативного

---

<sup>14</sup> Judge Gilbert Guillaume. The Proliferation of International Judicial Bodies: The Outlook for the International Legal Order. Speech to the Sixth Committee of the General Assembly of the United Nations (Oct. 27, 2000), available at <http://www.icj-cij.org/icjwww/ipresscom/SPEECHES/iSpeechPresident&uscore;Guillaume<uscore>SixthCommittee<uscore>20001027.htm>, at 4.

<sup>15</sup> Cesare P.R. Romano, The Proliferation of International Judicial Bodies: The Pieces of the Puzzle // New York University Journal of International Law and Policy. V. 31, 1999. P. 709.

<sup>16</sup> Нельзя не учитывать, что в переводе с русского термин «Организация Объединенных Наций», например, на английском значит United Nations, что буквально переводится «народы, собравшиеся вместе».

<sup>17</sup> См.: Тункин Г.И. Теория международного права. М., 2000. С. 288; Amerasinghe C.F. Principles of the Institutional Law of International Organizations. Second edition. L., 2005. P. 134.

регулирования. Очевидно, идет процесс уточнения и конкретизации этого обязательства в ходе практики. Наличие спора означает, что имеют место разногласия, поэтому обязательство сотрудничать, хотя бы в процессуальных вопросах, необходимо для разрешения этого спора. Разрешение спора без сотрудничества вообще невозможно. Сотрудничество, основанное на самом общем обязательстве, вытекающем из общепризнанного принципа международного права, имманентно присутствует в обязательстве мирного урегулирования.

Менее институционализированные, а потому более гибкие средства разрешения споров предполагают меньшую степень обязательности сотрудничества: если одна из сторон предлагает провести переговоры, вторая сторона обычно никак не обязана соглашаться на это, кроме слабого обвинения в недружественной позиции. Если же одна из сторон подает жалобу в международное судебное учреждение, другая сторона обязана представлять собственную точку зрения. Конечно, это обязательство другой стороны вытекает из заранее данного согласия с обязательной юрисдикцией этого учреждения.

К обязательству сотрудничества между судебными учреждениями нередко применяют доктрину «запрещения срыва разбирательства»<sup>18</sup>. Это выражение означает, что судебное или арбитражное разбирательство не должно быть сорвано из-за надуманных процессуальных предлогов.

Международное право, регулирующее разрешение международных споров, состоит из множества обязательств как государств между собой, так и взаимных обязательств между судами и государствами, которые к ним обращаются.

#### *в) общие характеристики международных судебных учреждений*

---

<sup>18</sup>Эта доктрина больше известна в английском выражении «non-frustration of adjudication». Поскольку общепринятого аналога в русском языке пока нет, «запрещение срыва разбирательства» предлагается нами как вариант перевода.

Еще во время работы Третьей конференции ООН по морскому праву предложения о введении в международные отношения целого ряда новых судов и арбитражей стали подвергаться резкой критике со стороны ученых.

Одним из серьезных объектов критики были планы создания множества судебных органов и право выбора из них на том основании, что у каждого из них явно будут собственные функции и будет невозможно обеспечить соответствие судебного процесса в каждом из них тем задачам, которые будут перед ними стоять. Особенно резко высказывались некоторые члены Международного суда<sup>19</sup>.

Однако анализ учредительных документов различных международных судебных учреждений, а также их практики показывает, что тенденции формирования и осуществления полномочий таких учреждений в целом совпадают.

*Юридическая природа* международных судов – это явно выраженная воля государств; существует неоспоримый принцип, что ни одно государство не обязано представлять свой спор на рассмотрение какого-либо суда без выраженного согласия<sup>20</sup>. Точно так же согласие государств лежит в основе процессуальных полномочий судебного учреждения, в том числе его полномочий на установление объема собственной юрисдикции<sup>21</sup>.

Что касается материальных полномочий, то и в этой сфере наблюдается единообразие. Это полномочия решать дела по существу; предписывать временные меры правовой защиты<sup>22</sup>, полномочия на допуск третьей стороны к

---

<sup>19</sup>См.: Shigeru Oda. The International Court of Justice Viewed from the Bench // 244 Recueil des Cours, 1993. P. 127.

<sup>20</sup>Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. М., 2009. С. 70–78; Shabtai Rosenne. The law and practice of the International Court of Justice. 2nd rev. ed. Leyden, 1985. V. II. P. 549–557; Ian Brownlie. Principles of Public International Law (6th ed, 2003). P. 4–5.

<sup>21</sup> См., напр.: ст. 36 (6) Статута Международного суда, ст. 288 (4) Конвенции ООН по морскому праву, ст. 41 (1) Вашингтонской конвенции о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами других государств. **Вашингтон. 18 марта 1965 года.**

<sup>22</sup>См.: ст. 41 Статута Международного суда, ст. 290 Конвенции ООН по морскому праву, ст. 47 Вашингтонской конвенции, ст. 36 Статута Суда Европейского союза (Protocol on the Statute of the Court of Justice, Consolidated Version of the Treaty establishing the European Economic Community, OJ C 325/33, 167 (24 December 2002).

участию в разбирательстве<sup>23</sup>, полномочия толковать свои решения и постановления<sup>24</sup>, полномочия на их пересмотр<sup>25</sup>.

Учредительные документы многих международных судов не содержат детальных положений, регулирующих *процедуру разбирательства* или возможные меры осуществления решения. Истоки этой практики уходят во времена разработки Статута Постоянной палаты международного правосудия в 1920 г. Консультативный комитет юристов, который занимался разработкой Статута, не посчитал необходимым делать это и ограничился лишь некоторыми общими правилами 26. Вместо этого во многих статутах предусмотрено право самостоятельно формулировать правила деятельности (Регламент)<sup>27</sup>. Международные суды нередко используют эти полномочия для значительного расширения своих прав. Так, в Регламент Международного суда введены положения относительно расследований на месте для сбора доказательств<sup>28</sup>. В Регламенте Европейского суда по правам человека указано полномочие на практические указания<sup>29</sup>.

В случае с Международным трибуналом по морскому праву полномочие на толкование решений также предусмотрено Регламентом<sup>30</sup>. Отметим, что отличие Регламента от Статута состоит в том, что это документ, так сказать, второго порядка. Поэтому, хотя Регламент можно рассматривать как источник процессуального права, который основывается все-таки на согласии государств, государства в действительности не имеют полного контроля над этим документом,

---

<sup>23</sup> Ст. 62–63 Статута Международного суда, ст. 31–32 Статута МТМП, ст. 37 Статута Суда ЕС.

<sup>24</sup> Ст. 60 Статута Международного суда, ст. 33 (3) Статута МТМП, ст. 50 Вашингтонской конвенции, ст. 40 Статута Суда ЕС.

<sup>25</sup> Ст. 61 Статута Международного суда, ст. 51 Вашингтонской конвенции, ст. 41 Статута Суда ЕС.

<sup>26</sup> Statute of the Permanent Court of International Justice // PCIJ Publications, Ser D (No 1), 7; Manley Hudson. *The Permanent Court of International Justice: A Treatise*. 1934. P. 258.

<sup>27</sup> Ст. 30 Статута Международного суда; ст. 16 Статута МТМП; ст. 245 Статута Суда ЕС; ст. 14 Статута Международного уголовного трибунала для Руанды; ст. 15 Статута Международного уголовного трибунала для бывшей Югославии.

<sup>28</sup> Регламент Международного суда. Ст. 66. Доступен на сайте суда: <<http://www.icj-cij.org>>

<sup>29</sup> European Court of Human Rights, Rules of Court, available at <<http://www.echr.coe.int>>, Rule 32.

<sup>30</sup> ITLOS Rules of the Tribunal, available at <<http://www.itlos.org>>, art 126.

его содержание определяется в конечном счете самими членами суда, то есть их юридическую природу согласие государств составляет не напрямую, а косвенно. Содержание этих документов отражает представление суда о том, каким образом он может осуществлять свои функции. Однако иногда встречаются исключения. Так, по Вашингтонской конвенции о сохранении морских котиков стороны в споре могут варьировать выбор арбитражных правил (ст. 44), а в Регламенте МТМП есть следующее уточнение: сторонам в споре дано право совместно вносить изменения в процедуру (ст. 48). Это положение дает сторонам в споре некоторую степень контроля над правилами, если они этого потребуют; в случае Международного суда и МТМП внесение изменений в правила возможны, если суд сочтет их «подходящими», а в случае Центра по разрешению инвестиционных споров – такие изменения обязательны для суда. На самом деле такие изменения до сих пор совершались очень редко – мне удалось отметить только, что просьба об этом была внесена в МТМП в деле *Swordfish*<sup>31</sup>.

И учредительные документы, и Регламент далеко не всегда содержат исчерпывающие положения относительно процессуального права или процессуальных полномочий суда. Напротив, в них нередко есть *пробелы*. Американский исследователь Э. Гордон обращает внимание на ряд таких пробелов даже в отношении Международного суда<sup>32</sup>. Убедительным представляется его замечание о том, что «с целью достичь хоть какого-нибудь согласия или сформулировать хоть какой-нибудь текст вместо полного провала составители иногда соглашались на компромисс, вообще не упоминая спорный вопрос»<sup>33</sup>.

Обнаружив пробел в правилах своей процедуры или учредительных документах, суды нередко обращаются к поиску методов заполнения пробелов,

---

<sup>31</sup>Conservation and Sustainable Exploitation of Swordfish Stocks in the South-Eastern Pacific Ocean (Chile v European Community) (Order of 20 December 2000).

<sup>32</sup>Edward Gordon. The World Court and the Interpretation of Constitutive Treaties // American Journal of International Law. V. 59. 1965. P. 804.

<sup>33</sup>Ibid.

практикуемых другими судами. Этот процесс Ю. Шейни совершенно справедливо называет взаимным обогащением и считает это главным источником унификации международного судебного процесса<sup>34</sup>. Таких методов в основном два: мнения государств – участников соответствующего учредительного документа; толкование и применение процессуальных норм, обнаруживаемых в практике других судов. При этом происходит либо прямое включение на место пробела той нормы, которая успешно применяется другими судами, либо рецепция так называемых общих принципов права, то есть тех принципов, которые действуют в национальных правовых системах и в качестве обычая применяются другими судами<sup>35</sup>.

Необходимо отметить, что международные суды широко применяют Венскую конвенцию о праве международных договоров<sup>36</sup> к толкованию не только собственно международных договоров, но и внутренних документов судов, сформулированных самими судами. Ю. Шейни высказывает мнение о том, что они опираются при этом на положения п. 2 и 3 ст. 31 Венской конвенции, которые позволяют для целей толкования принимать во внимание также контекст (последующие соглашения, любой документ, который стороны считают относящимся к договору); последующую практику применения договора и вообще любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками<sup>37</sup>. С этим нельзя не согласиться, тем более что Комиссия международного права, которая занималась составлением проекта Конвенции о праве международных договоров, в своем комментарии к проекту подчеркнула, что определяющую роль в определении списка толкуемых документов играют намерения составителей договора. Это значит, что если во

---

<sup>34</sup>Shany Y. The Competing Jurisdictions of International Court and Tribunals. 2004. P. 138.

<sup>35</sup>Bin Cheng. General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals. 1987. P. 19, 22.

<sup>36</sup>Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 г. 1155 UNTS 311.

<sup>37</sup>Shany Y. Op.cit. P. 143.

внутренних документах суда изложена воля создателей суда в той же мере, что и в учредительных документах, документы «второго порядка» являются продолжением учредительного договора, к которому применима Венская конвенция о праве международных договоров.

Право Международного суда обладать полномочиями, которые прямо не прописаны в его учредительных документах, в доктрине получило оформление в концепцию подразумеваемых полномочий<sup>38</sup>. Данная концепция возникла сначала в отношении Организации Объединенных Наций и позднее была распространена на все международные организации. Хотя сама идея не раз практически применялась еще Постоянной палатой международного правосудия, концепция подразумеваемых полномочий была сформулирована Международным судом в консультативном заключении *Reparation for Injuries*<sup>39</sup>. Суд отметил, что Устав ООН не уполномочивает организацию выдвигать иск о возмещении вреда, понесенного одним из ее служащих. Однако суд заявил, что, учитывая функции ООН, положения Устава подразумевают, что организация вправе выдвигать такой иск. По словам суда, «согласно международному праву, должно само собой разумеется, что организация обладает таким полномочием, которое, хотя и не предусмотрено в Уставе прямо, возлагается на нее из соображения необходимости для осуществления ее деятельности».

Эту концепцию иногда характеризуют как принцип эффективности. Именно так оправдывают осуществление подразумеваемых полномочий такие суды, как Межамериканский суд по правам человека<sup>40</sup>, Европейский суд по правам человека<sup>41</sup>. Такую же позицию занял Международный суд, когда в деле *La Grand* ему пришлось решать вопрос об обязательной силе постановления о

---

<sup>38</sup>Chittharanjan F. Amerasinghe. Principles of the Institutional Law of International Organizations / 2nd edn 2005. P. 24–65.

<sup>39</sup>Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations (Advisory Opinion) [1949] ICJ Rep. 174.

<sup>40</sup>См.: IACHR. The Right to Information on Consular Assistance in the Framework of the Guarantees of the Due Process of Law, Ser A. No 16. P. 58 (1999).

<sup>41</sup>EctHR. Mamatkulov and Abdurasulovic v Turkey (2003).

временных мерах правовой защиты<sup>42</sup>.

Однако необходимо подчеркнуть, что принцип эффективности и построенная на нем концепция подразумеваемых полномочий имеют свои пределы. Судьи Международного суда П. Спендер и Дж. Фицморис сформулировали эти пределы в своем особом мнении, приложенном к решению по делу *South West Africa*: «Принципы толкования, нацеленные на придание толкуемым положениям максимального эффекта, неправомерно было бы использовать для пересмотра договора»<sup>43</sup>. По мнению автора, ограничение объема подразумеваемых полномочий можно сформулировать как недопустимость противоречия объекту и целям договора. Применительно к области определения международным судом объема своих полномочий следует сказать, что при определении такого объема суд не может выходить за пределы объекта и целей своего учредительного документа.

Таким образом, анализ показывает, что судебные средства разрешения международных споров, предусмотренные в Конвенции ООН по морскому праву, составляют часть глобальной системы судебных и арбитражных решений. Их учредительные документы и практика демонстрируют, что организация и деятельность существующих международных судов строятся по одним и тем же стандартам. У них однотипные, если не идентичные, методы отбора применимого права, формулирования собственного внутреннего права и принятия решений.

---

<sup>42</sup>LaGrand case (Germany v. USA). ICJ Reports, 2001.

<sup>43</sup>South West Africa Cases (Ethiopia v South Africa; Liberia v South Africa) (Second Phase) [1966] ICJ Reports. P. 6.



## §2. Компетенция Международного трибунала по морскому праву

### *а) общие положения относительно МТМП в Конвенции ООН по морскому праву*

Международный трибунал по морскому праву – новое судебное учреждение, предложенное участниками Третьей конференции по морскому праву<sup>44</sup> и ставшее частью системы средств мирного разрешения международных споров, связанных с деятельностью в Мировом океане.

Можно выделить две группы норм Конвенции, относящихся к Трибуналу. Это разд. 2 ч. XV и Приложение<sup>45</sup> VI – Статут Международного трибунала по морскому праву. В разд. 2 содержатся положения, относящиеся ко всем судебным и арбитражным органам, упомянутым в ч. XV Конвенции. Статут регулирует детали деятельности Трибунала. Поэтому С.Г. Коваленко совершенно обоснованно квалифицирует соотношение между этими двумя группами норм как общие нормы (положения ч. XV) и специальные нормы (положения Статута). Такой вывод он делает из того, что в положениях ч. XV устанавливается компетенция не только Трибунала, но и иных судебных учреждений, таких как споров: Международный суд арбитраж и специальный арбитраж (ст. 286–299), тогда как Статут Трибунала специально определяет компетенцию этого органа применительно к условиям его функционирования.

В соответствии со ст. 16 Статута Международный трибунал разработал свой Регламент, который был принят 28 октября 1997 г.<sup>46</sup> В тот же день Трибунал принял вспомогательный документ под названием «Руководящие указания

---

<sup>44</sup> Анализ обстоятельств созыва и особенностей работы Третьей конференции по морскому праву, а также процесс формирования современного международного морского права проведен в пятитомнике «Мировой океан и международное право», написанном учеными Советского Союза и социалистических стран см.: Мировой океан и международное право. М., Наука, 1986–1991.

<sup>45</sup> Все приложения составляют неотъемлемую часть Конвенции и входят в нее.

<sup>46</sup> Rules of the Tribunal (adopted 27 April 2005) // International Tribunal for the Law of the Sea. Basic Texts. (Martinus Nijhoff Leiden 2005). P. 15.

относительно подготовки и представления дел в Трибунал». В соответствии со ст. 40 Регламента 31 октября 1997 г. Трибунал по морскому праву принял Резолюцию «О внутренней судебной практике Трибунала»<sup>47</sup>.

Согласно ст. 1 Статута Трибунала, его штаб-квартира находится в «свободном ганзейском городе» Гамбурге (Федеративная Республика Германия), но Трибунал вправе проводить заседания и исполнять свои функции там, где сочтет нужным.

Составителями Конвенции в ходе их работы был активно использован опыт существования других международных судов, особенно Международного суда ООН. Это в полной мере отразилось на нормах, определяющих организацию Трибунала. Как гласит ст. 2 Статута, Трибунал состоит из коллегии в составе 21 независимого члена (судьи), избираемых тайным голосованием государствами – участниками Конвенции ООН по морскому праву из числа лиц, пользующихся самой высокой репутацией беспристрастности и справедливости и являющихся признанными авторитетами в области морского права. И далее там же сказано, что в составе Трибунала в целом должно быть обеспечено представительство основных правовых систем мира и справедливое географическое распределение. Кроме того, согласно п. 2 ст. 3 Статута, в составе Трибунала должно быть не менее трех членов от каждой географической группы, установленной Генеральной Ассамблеей ООН. Относительно последнего положения уточнение внесено в 1996 г. пятым совещанием государств-участников Конвенции в 1996г., и с тех пор в ходе выборов судей это уточнение не подвергается сомнению. Оно предусматривает избрание: пяти судей от Азии; пяти судей от Африки; четверых судей от Латинской Америки и Карибского бассейна; четверых – от Западной Европы и других стран; трех – от Восточной Европы.

---

<sup>47</sup>Resolution on the Internal Judicial Practice of the Tribunal' (adopted 27 April 2005) // International Tribunal for the Law of the Sea. Basic Texts (MartinusNijhoff Leiden 2005). P. 71.

Статья 4 Статута устанавливает, что избранными в Трибунал считаются кандидаты, получившие наибольшее число голосов, но не менее двух трети голосов присутствующих и участвующих в голосовании государств-участников при условии, что такое большинство включает большинство государств-участников.

В ст. 5 предусмотрено, что члены Трибунала избираются на срок девять лет и могут быть переизбраны. Срок полномочий семи членов из числа членов первого состава истекает через три года, а срок полномочий еще семи членов истекает через шесть лет. Судьи должны исполнять свои полномочия до тех пор, пока не произойдет замещение; но и в случае замещения они заканчивают любое разбирательство, начатое ими до даты их замещения, как предусмотрено в ст. 5. Первая встреча избранных судей состоялась 1 октября 1996 г., через две недели произошла официальная инаугурация Трибунала.

С целью обеспечить независимое исполнение правосудия в ст. 7 сказано, что ни один член Трибунала не может исполнять каких-либо политических или административных обязанностей и должен воздерживаться от участия в «несовместимой деятельности». Кроме того, ст. 8 запрещает членам Трибунала участвовать в решении какого-либо дела, в котором он ранее участвовал в качестве либо представителя, поверенного или адвоката одной из сторон, либо в качестве члена Национального или Международного суда, либо в ином качестве.

Независимость самих судей обеспечивается несколькими способами. Ни один судья не может быть отстранен от должности иначе как если он «по единогласному мнению других членов Трибунала» перестает удовлетворять предъявляемым требованиям (ст. 9). Оклады, надбавки и вознаграждения членов Трибунала устанавливаются время от времени на совещаниях государств – участников Конвенции с учетом рабочей нагрузки Трибунала и не могут быть уменьшены в течение срока службы (ст. 18).

При исполнении обязанностей в Трибунале его члены, как сказано в ст. 10, пользуются дипломатическими привилегиями и иммунитетами. Эти привилегии и иммунитеты были подробно определены в Соглашении о привилегиях и иммунитетах Трибунала, принятом 23 мая 1997 г. в ходе седьмого совещания государств – участников Конвенции. Соглашение вступило в силу 30 декабря 2001 г.<sup>48</sup> Привилегии судей и Трибунала на территории Германии также определены в Соглашении об условиях пребывания штаб-квартиры Международного трибунала, заключенном между Трибуналом и ФРГ 14 декабря 2004 г.

По ст. 11 Статута каждый член Трибунала до вступления в должность обязан сделать на открытом заседании торжественное заявление, что он будет отправлять свою должность беспристрастно и добросовестно.

Расходы Трибунала несут государства-участники, и Орган по морскому дну<sup>49</sup> на условиях и в порядке, определяемых на совещаниях государств-участников в случаях (ст. 19). Если стороной в споре, представляемом Трибуналу, является субъект, не являющийся государством, или Органом по морскому дну, Трибунал определяет сумму, которую данная сторона должна внести на покрытие расходов Трибунала.

Концептуально организационная структура Трибунала построена так же, как структура Международного суда: Международный трибунал по морскому праву состоит из председателя, заместителя председателя, других судей Трибунала, камер, секретаря, его заместителя и других должностных лиц Трибунала. Председатель и заместитель председателя избираются Трибуналом на три года и могут быть переизбраны. Председатель играет центральную роль в том, что касается работы Трибунала и его управления. Председатель направляет эту работу,

---

<sup>48</sup> Agreement on the Privileges and Immunities of the International Tribunal for the Law of the Sea (adopted 23 May 1997) // International Tribunal for the Law of the Sea (ed) Basic Texts (MartinusNijhoff Leiden 2005). P. 82

<sup>49</sup> Международная организация, созданная для реализации идеи «Общего наследия человечества» применительно к глубоководному дну Мирового океана.

контролирует администрацию и председательствует на всех заседаниях Трибунала. В соответствии с правилом 12 Регламента он также исполняет некоторые полномочия Трибунала в его отсутствие.

В Статуте предусмотрен также порядок назначения судей *ad hoc*. Если в составе Трибунала при рассмотрении любого спора находится член, состоящий в гражданстве одной стороны, любая другая сторона в споре может избрать какое-либо лицо для участия в качестве члена Трибунала. Если в составе Трибунала при рассмотрении какого-либо спора нет ни одного члена, состоящего в гражданстве сторон, то каждая из этих сторон может избрать какое-либо лицо для участия в качестве члена Трибунала. Если у нескольких сторон имеется общий интерес, то они для целей назначения судьи *ad hoc* рассматриваются как одна сторона. При этом судьи *ad hoc* должны соответствовать требованиям, изложенным в ст. 2, 8 и 11 Статута. Они участвуют в принятии решения на условиях полного равенства с коллегами.

Одно из отличий в организации Трибунала от других международных судов состоит в порядке привлечения технических специалистов или других экспертов по естественно-научным вопросам. Если какой-либо спор затрагивает специальные вопросы и их решение может повлиять на исход спора, Трибунал вправе по просьбе сторон или по собственной инициативе привлечь не менее двух экспертов; для этого может быть использован список, предусмотренный приложением VIII (регулирующий создание и деятельность так называемого специального арбитража), но использование этого списка факультативно. Эксперты, привлеченные к работе Трибунала, не имеют права голоса (ст. 289 Конвенции и ст. 42 Регламента). Кроме того, в судебном разбирательстве могут участвовать для дачи показаний лица, приглашаемые сторонами в качестве специалистов в тех или иных вопросах (ст. 72 и 77 Регламента).

Секретарь Трибунала и его заместитель назначаются Трибуналом на срок

пять лет из кандидатов, предложенных его членами (ст. 32 и 33 Регламента). Секретарь возглавляет секретариат и в исполнении своих функций несет ответственность только перед Трибуналом. Его функции регулируются положениями ст. 36 Регламента.

Важной частью Трибунала являются камеры. Самое значительное явление – это создание Камеры по спорам, касающимся морского дна. Она имеет статус постоянно действующего подразделения Трибунала с собственной компетенцией, о чем подробнее будет идти речь в гл. III. Нормативной основой деятельности этой камеры является ч. XI п. 5 Конвенции и ст. 14 Статута Трибунала.

Предусмотрен также целый ряд так называемых специальных камер, которые могут функционировать в рамках Трибунала (ст. 15 Статута). Эти камеры строятся по образцу камер, предусмотренных Статутом Международного суда. В рамках Трибунала по морскому праву могут быть сформированы камеры трех категорий: для рассмотрения определенных категорий споров, для рассмотрения конкретного спора, для рассмотрения споров в порядке упрощенного судопроизводства. Две камеры первой категории были сформированы в 1997 г.: для споров о рыболовстве и для споров об охране морской среды. В эти камеры Трибуналом назначаются судьи на срок не более трех лет.

Камера упрощенного судопроизводства в составе пяти судей создается ежегодно. По должности в данную камеру входят председатель и заместитель председателя. Эта камера может рассматривать и разрешать споры в порядке упрощенного производства.

Если стороны не просят о рассмотрении дела камерой, оно слушается полным составом Трибунала. Решение, принятое любой из камер, считается вынесенным самим Трибуналом.

Таким образом, общие положения формирования и деятельности Трибунала фактически совпадают с тем, что выработано практикой других международных

судов;

*б) компетенция МТМП*

Основные особенности Трибунала заключаются в его компетенции.

Общие положения, касающиеся деятельности Трибунала, в целях анализа следует разделить на две части: те, которые сближают его с другими международными судебными учреждениями, или, точнее сказать, являются такими же, как относящиеся к другим судам и положения, придающие Трибуналу по морскому праву специфические черты, которых нет у других судов, упомянутых в Конвенции.

Трибунал сближается с другими судами в силу следующих характеристик. Трибунал по морскому праву открыт для государств – участников Конвенции ООН по морскому праву, а также некоторых государств, специально определенных в ст. 305 Конвенции (это Намибия и самоуправляющиеся ассоциированные государства). Возможно также признание юрисдикции Трибунала по соглашению между сторонами какого-либо определенного спора (ст. 291 Конвенции и ст. 20 Статута).

Трибунал обладает компетенцией на рассмотрение любого спора относительно толкования или применения Конвенции ООН по морскому праву, представленного ему в соответствии с ч. XV Конвенции, а также в отношении любого спора относительно толкования или применения международного соглашения, связанного с целями Конвенции ООН по морскому праву. В любом случае сомнения относительно наличия компетенции у Трибунала разрешаются самим Трибуналом.

В качестве применимого права Трибунал использует Конвенцию ООН по морскому праву и другие нормы международного права, не являющиеся несовместимыми с Конвенцией. Трибунал вправе также решать дело *ex aequo et bono*, если стороны с этим согласны (ст. 293 Конвенции).

Некоторые инновационные положения введены в Конвенцию с целью предотвратить злоупотребление судебным процессом. По ст. 294 Конвенции Трибунал по просьбе одной из сторон в споре или по собственной инициативе уполномочен определять, не представляет ли обращение в Трибунал со спором, предусмотренным в ст. 297 Конвенции, «злоупотребление судебной или арбитражной процедурой или оно является *prima facie* вполне обоснованным». Если Трибунал определяет, что такое требование представляет собой злоупотребление судебной или арбитражной процедурой или является *prima facie* необоснованным, он не предпринимает никаких дальнейших действий по данному делу. Однако в той же статье специально оговаривается, что ничто не затрагивает право сторон в споре выдвигать предварительные возражения в соответствии с применимыми правилами процедуры. Развитие положений о предварительных возражениях содержится в ст. 96 Регламента.

Предварительное возражение против юрисдикции Трибунала или против приемлемости обращения либо любое иное возражение, по которому требуется решение до перехода к рассмотрению дела по существу, должно быть выдвинуто в течение 90 дней с момента начала процесса рассмотрения (ст. 97 Регламента). Если возражение выдвинуто, рассмотрение спора по существу приостанавливается. Сторонам предоставлено право выдвигать предварительное возражение и требование о проведении предварительного рассмотрения одновременно.

В компетенцию Трибунала входит толкование или пересмотр его собственных решений (ст. 126–129 Регламента).

Важной частью компетенции Трибунала является его право допускать к участию в деле третью сторону. Статут предусматривает возможность вступления в дело третьей стороны в двух формах (ст. 31 и 32) в целом примерно так же, как это сделано в Статуте Международного суда:

– по просьбе о вступлении в дело со стороны государства – участника Конвенции,



которое полагает, что его интерес правового характера может потерпеть ущерб решением того или иного спора;

– в случае возникновения вопроса о толковании или применении Конвенции, когда на вступление в дело может претендовать любое государство – участник Конвенции.

Интересно, что, согласно ст. 31 Статута, третья сторона может быть допущена к участию в разбирательстве независимо от выбора процедуры, сделанного этой стороной по ст. 287 Конвенции.

В Конвенции нет положений, прямо уполномочивающих Трибунал давать консультативные заключения; однако в ст. 21 Статута сказано, что Трибунал вправе это делать, если это специально предусмотрено международным соглашением, связанным с целями Конвенции, а сам запрос о консультативном заключении передается Трибуналу любым органом, уполномоченным на то посредством соглашения (ст. 138 Регламента).

*в) особое место МТМП среди других судов и арбитражей*

Особое место Международного трибунала по морскому праву среди других обязательных средств разрешения споров по Конвенции определяется некоторыми особенностями его юрисдикции, о чем упоминалось выше.

Прежде всего отметим некоторые процессуальные особенности рассмотрения споров в Трибунале. После обращения спорящих сторон в Трибунал возникает два вида взаимоотношений: взаимоотношения между Трибуналом и сторонами и взаимоотношения между самими сторонами;

*а) устное производство*

Устное производство, представляющее собой неформальные переговоры между сторонами, трудно оценить по достоинству, и Трибунал даже в рамках общепринятой в международном праве практики не всегда квалифицирует его

одинаково. Это нашло отражение в деле «*Хошинмару*»<sup>50</sup>. Трибунал постановил, что протокол заседания российско-японской комиссии по рыболовству может определять права и обязанности сторон, но отметил при этом, что, хотя он и отражает согласованную позицию сторон, Трибунал не может найти в нем юридической договоренности по рассматриваемому вопросу, а именно – по критериям определения размера залога. Трибунал также добавил, что концепция молчаливого согласия в случае устного производства неприменима, поскольку Япония не обязана как-либо реагировать на запросы.

В другом же случае, касающемся спора по поводу делимитации морской границы между Бангладеш и Мьянмой в Бенгальском заливе<sup>51</sup>, Трибунал постановил, что протокол, составленный неуполномоченными представителями делегаций двух стран, является всего лишь записью условного взаимопонимания, не создающей никаких правовых обязательств;

*b) прекращение дела*

Дело «*ЧайсириРифер2*»<sup>52</sup> было инициировано Панамой для незамедлительного освобождения судна, его команды и груза, задержанных властями Йемена. 13 июля 2001 г. Панама и Йемен заключили соглашение, и после освобождения судна, его груза и команды дело было исключено из реестра дел Трибунала. В данном случае заключение внесудебной договоренности стало возможным благодаря средствам защиты, предоставляемым Трибуналом.

В деле «*ЧаисириРифер 2*» имелось ходатайство о незамедлительном освобождении судна, поданное в соответствии со ст. 292 Конвенции по морскому праву ООН. После назначения даты слушаний стороны уведомили Трибунал, что

---

<sup>50</sup>The «Hoshinmaru» Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release. Judgment of 6 August 2007. ITLOS Reports. 2005–2007. P. 18.

<sup>51</sup> Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh v. Myanmar). Judgment of 14 March 2012.

<sup>52</sup> The «Chaisiri Reefer 2» Case (Panama v. Yemen) (Prompt Release). Order of July 13, 2001. 5 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders 82\_84 (2001). Available at [http://www.itlos.org/start2\\_en.html](http://www.itlos.org/start2_en.html).

достигли договоренности, и дело было исключено из реестра в соответствии с положениями ст. 105 (2) и (3) Регламента Трибунала. По всей видимости, возможность удовлетворения требований заявителя способствовала внесудебному урегулированию спора.

Прекращение дела часто называют чисто процедурным или административным вопросом: соответствующие положения правил рассматривают только вопросы «как», а не «почему» применительно к обстоятельствам.

*с) молчаливое согласие*

Трибунал также уделил внимание важному вопросу молчаливого согласия, хотя в решении не приводится соответствующих разъяснений. Спорящие стороны не могли договориться об участии государства Сент-Винсент и Гренадины<sup>53</sup> в процессе в качестве государства флага, поскольку на момент ареста судно не было законно зарегистрировано в Сент-Винсенте. В решении Трибунала говорится, что Трибунал и стороны фактически относились к Сент-Винсенту как к государству флага. И все же, с точки зрения автора, Трибунал отдал приоритет целесообразности, заявив, что в данном случае интересы правосудия не были соблюдены, если бы он отказался рассматривать обстоятельства дела.

В двух очень важных для морской деятельности областях Международный трибунал наделен *исключительной компетенцией*. Это незамедлительное освобождение задержанных судов и экипажей рыболовных судов по ст. 292 Конвенции ООН по морскому праву, а также предписание временных мер правовой защиты по ст. 290 (5), поскольку эти вопросы не терпят отлагательства и должны рассматриваться без задержки. Из 22 дел, представленных Трибуналу, 20 были возбуждены на основании такой обязательной компетенции.

Вопрос *о незамедлительном освобождении судна и экипажа* встает в том

---

<sup>53</sup> M/V «Saiga» (No. 2) Case, Order on Provisional Measures (St. Vincent v. Guinea), 37 I.L.M. 1202 (Int'l Trib. L. Sea, Mar. 11, 1998).

случае, когда власти одного государства – участника Конвенции задерживают судно под флагом другого государства-участника на том основании, что считают его нарушающим законодательство задерживающего государства, основанное на положениях Конвенции. Если уполномоченное лицо готово предоставить разумный залог или иное финансовое обеспечение с тем, чтобы судно покинуло порт, где его поставили на стоянку, и ушло в плавание, не дожидаясь судебного расследования самого события, из-за которого произошло задержание, но задерживающее государство не отпускает судно, то вопрос об этом может быть передан:

- любому суду или арбитражу по соглашению сторон;
- суду или арбитражу, признанному задерживающим государством;
- Международному трибуналу по морскому праву уже независимо от согласия или несогласия задерживающего государства.

Это уникальное положение: как только государство становится участником Конвенции, для него становится обязательной юрисдикция Трибунала в вопросах освобождения судов. В основе данного положения лежат чисто практические соображения: простой судна в порту приносит значительные убытки, и освобождение под залог судна, вина которого не доказана, – это своеобразное выражение презумпции невиновности; в то же время никакой другой суд или арбитраж просто не способен обязать задерживающее государство освободить судно<sup>54</sup>. Таким образом, Международному трибуналу приданы неоспоримые и в значительной мере не зависящие от согласия спорящих сторон полномочия. При этом норма императивна: в п. 4 ст. 292 выделено обязательство задерживающего государства незамедлительно выполнить решение суда или арбитража об освобождении судна или его экипажа после предоставления залога или иного

---

<sup>54</sup>Treves T. The Proceedings Concerning Prompt Release of Vessels and Crews // International Courts for the Twenty-First Century. L. 1996. P. 179, 186.

финансового обеспечения.

Положение о незамедлительном освобождении судов и их экипажей – новация в международном праве: никакой другой договор не содержит подобных положений, хотя, как правильно указывает Р. Черчилль, это, по сути, форма дипломатической защиты<sup>55</sup>, поскольку обращение в Трибунал или иной суд возможно только от имени государства флага судна, так что это государство берет на себя защиту своего юридического лица от вредоносных действий другого государства. Правда, в отличие от общепринятых правил дипломатической защиты, в процедуре незамедлительного освобождения не требуется предварительное исчерпание внутренних средств правовой защиты<sup>56</sup>.

Что касается *временных средств правовой защиты*, это общий принцип судебного процесса, обязывающий признавать права и обязанности спорящих сторон такими, какими они были на момент начала судебного разбирательства<sup>57</sup>. Постоянная палата международного правосудия в решении по делу *Electricity Company* заявила, что существует принцип, признанный международными судами, а также закрепленный во многих договорах, согласно которому стороны в споре должны воздерживаться от любых действий, способных создать негативные условия для осуществления будущего решения, и в целом не должны делать такие шаги, которые могут затруднить ситуацию и повести к разрастанию спора<sup>58</sup>.

Необходимо отметить, что полномочия на принятие постановления о временных мерах предписываются не приложением VI, которое содержит Статут МТМП, а одной из статей Конвенции, а именно – ст. 290, определяющей

<sup>55</sup>Robin C. Hurchill. Trends in Dispute Settlement n the Law of the Sea: Towards the Increasing Availability of Compulsory Means // International Law and Dispute Settlement. New Problems and Techniques. Edited by Duncan French Matthew Saul and Nigel D. White. 2010. P. 153.

<sup>56</sup>См.: Комиссия международного права. Проект статей о дипломатической защите // Ежегодник Комиссии международного права. 2006. С. 16.

<sup>57</sup>Rosenne Sh. Provisional Measures in Interbational Law.OUP, 2005. P. 3.

<sup>58</sup>Electricity Company of Sofia and Bulgaria (Interim Measures) case, PCIJ, Series a/b 79, 1939. P. 199.

полномочия любого суда или арбитража, которому передается спор с участием государства – участника Конвенции. Однако, согласно п. 5 ст. 290, если стороны в споре в течение двух недель не смогли договориться о суде или арбитраже, к которому собираются обращаться за предписанием временных мер, или формирование такого суда или арбитража затягивается по времени, предписание временных мер находится в компетенции МТМП. Ограничительное условие здесь – сам Трибунал или арбитраж, который должен рассматривать спор по существу, должен *prima facie* обладать юрисдикцией.

Содержание ст. 290, как верно подчеркивает Ш.Розенн<sup>59</sup>, – это фактически обобщение опыта Международного суда в области предписания временных мер. Однако есть одно весьма важное отличие: п. 6 ст. 290 обязывает стороны в споре исполнять предписание о временных мерах: «Стороны в споре незамедлительно выполняют любые временные меры, предписанные на основании настоящей статьи».

Еще одна инновация по сравнению с Международным судом состоит в целях предписания временных мер. В Статуте Международного суда цель чисто процессуальная и состоит в обеспечении прав спорящих сторон. В ст. 290 Конвенции по морскому праву такие меры могут быть также предписаны для предотвращения причинения серьезного ущерба морской среде.

Особое место МТМП определяется также *признанием этого суда со стороны государств – участников Конвенции*.

В процессе переговоров в ходе Третьей конференции о введении в будущую Конвенцию обязательных средств разрешения споров со стороны многих делегаций высказывалось предпочтение арбитражу, на том основании, что при передаче спора этому учреждению стороны в споре не так сильно отделены от

---

<sup>59</sup> Rosenne Sh. Op. cit. P. 46.

порядка его формирования и деятельности<sup>60</sup>. Эти позиции государств нашли отражение в Конвенции: государство, не сделавшее выбора судебного или арбитражного средства разрешения споров с его участием, считается согласившимся на арбитраж по приложению VII<sup>61</sup>. В российской науке обращалось на это внимание. Например, Т.Г. Саксина из этого факта делает в своей диссертации вывод о том, что «арбитраж как средство урегулирования межгосударственных морских споров занимает особое место среди других обязательных процедур такого урегулирования, предусмотренных Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.»<sup>62</sup>. Т.Г.Саксина, кроме того, указывает на факты: ко времени написания ее диссертации «только 35 государств из 152 государств – участников Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. сделали выбор в пользу какого-либо из средств разрешения споров, предусмотренных ст. 287 данной Конвенции, поэтому в силу этой статьи более 100 государств-участников, не охватываемых заявлением о выборе обязательной процедуры, считаются согласившимися на арбитраж»<sup>63</sup>. Формально это правильный вывод, однако в его основе лежит принцип «отсутствие возражения означает согласие». Но при всей его формальной правильности нельзя не признать, что отсутствие возражения – это не совсем то же, что явно выраженное согласие.

М.Р. Хубиева в определенной степени также не вполне признает отсутствие выбора согласием на арбитраж<sup>64</sup>. Она отмечает, что большинство из тех, кто сделал выбор, – это развитые государства, в частности, члены Европейского союза, и очень немного развивающихся государств. По ее мнению, это означает, что

<sup>60</sup> *Saxena J.N.* Limits of compulsory jurisdiction in respect of the law of the sea disputes // *Law of the sea*. Caracas and beyond / Ed. by R. P. Anand. The Hague; Boston; L., 1980.

<sup>61</sup> Декларация государств о выборе суда и арбитража см.: Division for Ocean Affairs and the Law of the Sea, U.N. Office of Legal Affairs, Settlement of Disputes Mechanism: Choice of Procedure by States Parties Under Article 287 of the Convention. <<http://www.un.org/Depts/los/lossdm1.htm>>

<sup>62</sup> Саксина Т.Г. Арбитражное урегулирование межгосударственных морских споров: Автореферат дисс. ... к.ю.н. М., 2007. С. 7.

<sup>63</sup> Там же.

<sup>64</sup> Хубиева М.Р. Практика международных судов и арбитражей, предусмотренных в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.: Дисс. к.ю.н. М., 2012. С. 28–29.

развивающиеся государства не вполне доверяют судебным и арбитражным средствам разрешения споров, очевидно опасаясь, что такие средства при принятии решений могут не всегда руководствоваться чисто правовыми соображениями. М.Р. Хубиева ссылается на множественность правовых систем в нашем мире и указывает на то, что «формализованные, чисто юридические средства улаживания разногласий имеют очень разную степень развития внутри государств, относящихся к разным группам. Так, в Китае и в большинстве стран Африки преимущественно пользуются суды, соединяющие в себе третейскую и согласительную процедуры; в мусульманских государствах имеют значение шариатские суды. Вполне естественно, что такие страны могут испытывать недоверие к международным судам и арбитражам, формирующимся и действующим по образцу западноевропейских судов»<sup>65</sup>.

М.Р. Хубиева приводит таблицу, составленную Р. Черчиллем<sup>66</sup>, содержащую статистический анализ случаев выбора, произведенного государствами, где показано, что только примерно 25% участников Конвенции произвели выбор. Из приводимой таблицы видно, что типовой выбор составляет не одно, а несколько средств, среди которых почти всегда присутствует Трибунал по морскому праву. М.Р. Хубиева пишет: «Некоторые государства, делая выбор в пользу нескольких средств, указали приоритет; арбитраж приоритетного места не занимает ни в одной декларации»<sup>67</sup>.

Таким образом, выбор, сделанный государствами – участниками Конвенции, не показывает предпочтения арбитражу.

Таким образом, Международный трибунал по морскому праву наделен широкой компетенцией в области разрешения международных споров. Тем не

---

<sup>65</sup> Хубиева М.Р. Указ. соч. С. 30.

<sup>66</sup> Churchill R. Some Reflections on the Operation of the Dispute Settlement System of the UN Convention on the Law of the Sea During its First Decade // The Law of the Sea. Progress and Prospects. Freestone D., Barnes R., Ong D. (eds). 2006. P. 294.

<sup>67</sup> Хубиева М.Р. Указ. соч. С. 29.



менее эта компетенция подчиняется тем же ограничениям и исключениям, которые распространяются на другие суды и арбитражи, предусмотренные в Конвенции.

Международный трибунал по морскому праву сначала задумывался как специальный Международный суд для разрешения споров относительно исследования и использования глубоководного дна Мирового океана, которое в ходе Третьей конференции по морскому праву получило статус общего наследия человечества. Однако в Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Трибунал вошел как суд, наделенный компетенцией на разрешение любых споров о толковании и применении Конвенции, а для споров относительно «общего наследия человечества» была предусмотрена специальная Камера по морскому дну, которая, являясь частью Трибунала, обладает особой исключительной компетенцией, что делает ее фактически «Трибуналом в Трибунале».

Положения, регулирующие вопросы создания и деятельности Трибунала, сформулированы с учетом опыта целой сети существующих ныне международных судов и арбитражей, особенно Международного суда, однако в силу своей специфики Трибунал обладает целым рядом особенностей.

Так, Трибуналу даны довольно широкие полномочия для привлечения технических экспертов и других специалистов для сбора сведений и выяснения специальных вопросов; тем самым расширяются и его возможности в сфере информации и доказательств.

В отличие от других судов и арбитражей, предусмотренных в Конвенции, Трибунал наделен исключительной компетенцией на рассмотрение дел о незамедлительном освобождении задержанных судов и на предписание временных мер правовой защиты. Первая категория его исключительной компетенции – новация в международном праве; вторая категория, хотя и известна из практики Международного суда, получила некоторые новые характеристики, на которые указывалось выше.

### **§ 3. Вопрос об участии Международного трибунала по морскому праву в развитии международного морского права**

Данный вопрос представляет особый интерес потому, что, с одной стороны, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. была фактически незаконченным документом, полным компромиссных положений, с другой стороны, в западной литературе было довольно много утверждений о том, что международные суды фактически развивают право, и даже многие ученые возражали против создания Международного трибунала по морскому праву на том основании, что его правотворчество приведет к фрагментации международного права.

#### *а) перспективы развития международного морского права после Третьей конференции*

Во время заключительной сессии Третьей конференции ООН по морскому праву один из делегатов отметил философски: «В силу самой природы всех вещей они не остаются статичными, на смену росту приходит упадок, на смену упадку – рост. Продвижение технологии, а также восприятия людей и изменения их устремлений несомненно в будущем окажут давление на рамки того правопорядка, который мы устанавливаем сегодня»<sup>68</sup>. Если создатели Конвенции стремились к стабильности правопорядка, он должен соответствовать происходящим в мире юридическим, политическим и технологическим изменениям.

Вопрос об этом был поставлен генеральным секретарем ООН еще в самом начале работы конференции: «Международное сообщество будет неизбежно развиваться, и различные виды деятельности в Мировом океане будут становиться более разнообразными»<sup>69</sup>. «Поэтому, – продолжал генеральный секретарь, –

---

<sup>68</sup> Statement of Sri Lanka, 187th meeting, Official Records of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Vol. 17. P. 48. Para. 161.

<sup>69</sup> Statement by the UN Secretary-General, 14th meeting, 20 June 1974, Official Records of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Vol. 1. P. 38. Para. 42.

Конференции нужно подумать, не следует ли создать некие институциональные средства, с помощью которых в рамках будущей Конвенции могли бы быть согласованы и использоваться меры для предотвращения устаревания Конвенции в изменяющемся мире»<sup>70</sup>.

Было выдвинуто несколько предложений – например, создать постоянную комиссию по морскому праву<sup>71</sup> или периодическую конференцию по морским делам<sup>72</sup>. Предлагалось также после некоторого периода времени созвать конференцию по мониторингу исполнения Конвенции и возможному пересмотру.

Подобное предложение было включено в проект статей, выдвинутый председателем Группы юридических экспертов по заключительным положениям<sup>73</sup>. Из-за отсутствия согласия идея общего периодического пересмотра была отвергнута, разработаны статьи о правилах внесения поправок в Конвенцию. Согласованные нормы вошли в ч. XVII Конвенции «Заключительные положения».

Однако, по мнению многих авторов<sup>74</sup>, общий характер Конвенции делает почти невозможным применение положений о поправках на практике: ее пакетный характер означает тесную связь не только между юридическими положениями, но и этих юридических положений с политическими проблемами, и в этой ситуации почти невозможно безболезненно вырезать и заменить что-то в тексте Конвенции. Поэтому нельзя не согласиться с теми, кто утверждает, что должен быть соблюден баланс между целостностью Конвенции и динамическим развитием морского права<sup>75</sup>.

Таким образом, никаких особых институциональных форм развития

---

<sup>70</sup> Там же.

<sup>71</sup> Предложение Перу о создании постоянной комиссии по морскому праву. UN Doc. A/Conf.62/L.22, Official Records of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Vol. 9. P. 180.

<sup>72</sup> Предложение Португалии относительно учреждения периодической конференции по морским делам. Doc. A/Conf.62/L.23, Official Records of the Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Vol. 9. P. 181.

<sup>73</sup> См.: Nordquist M. et al. eds. United Nations Convention on the Law of the Sea. A Commentary. V. 5. 1989. P. 252–253.

<sup>74</sup> См., напр.: Freestone D., Oude Elferink A. Flexibility and Innovation in the Law of the Sea: Will the LOS Convention amendment procedures ever be used? // Oude Elferink A. (ed.) Stability and Change in the Law of the Sea: the Role of the LOS Convention, 2005. P. 173–183.

<sup>75</sup> Freestone D., Barnes R., Ong D. (eds.). The Law of the Sea. Progress and Prospects. OUP, 2010. P. 14.

морского права не было создано, и развитие международного морского права происходит так же, как во всех других сферах международной деятельности: через практику государств и других участников деятельности в Мировом океане, в том числе международных организаций, а также через практику международных судов. Рост числа новых судов создал опасность «фрагментации международного права». Так, С. Швобель, занимавший пост председателя Международного суда, предостерегал, что создание множества судов может привести только к фрагментации общего международного права и международного морского права, потому что появятся конкурирующие толкования, составляющие часть не соответствующих друг другу судебных решений, вынесенных судами с разным объемом юрисдикции и разными компетенциями<sup>76</sup>.

Особенно много критики направлялось в адрес Международного трибунала по морскому праву, в котором судьи Международного суда видели некоего соперника, а также ненужное и бесполезное добавление к разрастающейся сети международных судебных учреждений. Судья Ш. Ода заявлял, например, что Международный трибунал заблокирует развитие международного морского права, отгородив его от общего международного права, и нанесет тем самым вред и всему международному праву<sup>77</sup>.

Однако не все ученые разделяли такие опасения. В 1997 г. А. Бойл проанализировал, насколько обоснованными являются страхи фрагментации международного права и насколько может быть велика в этом роль Трибунала по морскому праву<sup>78</sup>. Тогда он пришел к выводу о том, что «пока рано судить, насколько конкуренция между различными международными судами будет

<sup>76</sup> Stephen M. Schwebel, President of the International Court of Justice. Address to the United Nations General Assembly. 26 October 1999.

<sup>77</sup> Shigeru Oda. Some Reflections on the Dispute Settlement Clauses in the United Nations Convention on the Law of the Sea // J. Macaraczyk (ed.) Essays in International Law, in Honour of Judge Manfred Lachs, 1984. P. 115.

<sup>78</sup> A. Boyle. Dispute Settlement and the Law of the Sea Convention: Problems of Fragmentation and Jurisdiction // International and Comparative Law Quarterly. V. 46. 1997.

содействовать разрешению споров – или эта конкуренция только приведет к фрагментации материальной части международного морского права либо международного права в целом»<sup>79</sup>.

Вопрос о фрагментации международного права не уникален для международного морского права. В 1999 г. Комиссия международного права ООН<sup>80</sup> предложила включить вопрос о фрагментации международного права в перечень проблем для изучения, поскольку фрагментация в дальнейшем может создать значительные трудности для международного права в целом. Комиссией была создана Группа для изучения, которая ежегодно представляла доклады о ходе своей работы<sup>81</sup> и завершила труд в 2006 г.<sup>82</sup>

В заключительном докладе, который содержит выводы рабочей группы, выделяется три направления, по которым отмечаются сбои в развитии международного права, вызванные так называемой фрагментацией:

- различия в толковании общего международного права;
- общее международное право и специальное;
- различия между отраслями международного права.

Общий вывод рабочей группы состоял в том, что фрагментация всегда присутствует в международном праве и вызывается особенностями этого права. Действительно, в международном праве отсутствует единый источник, и способы формирования норм (договор, обычай, общие принципы права, обязывающие решения международных организаций) равнозначны по юридической силе; в то же время иерархичность в международном праве также отсутствует; приоритетное значение норм *jus cogens* не создает прямой зависимости между данной категорией

---

<sup>79</sup> А. Boyle. Op. cit. P. 41.

<sup>80</sup> Вспомогательный орган Генеральной Ассамблеи ООН, созданный для содействия кодификации и прогрессивному развитию международного права.

<sup>81</sup> Report of the Study Group of the International Law Commission “Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law” (Analytical Study) (2006) UN Doc A/CN.4/L.682.

<sup>82</sup> Report of the Study Group of the International Law Commission “Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law” (Conclusions) (2006) UN Doc A/CN.4/L.702.

норм и другими нормами. Очевидно, связующим звеном здесь являются только общепризнанные принципы и нормы, и именно они должны служить руководящими началами для предотвращения распада международного права на отдельные куски.

*б) роль международных судов в развитии международного права*

В настоящее время не оспаривается тот факт, что международные судебные учреждения не обладают правотворческими функциями. Однако они играют определенную роль, и довольно значительную, в процессе формирования норм международного права. Их роль в этом процессе зависит от самой сути деятельности по разрешению международных споров. Необходимо подчеркнуть, что наиболее действенным инструментом являются решения международных судебных учреждений, которые, как правило, содержат очень основательную аргументацию.

В англо-американской литературе распространено приравнивание международных судов к национальным судам, предлагающим прецедентное развитие права<sup>83</sup>. Однако это лишь внешнее сходство, что и будет показано ниже. На самом деле участие судей и судов в целом – сложный процесс.

И сами судьи, и специалисты, анализирующие работу судов, оказывают воздействие на то, что решения судов влияют на правотворчество. Многие судьи утверждают, что они не формулируют право, а лишь «открывают» существующие нормы. Бывший член Международного суда М. Шахабуддин в своей большой книге «Прецеденты во Всемирном суде»<sup>84</sup> ссылаясь на слова судей Фицмориса, Паша, Вайсса, Рида, Крылова и привел высказывание судьи Р. Дженнинга: «Вероятно, самое важное проявление функции суда – это применение существующих, общепризнанных норм или принципов права... даже если при

---

<sup>83</sup>См., напр.: Alvarez J. E. International Organizations as Law-makers. OUP, 2006. P. 259.

<sup>84</sup>Shahabuddeen M. Precedent in the World Court. Cambridge University Press, 1996.

этом происходит правотворчество в смысле развития, адаптации, модификации норм, заполнения пробелов, толкования или даже выделения новых направлений в праве»<sup>85</sup>. Однако, по мнению М. Шахабуддина, Международный суд всегда проявлял особую щепетильность в том, чтобы не присвоить себе полномочия по созданию международного права<sup>86</sup>. Но нельзя не признать, что к международным судам формально неприменима концепция «смотри на прежние решения»<sup>87</sup>, они неизменно обращаются к своим более ранним трудам; известно, что Международный суд обильно цитирует свои решения. Точно так же поступают и представители государств – сторон в споре, рассматриваемом Международным судом. Представители государств, как правило, занимают позицию, согласно которой Международный суд должен следовать своим прежним решениям. Такие же позиции отражаются в документах, исходящих от государств вообще; государства нередко ссылаются на решения суда в обоснование своих позиций<sup>88</sup>.

В литературе такая практика объясняется по-разному. Некоторые считают необходимым признать, что отдельные события, в том числе решения судов, развивают международное право потому, что само международное право в значительной степени формируется из неписаных норм и принципов, или потому, что для международной жизни характерны центробежные процессы, и решения судов как бы позволяют выделить в них объединяющие элементы<sup>89</sup>. Кроме того, необходимо учитывать также такую черту международного права, как отсутствие иерархии в его нормах и отсутствие единого источника. В этой ситуации п. 38 Статута Международного суда, в котором судебные решения, наряду с доктринами наиболее квалифицированных специалистов по публичному

---

<sup>85</sup> Ibid. P. 232.

<sup>86</sup> Ibid. P. 86, 90.

<sup>87</sup> «staredecisis» – понятие в англо-американской юриспруденции, которое означает обязанность суда учитывать принятые ранее судебные решения, благодаря чему формируется прецедент.

<sup>88</sup> Oda Sh. The International Court of Justice Viewed from the Bench (1976–1993) // Recueil des Cours, V. 244. 1993. P. 144–155.

<sup>89</sup> Shahabuddeen M. Precedent in the World Court. P. 8–9.

праву квалифицируются как «вспомогательное средство для определения правовых норм» привлекают внимание и позволяют применять судебные решения для установления смысла того или иного договора, требований обычая или значения «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями». Следует отметить, что данное положение (о судебных решениях как «вспомогательном средстве») никогда не было предметом толкования ни в трудах международных судов, ни в решениях международных организаций. Г. Г. Шинкарецкая высказывает догадку о том, что, вероятно, неясность данного положения стала причиной того, что среди источников права, на которые должны опираться суды и арбитражи, предусмотренные Конвенцией ООН по морскому праву, судебные решения, даже их собственные, не упомянуты и в ст. 293 сказано, что суды и арбитражи «применяют настоящую Конвенцию и другие нормы международного права»<sup>90</sup>. Правда, отсутствие упоминания судебных решений и в целом вся формулировка как будто презюмируют запрет на использование судебных решений (хотя бы потому, что они не являются нормами международного права), но это было бы слишком формальным подходом. На деле в литературе нет отрицания того, что судебные решения могут рассматриваться как часть формирующейся нормы международного права, что не препятствует использованию судебных решений для установления тенденции относительно содержания будущей нормы.

Чтобы правильно сформулировать обычную норму международного права, требуется большая и трудная работа, прежде всего по выявлению действительной практики государств, по нахождению и квалификации юридических фактов, составляющих «повторяющееся единообразное поведение государств»<sup>91</sup>. Гораздо

---

<sup>90</sup>Шинкарецкая Г. Г. Указ. соч. С. 100.

<sup>91</sup>Примерно так формулируют процесс складывания обычной нормы С.В. Черниченко. Гл. XI «Международное нормотворчество» / Международное право: Учебник // Отв. ред. Е.Т. Усенко, Г. Г. Шинкарецкая. М., 2003. С. 168; В.И. Кузнецов. Гл. 4. Источники международного права / Международное право // Отв. ред. В.И. Кузнецов. М., 2001. С. 80; В.Я. Суворова. Гл. 4. Нормы международного права / Международное право: Учебник для вузов // Отв.



легче найти в сети Интернет не только решения судов, но особые мнения отдельных судей. Х. Лаутерпахт резонно заметил, что все суды осуществляют правотворчество, хотя, может быть, субсидиарно и отрывочно, поскольку участие судов в формировании права – это имманентная черта осуществления правосудия в любом человеческом обществе<sup>92</sup>.

Х. Лаутерпахт, несомненно, представитель правовой системы *common law*, поэтому придание им судам правотворческой роли неудивительно, однако Дж. Вайлер справедливо обращает внимание на то, что в Международном суде позиции судей, принадлежащих к системе *civil law*, не сильно отличаются от позиций судей стран *common law*<sup>93</sup>.

Правомерность участия судей в развитии международного права в определенной степени опирается на созданное Генеральной Ассамблеей ООН положение Комиссии международного права, которая, определяя свои полномочия, попыталась провести в своей работе различие между «кодификацией» и «прогрессивным развитием»<sup>94</sup>. Как удалось установить комиссии, даже в самых простых случаях кодификации, как это было, например, в отношении проекта Венской конвенции о праве международных договоров, пришлось заниматься некоторым заполнением пробелов. Специальный докладчик отметил, что при работе над гл. 2 Конвенции, где шла речь о «конституционном толковании», возникли серьезные дискуссии относительно того, может ли значение договора быть определено путем рутинного, механического применения нормы к неоспоримому факту. Комиссия считала, что, если какой-либо спор может быть решен такой упрощенной процедурой, он скорее всего разрешится самими

---

ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. М., 2003. С. 91.

<sup>92</sup>HerschLauterpacht, ed. *The Development of International Law by the International Court*. Cambridge University Press, Grotius Public Reprint Series, 1982. P. 155.

<sup>93</sup>Weiler J. H.H. *The Transformation of Europe* // *Yale Law Journal*. V. 100. 1991. P. 2403.

<sup>94</sup>В Резолюции Генеральной Ассамблеи об учреждении Комиссии международного права говорилось о том, что в задачу комиссии входят «кодификация и прогрессивное развитие международного права» / GARes. 174 (II) (November 21, 1947).

сторонами по дипломатическим каналам еще до обращения к судебным процедурам. Действительно, использование более изощренных, затратных по времени и финансам способов обычно требует и более сложных определений, как, например, толкования смыслов, придаваемых неточному языку договора или заполнение лакун в режиме, создаваемом договором, установление первоначальных намерений авторов договора или эффективность созданного им режима. Многие исследователи признают, что во всех случаях, кроме самых рутинных, применение права в ходе судебного разбирательства к определенному набору фактов делает неизбежным сложное обоснование, которое невозможно свести к простому «открытию» эмпирических фактов либо к механистическому применению правил логики. Л. Фуллер утверждал, что судебный процесс применительно к отдельному набору фактов ведет к развитию права, хотя бы просто разъясняя, какие факты относятся к разрешению данного спора<sup>95</sup>.

Дж. Трахтман, много лет бывший арбитром ВТО, исследовал процесс определения применимого права Органом по разрешению споров ВТО, поскольку у данного Органа один из наиболее развитых судебных процессов в международном публичном праве. Он отмечает, что, если применимое положение ясно, самоисполнимо, точно сформулировано и нет необходимости его толковать, тогда органу, разрешающему спор, остается только установить факты, но это бывает очень редко<sup>96</sup>. Дж. Трахтман установил, что процесс определения применимого права состоит из нескольких этапов:

- определение того, какое право или комплекс норм применим к представленным фактам;
- определение значения, которое должно быть придано этим нормам;
- определение того, как сформулировать нормы, условия которых не являются

---

<sup>95</sup>Fuller L.L. The Forms and Limits of Adjudication // Harvard Law Review. V. 92. 1978. P. 380–381.

<sup>96</sup>Trachtman J. The Domain of WTO Dispute Resolution // Harvard International Law Journal. V. 40. 1999. P. 333.

точно соответствующими, но цель этих норм точно соответствует представленным фактам;

– определение того, следует ли, и если да, то как заполнить лакуны, к которым не подходит ни одна норма;

– решение в случае противоречия между нормами, должна ли применяться одна из них или обе;

– решение о том, что, если нормы противоречат, равнозначны ли их статусы, и если да, то как их обе использовать<sup>97</sup>.

В зависимости от обстоятельств и общего контекста спора на каждом этапе органу, разрешающему спор, необходимы значительные полномочия. Уровень судебного усмотрения в международном судебном процессе, конечно, выше, чем во внутригосударственном суде, поскольку даже самые подробно разработанные договоры могут содержать материальные и процессуальные пробелы, которые придется заполнять этому органу, чтобы избежать тупиковой ситуации, когда спор невозможно решить или констатируется ситуация *nonliquet*. Пробелы в процессуальном регулировании возможны в тех специализированных судах, где учредительные документы не содержат четких указаний относительно применения норм, заимствованных из других сфер регулирования. Например, Апелляционный орган ВТО не смог вынести решение о мерах возмещения в деле *DesiccatedCoconut*<sup>98</sup>. Более того, даже Международный суд был весьма близок к констатации ситуации *nonliquet* при вынесении консультативного заключения о *правомерности использования ядерного оружия*<sup>99</sup>, поскольку не мог найти непосредственно применимую норму. Правда, некоторые авторы высказывают мнение о том, что в международном праве нет места лакунам, а потому не может быть и ситуации *non-liquet*, а потому Международный суд не может воздержаться

<sup>97</sup>Trachtman J. Op. cit. P. 337.

<sup>98</sup>WTO Appellate Body. Report for Brazil-Measures Affecting Desiccated Coconut of February 21, 1997.

<sup>99</sup>Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict, Advisory Opinion, 1996 ICJ. Rep. P. 105.

от вынесения решения на том основании, что норма права отсутствует или неясна<sup>100</sup>. Дж. Трахтман также считает, что Международный суд всегда может обратиться к общим принципам права или принципам справедливости, как это было в деле *Lotus*, которое рассматривалось Постоянной палатой международного правосудия<sup>101</sup>.

Успех любых усилий конкретного суда заполнить пробелы зависит от ряда факторов, вплоть до образования судей, а также от сути рассматриваемого вопроса, от позиций сторон в споре. В международном судебном разбирательстве зачастую нет уверенности в том, что вынесенное решение будет иметь под собой надежную правовую основу. Некоторые решения, даже вынесенные самым авторитетным судом, не оказывают никакого влияния на позиции сторон в споре, не говоря уже о международном праве. Кроме того, после вынесения судебного решения иногда возникает множество трудных проблем относительно исполнения этого решения, а именно – исполнение и может быть выражением влияния судебного решения на международное право и на право сторон в споре.

Иногда сразу после вынесения решения невозможно сказать, каково будет его влияние на международное право. Например, широко известное и очень важное консультативное заключение Международного суда по делу *Certain Expenses*<sup>102</sup> стало таковым только с течением времени. Точно так же и обязательные решения самого Международного суда или Органа по разрешению споров ВТО иногда признаются сторонами или исполняются через значительный промежуток времени. Известно, например, что США попросту игнорировали решение Международного суда по делу [Nicaragua v United States](#)<sup>103</sup>, а Иран не выполнил

<sup>100</sup>Petersmann E.-U. How to Promote the International Rule of Law? Contributions by the World Trade Organization Appellate Review System//Journal of International Economic Law. V. 1. 1998. P. 32–33.

<sup>101</sup>Trachtman J. Op. cit. P. 341.

<sup>102</sup>[Certain Expenses of the United Nations \(Article 17, Paragraph 2, of the Charter\) \(Advisory Opinion\) ICJ Reports, 1962. P. 151.](#)

<sup>103</sup>Case concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua ([Nicaragua v United States](#)) (Order) [1987] ICJ Reports, P. 188.

решение Международного суда по делу *IranHostages*<sup>104</sup>. Нередко трудности возникают и с выполнением решений ВТО, как, это было, например, с известным решением по делу о *бананах*<sup>105</sup>. Не всегда выполняются даже решения суда Европейского союза национальными судами<sup>106</sup>.

Влияние судебного решения на позиции спорящих сторон и на международное сообщество может оставаться не очень заметным в течение длительного времени, возможно, потому, что невозможно найти на него прямые ссылки или прямое заявление о его признании самими сторонами. Кроме того, здесь может проявляться влияние других факторов, которые делают данное решение более или менее значимым.

Нельзя отрицать того факта, что судебным решениям уделяется большое внимание в современной доктрине. Это само по себе свидетельствует о том, что эти судебные решения оказывают влияние на формирование права. Можно выделить следующие области права, подверженные такому влиянию:

- материальное содержание правовых режимов, устанавливаемых договорами;
- общее публичное международное право, в том числе такие договоры, для которых не предусмотрено специальных средств разрешения споров; обычное международное право, общие принципы права, а также право международных организаций;
- другие источники международных обязательств, твердых и мягких, не упомянутых прямо в ст. 38 Статута Международного суда;
- национальное право, касающееся проблем разрешения споров, представляемых международным судам.

---

<sup>104</sup>Case concerning United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v Iran) [1980] ICJ Reports, P. 3.

<sup>105</sup>WTO EEC – Import Regime for Bananas (11 February 1994) WT/DS38/R.

<sup>106</sup>Alter K. J. The European Union's Legal System and Domestic Policy: Spillover or Backlash? // International Organizations. V. 54. 2000. P. 489.

## Заключение к главе I

Последние десятилетия XX в. стали свидетелями беспрецедентного развития средств разрешения международных споров и значительного увеличения числа международных судов и арбитражей. Определенную роль в данном процессе сыграли, несомненно, события в рамках Третьей конференции ООН по морскому праву, когда впервые в истории в крупный международный договор были введены положения об обязательном разрешении споров.

Один из важных итогов Третьей конференции – создание системы международных судов и арбитражей для разрешения споров о толковании и применении Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. В их числе совершенно новый международный судебный орган – Международный трибунал по морскому праву.

Хотя суды и арбитражи, предусмотренные Конвенцией, наделены собственными полномочиями и обладают специальными правами, они составляют часть общемировой сети международных судов. Ни один из них не действует изолированно. Они организуются, рассматривают дела и принимают решения в общем по одним и тем же схемам.

Компетенция МТМП в целом та же, что и у других судов и арбитражей, предусмотренных в Конвенции, поэтому она, провозглашенная очень широко, на деле значительно сужена установленными в Конвенции изъятиями и ограничениями.

Отличие МТМП состоит в том, что он обладает исключительной компетенцией в двух сферах – в вопросах незамедлительного освобождения судов и в вопросах предписания временных мер правовой защиты; кроме того, в составе МТМП предусмотрена Камера по спорам, касающимся морского дна, которая фактически составляет «Трибунал в Трибунале».

Поскольку МТМП создан как специализированный суд по морскому праву,

особую важность приобретает вопрос о возможном развитии им международного морского права. В работе данный вопрос исследуется с позиций практики, наработанной уже существующими международными судами. Автор приходит к выводу о том, что МТМП, как и другие международные суды, не может не влиять на развитие международного права, но влияние это только в некоторых случаях можно расценить как прямое, а в основном оно косвенное и составляет часть процесса обычноправового развития.

## **Глава II. Практика МТМП в области разрешения споров в различных сферах океанской деятельности**

С начала работы Международного трибунала по морскому праву в 1997 г. на его рассмотрение было представлено 22 дела<sup>107</sup>. Одно из них еще не закончено.

Поскольку юрисдикция Трибунала распространяется на споры о различных правовых ситуациях, приведем некоторую статистику: из 22 дел 12 дел касались незамедлительного освобождения задержанных судов и экипажей; 6 запросов касались предписания временных охранительных мер; 2 обращения было о вынесении консультативного заключения (одно из них еще не завершено); споры по существу – 2.

Начнем рассмотрение практики Трибунала с самых многочисленных споров – о незамедлительном освобождении задержанных судов и экипажей, затем обратимся к практике расследования других категорий споров, переданных Трибуналу.

### **§1. Споры о незамедлительном освобождении задержанных судов и экипажей.**

Споры данной категории занимают важное место в юриспруденции Международного трибунала по морскому праву. Кроме того, что эти споры самые

<sup>107</sup> См. официальный сайт Трибунала: <http://www.itlos.org/index.php?id=35> (последнее посещение 02.03.2014).

многочисленные, в них, как правило, часто затрагиваются расхождения сторон в толковании тех или иных положений Конвенции ООН по морскому праву, так что Трибуналу нередко приходится прибегать к их толкованию, и его судебная функция не ограничивается механическим приложением измерителя к имеющимся фактам.

Компетенция на рассмотрение споров о незамедлительном освобождении задержанных судов возложена на Международный трибунал по морскому праву ст. 292 Конвенции ООН по морскому праву, которая озаглавлена «Незамедлительное освобождение судна и экипажа». Поскольку нам не раз будет необходимо обращаться к ее формулировкам, приведем статью полностью: «1. В случае, когда власти государства-участника задерживают судно, плавающее под флагом другого государства-участника, и утверждается, что задерживающее государство не соблюдает положения настоящей Конвенции о незамедлительном освобождении судна или его экипажа после предоставления разумного залога или иного финансового обеспечения, вопрос об освобождении может быть передан любому суду или арбитражу по соглашению сторон или, если в течение 10 дней со времени задержания такое соглашение не будет достигнуто, суду или арбитражу, признанному задерживающим государством, согласно ст. 287, или Международному трибуналу по морскому праву, если стороны не договорятся об ином.

2. Заявление об освобождении может быть сделано только государством флага судна или от его имени.

3. Суд или арбитраж незамедлительно рассматривает заявление об освобождении и занимается только вопросом об освобождении без ущерба для рассмотрения любого дела по существу в отношении такого судна, его владельца или экипажа в надлежащем национальном органе. Власти задерживающего



государства сохраняют право освободить судно или его экипаж в любое время.

4. После предоставления залога или иного финансового обеспечения, определенного судом или арбитражем, власти задерживающего государства незамедлительно выполняют решение суда или арбитража об освобождении судна или его экипажа».

А.Л. Колодкин и В.Н. Гуцуляк справедливо называют незамедлительное освобождение судна и экипажа, установленное ст. 292 Конвенции ООН по морскому праву, важнейшей новеллой в международном праве<sup>108</sup>, потому что ни в одном международном договоре, принимавшемся ранее, не было обязательства отпускать задержанное судно после внесения залога. Тот факт, что именно данное полномочие Трибунала используется государствами чаще всего, свидетельствует о совершенно верном решении составителей Конвенции, о том, что эта мера действительно содействует беспрепятственному осуществлению свободы судоходства.

Правда, вряд ли можно согласиться с указанными выше авторами в том, что незамедлительное освобождение суда и экипажа – это, по существу, «ускоренная юридическая процедура разрешения международного спора, связанного с задержанием судна и экипажа»<sup>109</sup>. Согласно ст. 292, суд или арбитраж при рассмотрении заявления об освобождении занимается только вопросом об освобождении без ущерба для рассмотрения любого дела по существу. Это значит, что Трибунал рассматривает только одно правоотношение – правоотношение между задерживающим государством и государством флага. Это правоотношение складывается в силу положений ст. 73 (1) относительно обеспечения выполнения законов и правил прибрежного государства в

---

<sup>108</sup>Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н. Незамедлительное освобождение судов и экипажей в практике Международного трибунала по морскому праву // Международное право и национальные интересы Российской Федерации. Libegamicomtv честь чрезвычайного и полномочного посла, профессора О.Н. Хлестова. М., 2008. С. 188.

<sup>109</sup> Там же.

исключительной экономической зоне<sup>110</sup>, ст. 220 (1 и 6) относительно обеспечения выполнения прибрежными государствами норм о защите и сохранении морской среды<sup>111</sup>. Дополнительным положением для формирования правоотношения относительно задержания судна являются нормы ст. 73 (2) в том, что касается исключительной экономической зоны<sup>112</sup>, 226 (1b) в том, что касается защиты и сохранения морской среды<sup>113</sup>.

Таким образом, как справедливо указывает В.В. Голицын, ст. 292 Конвенции имеет строго конкретные рамки ее применения. «Указанная статья, – говорит он, – применяется только в тех случаях, когда Конвенция прямо предусматривает обязательство прибрежного государства по незамедлительному освобождению арестованного или задержанного иностранного судна или экипажа после предоставления залога или иного финансового обеспечения»<sup>114</sup>.

Идея незамедлительного освобождения задержанных судов и экипажей появилась как способ уравнивания интересов прибрежных и неприбрежных государств относительно деятельности в исключительной экономической зоне – новом изобретении в международном праве. Но, как видно из приведенных выше формулировок, она применима и к событиям в территориальном море.

---

<sup>110</sup>«Прибрежное государство в осуществление своих суверенных прав на разведку, эксплуатацию, сохранение живых ресурсов и управление ими в исключительной экономической зоне может принимать такие меры, включая досмотр, инспекцию, арест и судебное разбирательство, которые могут быть необходимы для обеспечения соблюдения законов и правил, принятых им в соответствии с настоящей Конвенцией».

<sup>111</sup>«Если имеются явные основания считать, что судно, совершающее плавание в территориальном море государства, во время прохода через него нарушило принятые в соответствии с настоящей Конвенцией законы и правила этого государства или применимые международные нормы и стандарты по предотвращению, сокращению и сохранению под контролем загрязнения с судов, это государство без ущерба для применения соответствующих положений разд. 3 ч. II может предпринять фактическую инспекцию судна по вопросам, касающимся такого нарушения, и может, когда это оправдано доказательствами, возбудить разбирательство, включая задержание судна».

<sup>112</sup>«Арестованное судно и его экипаж освобождаются незамедлительно после предоставления разумного залога или другого обеспечения».

<sup>113</sup>«Если расследование свидетельствует о нарушении применимых законов и правил или международных норм и стандартов по защите и сохранению морской среды, то судно незамедлительно освобождается при условии выполнения таких целесообразных процедур, как предоставление залога или другого подходящего финансового обеспечения».

<sup>114</sup> Голицын В.В. Применение процедуры незамедлительного освобождения судна и экипажа в случаях загрязнения морской среды / Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина. М., 2013. С. 150.

Задержание или арест иностранного судна в пределах собственной территории, каковым является территориальное море, – это мера, принимаемая сувереном в пределах своего территориального верховенства, для пресечения нарушений установленного им правопорядка. Данное положение не может вызвать возражений в силу того же понятия территориального верховенства, составляющего общепризнанный принцип международного права. «Территориальный суверен подчиняет своей верховной власти все организации и лица, находящиеся в пределах государства», – читаем мы в изданном почти полвека назад Курсе международного права<sup>115</sup>. Значит, прибрежное государство вправе принимать меры для поддержания установленного правопорядка. Недаром в Конвенции прямо предусмотрено право прибрежного государства проводить расследование в отношении судна, находящегося в порту, то есть во внутренних водах (ст. 220 (1)), и в территориальном море (п. 2, 3, 5, 6 той же ст. 220).

Однако отметим, что в той же ст. 220 наряду с территориальным морем упоминается и исключительная экономическая зона<sup>116</sup>. Между тем концепция исключительной экономической зоны появилась в ходе Третьей конференции ООН по морскому праву как компромисс между стремлением некоторых развивающихся стран установить 100- или даже 200-мильные территориальные воды, где была бы исключена любая иностранная деятельность, и интересами других государств, прежде всего судоходных и ведущих рыбный промысел вдали от собственных берегов. Из-за серьезных расхождений в трактовке происхождения и сущности статуса исключительной экономической зоны различными группами государств на Третьей конференции в текст Конвенции не было включено четкого определения правового статуса исключительной экономической зоны. Отсутствие такой статьи

---

<sup>115</sup> Гл. IV. Государственная территория // Курс международного права в 6 т. Т. III. Основные институты и отрасли современного международного права. М., 1967. С. 124.

<sup>116</sup> «...Если такое нарушение совершено в территориальном или исключительной экономической зоне» (п. 1, 2, 3, 5, б).

в Конвенции привело к тому, что в международной практике и доктрине по-разному толкуются некоторые вопросы, связанные с понятием и значением исключительной экономической зоны<sup>117</sup>.

Такая неясность и недоработанность весьма важной категории морских пространств не могли не породить множества споров, в частности, относительно правомерности принятия прибрежным государством мер принуждения в отношении иностранных судов. Задержание иностранного судна в зоне юрисдикции прибрежного государства правомерно лишь в том случае, если оно действительно нарушает законы и правила, вытекающие из полномочий прибрежного государства, установленных Конвенцией ООН по морскому праву.

Поэтому Трибуналу, определяя правомерность задержания того или иного судна, нередко приходится прибегать к толкованию положений Конвенции, обуславливающих полномочия прибрежного государства.

Множество проблем толкования проявилось уже в первом деле о незамедлительном освобождении судна и экипажа – деле танкера «Сайга»<sup>118</sup>; после рассмотрения вопроса о незамедлительном освобождении последовало ходатайство о применении временных мер, в результате чего возникло второе дело танкера «Сайга»<sup>119</sup>.

Хотя первое дело было классифицировано как ходатайство о «незамедлительном освобождении судна», в нем затрагивались вопросы, которые в дальнейшем вставали в других делах, так что это дает возможность составить их перечень. Это в основном процессуальные вопросы, основания для задержания иностранных судов в ИЭЗ, залог и прочее материальное обеспечение.

---

<sup>117</sup> Гл. IV. Исключительная экономическая зона / Мировой океан и международное право. Правовой режим морских прибрежных пространств // Отв. ред. А.П. Мовчан, А. Янков. М., 1987. С. 75–77.

<sup>118</sup> ITLOS. The «Saiga» Case (Saint Vincent and the Grenadines v Guinea) (Prompt Release). Case No 1 (4 December 1997).

<sup>119</sup> ITLOS. The «Saiga» (No 2) Case (St. Vincent v. Guinea), Order on Provisional Measures (11 March, 1998).

*А) процессуальные вопросы, касающиеся приемлемости иска*

*1) достаточность доказательств*

*а) делотанкера «Сайга»*

Нефтяной танкер «Сайга», плавающий под флагом государства Сент-Винсент и Гренадины, поставлял топливо и воду рыболовным и другим судам, которые на законных основаниях, имея лицензию, занимались добычей рыбы у западного побережья Африки. Утром 27 октября 1997 г. танкер «Сайга» передал топливо и воду трем судам в исключительной экономической зоне Республики Гвинея недалеко от острова Алкатраж. На следующий день танкер ушел из исключительной экономической зоны Республики Гвинея, но был преследуем патрульными катерами Гвинеи и задержан в исключительной экономической зоне государства Сьерра-Леоне. Позднее, представляя дело в Международном трибунале по морскому праву, представитель Гвинеи утверждал, что катера осуществляли преследование по горячим следам<sup>120</sup>, хотя на самом деле в момент начала преследования он уже вышел из исключительной экономической зоны. Гвинейские таможенники открыли стрельбу, танкер получил повреждения, два его матроса были ранены. Судно было доставлено в порт Конакри, его капитан арестован.

После неудачных переговоров об освобождении судна судовладелец обратился за помощью к государству флага судна. Представители государства Сент-Винсент и Гренадины обратились в Международный трибунал ООН по морскому праву с ходатайством о незамедлительном освобождении судна и команды на основании ст. 292 Конвенции ООН по морскому праву. Впоследствии судно и команда были освобождены и вынесено решение о возмещении ущерба.

---

<sup>120</sup> Преследование по горячим следам – обычная норма международного морского права, которая позволяет начать преследование иностранного судна во внутренних водах, в архипелажных водах, в территориальном море или в прилегающей зоне преследующего государства, и продолжать его за пределами территориального моря или прилегающей зоны при условии, если оно не прерывается (ст. 111 Конвенции). Право преследования по горячим следам применяется *mutatis mutandis* к нарушениям в исключительной экономической зоне.

Поскольку рассмотрение дела было срочным, у Трибунала не было достаточного времени для оценки представленных сторонами доказательств. По этому поводу Трибунал избрал в определенной степени новаторское решение. Он решил установить, являются ли представленные доказательства сомнительными и требующими дополнительного подтверждения или достаточно обоснованными для принятия решения в конкретном случае. Трибунал пошел по прагматическому пути: он решил руководствоваться представленными данными, но не исключил, что если будет необходимо дополнительное изучение дела, то он может прийти к другому решению.

*2) необходимость исчерпания местных средств правовой защиты*

*а) делотанкера «Сайга»*

В первом деле танкера «Сайга» Трибунал впервые столкнулся с вопросом о необходимости исчерпания местных средств правовой защиты. Данный вопрос касается нормы обычного права, которая определяет порядок перехода дела с национального уровня на международный уровень. Задержавшее судно государство (Гвинея) заявило, что судовладелец должен был исчерпать местные средства защиты, то есть обратиться за защитой в суд прибрежного государства, прежде чем обращаться в Трибунал. Такое обязательство предусмотрено ст. 295 Конвенции.

Трибунал отметил, что вопрос должен рассматриваться в соответствии с международным правом, поскольку нарушены права государства флага, а не судна или его капитана, а государства не обязаны исчерпывать местные средства защиты. Затем Трибунал связал данный вопрос с существом дела и не стал рассматривать его как предварительный.

*b) Дело «Камуко»<sup>121</sup>*

В деле «Камуко» Трибунал опять столкнулся с *нормой об исчерпании местных средств защиты*.

Французские власти задержали панамское судно в водах заморских владений Франции. Панама обратилась в Международный трибунал с ходатайством о незамедлительном освобождении судна. Франция настаивала, что Панама не имеет права обращаться в Трибунал, поскольку дело еще находилось на рассмотрении муниципального суда. Панама возражала, что ст. 292 Конвенции ООН по морскому праву не требует предварительного исчерпания местных средств защиты.

Трибунал отметил, что, согласно Конституции Франции, международные соглашения имеют приоритет над национальными законами, хотя в Уголовном кодексе, который применялся во время разбирательства в муниципальном суде, и нет на это четкого указания. Трибунал постановил, что задержка передачи ему заявления Панама будет являться нарушением ст. 292 со стороны Франции. Эта статья, по мнению Трибунала, существует независимо от Конституции Франции. Таким образом, Трибунал продемонстрировал, что международное право и муниципальное право должны применяться в порядке, устанавливаемом каждой соответствующей системой.

По мнению автора, решение Трибунала о том, что исчерпание местных средств правовой защиты не требуется, правильно, однако основанием для него должна быть сама сущность института исчерпания местных средств. Дело в том, что данная норма сложилась как средство защиты суверенитета государства, которое обвиняется в нарушении прав и интересов юридического или физического лица другого государства: прежде чем обращаться в международные инстанции,

---

<sup>121</sup> The 'Camouco' Case (Panama v France) (Prompt Release) (Judgment) ITLOS Case No 5 (7 February 2000).

следует дать нарушившему государству возможность возместить нанесенный им ущерб и вернуть стороны в первоначальное состояние<sup>122</sup>. Кроме того, как совершенно верно было отмечено Трибуналом в деле танкера «Сайга», обязанность предварительного исчерпания местных средств применяется в отношениях между государством, с одной стороны, и физическим или юридическим лицом – с другой. Невозможно представить, что государство, считающее свои интересы затронутыми, обратится за возмещением в суд затронувшего государства<sup>123</sup>.

*3) наличие реальной связи между судном и защищающим государством*

*а) Дело танкера «Сайга» - 2<sup>124</sup>*

Вопрос о наличии «реальной связи» между судном и государством флага был поднят во втором деле о танкере «Сайга», когда Трибунал выносил суждение о правомерности задержания танкера. Задержавшая судно Гвинея заявила, что судовладелец не имеет гражданства Республики Сент-Винсент и Гренадины, следовательно, между судном и этим государством нет «реальной связи», потому оно не имеет юрисдикции над судном. В подтверждение своей позиции Гвинея приводила ст. 91 Конвенции ООН по морскому праву<sup>125</sup>. В развитие ст. 91 в Конвенцию включена ст. 94, в которой изложены обязательства государства регистрации судна (государства флага) по обеспечению, с одной стороны, безопасности самого судна в море, а с другой – для устранения потенциального вреда, которое может исходить от судна для других судов и для морской среды<sup>126</sup>.

<sup>122</sup> Amerasinghe Ch.F. Local Remedies in International Law. OUP, 2004. P. 17–24.

<sup>123</sup> См.: Cançado Trindade A.A. The Application of the Rule of Exhaustion of Local Remedies in International Law: Its Rationale in the International Protection of Individual Rights (CUP Cambridge 1983).

<sup>124</sup> The «M/V SAIGA» (No 2) Case. (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea). Judgment of 1 July 1999.

<sup>125</sup> «Каждое государство определяет условия предоставления своей национальности судам, регистрации судов на его территории и права плавать под его флагом. Суда имеют национальность того государства, под флагом которого они имеют право плавать. Между государством и судном должна существовать реальная связь».

<sup>126</sup> См.: Мировой океан и международное право. Открытое море. Международные проливы. Архипелажные воды /



Проблемы «реальной связи» настолько важны для обеспечения нормального судоходства, что принят целый ряд международных документов – в частности, Конвенция ООН об условиях регистрации морских судов<sup>127</sup>.

Трибунал предпринял толкование статей Конвенции в сочетании с указанными выше международными документами и на основании толкования сделал вывод о том, что они направлены на повышение эффективности исполнения своих обязанностей государствами флага, а не на установление критериев, позволяющих другим государствам оспаривать действительность регистрации судов. Трибунал заключил, что наличие подлинной связи не является условием признания или действительности национальности судна для других государств, а является средством обеспечения более эффективного исполнения своих обязанностей государствами флага. Трибунал отказался признать, что отсутствие реальной связи между государством флага и судном дает другому государству основания для отказа в признании национальности судна. Таким образом, по мнению Трибунала, для обращения к нему об освобождении судна реальная связь между судном и государством флага не требуется.

В связи с вопросом о национальности судна Трибунал высказался также относительно субъекта защиты экипажа. В международном праве общепризнано, что государство выступает в защиту своего гражданина. В соответствии с этой концепцией в рассматриваемом нами деле Гвинея утверждала, что в защиту членов экипажа должны выступать их государства. В отличие от этого, Трибунал постановил, что государство-заявитель, в данном случае Сент-Винсент и Гренадины, вправе защищать не только судно, ходящее под его флагом, но и его команду независимо от гражданства каждого члена команды. Трибунал разъяснил, что в современном судоходстве команды часто имеют многонациональный состав,

---

Отв. ред. А.П. Мовчан, А. Янков. М., 1988. С. 45–50.

<sup>127</sup> Конвенция ООН об условиях регистрации морских судов 1986 г. В силу пока не вступила.

и, если каждый пострадавший будет обращаться за защитой к собственному государству, «это вызовет чрезмерные затруднения».

Такая аргументация явно имеет не юридическое, а прагматическое основание. Совершенно справедливо осторожное замечание Х. Дипла о том, что такой акцент Трибунала на внимании, которое должно уделяться командам арестованных судов и их защите в рамках морского права, крайне необычен<sup>128</sup>. Действительно, с точки зрения формальных канонов дипломатической защиты такая позиция Трибунала необычна, однако некоторое обоснование этому дает сама ст. 292, в которой прямо сказано о том, что государство флага вправе ходатайствовать об освобождении всего экипажа, а не только отдельных своих граждан.

В этом решении Трибунал сделал также ряд других важных выводов, хотя и не остановился на них подробнее. Это свобода навигации, обеспечение исполнения таможенного законодательства, национальность исков, возмещение вреда и др. По мнению судьи Трибунала Х. Терка, это важный вклад Трибунала в развитие международного права<sup>129</sup>.

*b) Дело «Джуно Трейдер»<sup>130</sup>*

Дело «Джуно Трейдер» было возбуждено от имени государства флага судна (Сент-Винсент и Гренадины) против Гвинеи-Биссау. Спор возник в связи с задержанием судна и его экипажа по обвинению в нарушении национального рыболовного законодательства в исключительной экономической зоне Гвинеи-

<sup>128</sup> HaritiniDipla, The role of the International Court of Justice and the International Tribunal on the Law of the Sea in the progressive development of the law of the sea // UNRESOLVED ISSUES AND NEW CHALLENGES TO THE LAW OF THE SEA. Vaughan Lowe General Editor. 2006. P. 244.

<sup>129</sup> Helmut Tuerk. The Contribution of the International Tribunal for the Law of the Sea to International Law // Penn State International Law Review. V. 26. 2007–2008. P. 304.

<sup>130</sup> The "Juno Trader" Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea-Bissau) (Prompt Release), Judgment of December 18, 2004, 8 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. Of Judgments Advisory Opinions and Orders 17-92 (2004), available at [http://www.itlos.org/start2\\_-en.html](http://www.itlos.org/start2_-en.html)

Биссау. Гвинея-Биссау возразила против юрисдикции Трибунала на том основании, что, согласно ее национальному законодательству, право владения судном «Джуно Трейдер» перешло Гвинее-Биссау, а, следовательно, Сент-Винсент и Гренадины не могут считаться государством флага судна.

Трибунал, однако, счел, что, какими бы ни были последствия окончательной смены национальности владельца судна, конкретные обстоятельства рассматриваемого дела не дают оснований полагать, что смена владельца уже завершена. В своем решении от 18 декабря 2004 г. Трибунал распорядился незамедлительно освободить судно «Джуно Трейдер» под залог в 300000 евро. Он также заявил, что всем членам команды должна быть предоставлена возможность свободно покинуть Гвинею-Биссау без каких-либо условий.

*с) Дело «Гранд Принц»*

Рыболовный траулер «Гранд Принц», ходивший в то время под флагом Белиза, был арестован властями Франции в исключительной экономической зоне островов Кергелен по обвинению в незаконной ловле рыбы. Компетентный французский суд поддержал задержание судна и установил залог за его освобождение в размере 11 млн фр. франков, после чего был издан приказ о конфискации судна. 20 апреля 2001 г. Трибунал вынес решение по делу, в котором отметил, что, согласно ст. 292 Конвенции, не имеет юрисдикции для рассмотрения ходатайства, поскольку документальные доказательства, предоставленные истцом, не подтверждают того, что на момент подачи ходатайства государством флага судна являлся Белиз. Данное решение подчеркивает значимость, которую Трибунал придает вопросу регистрации судов.

***4) Основания для задержания иностранных судов в исключительной экономической зоне***

*а) Дело танкера «Сайга»*

В данном деле основания для задержания судна имели решающее значение для возможности его незамедлительного освобождения. Дело в том, что, по утверждению государства Сент-Винсент и Гренадины, арест был произведен в рамках осуществления Гвинеей ее суверенных прав на рыбные ресурсы в исключительной экономической зоне, поскольку танкер «Сайга» занимался заправкой рыболовных судов топливом. В этом случае полностью применима ст. 292, и Гвинея обязана освободить танкер.

Представители же Гвинеи настаивали, что танкер «Сайга» был арестован за контрабанду нефтетоплива, тогда ст. 292 неприменима, и вопрос о незамедлительном освобождении стоять не может.

Таким образом, стороны основывали свои позиции на разных юридических основаниях: Гвинея считала, что нарушено ее таможенное законодательство, а Сент-Винсент и Гренадины утверждали, что судно задержано за нарушение законодательства об исключительной экономической зоне.

Поскольку в данном деле перед Трибуналом не стояла задача всесторонней оценки толкований, даваемых сторонами концепции «деятельности в исключительной экономической зоне», Трибунал не стал вдаваться в детали; судьям показалось убедительным, что деятельность танкера по бункеровке рыболовных судов можно оценивать как обеспечение рыболовной деятельности, а потому бункеровка без санкции прибрежного государства составляет нарушение исключительной юрисдикции прибрежного государства. Трибунал отметил наличие доводов в поддержку квалификации бункеровки рыболовных судов как деятельность, регулирование которой может быть отнесено к суверенным правам прибрежного государства на разведку, эксплуатацию, сохранение и управление биологическими ресурсами в исключительной экономической зоне.

В связи с аргументацией Гвинеи относительно сущности нарушения, совершенного танкером «Сайга», Трибунал уделил некоторое внимание соотношению международного права и национального законодательства.

Гвинея утверждала, что осуществлявший бункеровку танкер нарушил ее таможенное законодательство, к которому неприменим ее Морской кодекс, имплементирующий обязательства Гвинеи по морскому праву. Трибунал заявил, что для него не имеет значения форма закрепления международного обязательства Гвинеи в ее внутреннем праве, и указал на ст. 40 Морского кодекса Гвинеи, который устанавливает юрисдикцию этого государства в исключительной экономической зоне, а потому действия Гвинеи могут рассматриваться в рамках ст. 73 Конвенции ООН по морскому праву.

Трибунал нашел также, что квалификация запрета на бункеровку рыболовных судов как таможенного позволяет с уверенностью говорить о том, что гвинейские власти с самого начала заведомо действовали с нарушением международного права, и Гвинея, арестовывая «Сайгу», опиралась на присвоение ей исключительной юрисдикции ст. 73 Конвенции.

По мнению Трибунала, квалификация нарушения, произведенного танкером «Сайга» как таможенного, находится вне поля международного права, а потому Трибунал должен опираться на соотношение действий Гвинеи и ст. 73 Конвенции.

В литературе это первое дело Трибунала пользовалось пристальным вниманием авторов, и далеко не все они одобрили решение Трибунала. Например, Л.А. де Лафайет назвала его вывод удивительным<sup>131</sup>, поскольку, по ее мнению, Трибунал выбрал старую максиму: «Сомнения должны толковаться в пользу обвиняемого», хотя перед ним стояла задача установить подлинную сущность нормы, касающейся юрисдикции прибрежного государства в исключительной

---

<sup>131</sup> Louise Angélique de La Fayette, *Saiga Cases*. Para. 12. [www. mpepil.org](http://www.mpepil.org).

экономической зоне.

Однако, по нашему мнению, на самом деле перед Трибуналом не стояла задача всестороннего исследования концепции исключительной экономической зоны; ему надлежало установить, имеют ли место обстоятельства, делающие необходимым применение тех норм Конвенции ООН по морскому праву, которые предусматривают незамедлительное освобождение судна и экипажа, каковую задачу Трибунал и исполнил.

*b) Дело судна «Луиза»<sup>132</sup>*

24 ноября 2010 г. Сент-Винсент и Гренадины инициировали дело против Испании по спору в отношении судна «Луиза». По словам истца, морское судно «Луиза» проводило геомагнитную съемку морского дна в заливе Кадис с целью поиска и сбора данных о присутствии в его недрах нефти и газа. Истец утверждал, что судно участвовало в научных исследованиях, имея на это разрешение прибрежного государства.

Истец также сообщил, что судно было арестовано по обвинению в посягательстве на историческое наследие Испании, а также за нарушение законов о защите морской среды, что несколько членов команды были арестованы, но впоследствии освобождены и что судно удерживается без права освобождения под залог в порту Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария.

Испания настаивала, что судно занималось поиском затонувших археологических ценностей и тем самым нарушило уголовное законодательство Испании. Сент-Винсент и Гренадины просили вынести постановление о нарушении Испанией ст. 73, 83, 226, 245 и 303 Конвенции ООН по морскому праву, и о праве истца на получение возмещения ущерба в размере 30 млн долл.,

---

<sup>132</sup> The M/V "Louisa" Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Kingdom of Spain). Judgment, 28 May 2013.

что включает ущерб, нанесенный арестом и задержанием членов команды.

Дело примечательно тем, что, во-первых, это, возможно, первый случай использования и применения концепции подводного культурного наследия, которая составляет часть положений Конвенции ООН по морскому праву. Испания настаивала на том, что действия любого судна, направленные на подводные археологические раскопки в иностранных территориальных и внутренних водах, являются нарушением прав человека.

С учетом этого обе стороны, Сент-Винсент и Гренадины и Испания, высказывали надежду на то, что решение, вынесенное по делу, станет существенным вкладом в развитие международного права в широком смысле. Так, например, представитель Сент-Винсент и Гренадин профессор Майрон Нордквист в своем устном выступлении перед Трибуналом отметил, что «дело «Луизы» является весьма сложным, возможно, даже знаковым для дальнейшего развития международного права. Трибуналу предстоит принять решение о своей юрисдикции по существу дела, по вопросам допустимости иска, а также по самим обстоятельствам дела».

Во-вторых, принципиальным вопросом в этом деле является вопрос о том, можно ли классифицировать съемку, проводимую «Луизой», как фундаментальные исследования, не являющиеся частью процесса разведки с целью эксплуатации природных ресурсов в контексте ст. 77 Конвенции.

Хотя Трибунал нашел, что *prima facie* обладает юрисдикцией, обстоятельства дела не требуют принятия немедленных мер правовой защиты. К сожалению, позднее Трибунал отказался от рассмотрения дела по существу, поскольку, по его мнению, истец внес так много изменений в свой первоначальный иск, что перед Трибуналом теперь находится новый иск, который требует разбирательства с начала.

*с) Дело судна «Вирджиния Дж.»*

4 июля 2011 г. возбуждено дело по спору между Панамой и Гвинеей-Биссау относительно судна «Вирджиния Дж.», ходящего под флагом Панамы. Страны договорились передать спор на рассмотрение в арбитраж, но затем обратились в Трибунал.

Согласно исковому заявлению Панамы, нефтяной танкер «Вирджиния Дж.» занимался заправкой рыболовных судов в исключительной экономической зоне Гвинеи-Биссау, в процессе чего и был арестован гвинейскими властями 21 августа 2009 г. В заявлении говорится, что, хотя танкер и был освобожден 22 октября 2010 г. без взыскания какого-либо штрафа, за 14 месяцев ареста ему был нанесен серьезный ущерб. В связи с этим Панама требовала возмещения ущерба, нанесенного танкеру «Вирджиния Дж.».

Процесс поднимает как минимум два сложных вопроса:

- законность бункеровки в исключительной экономической зоне. В деле «Сайги», например, Трибунал не выразил четкой позиции относительно того, входит ли этот вид деятельности в список эксклюзивных видов деятельности прибрежного государства;
- наличие подлинной связи между Панамой и судном. Защищая свою позицию, Гвинея-Биссау указывала на отсутствие такой связи, отмечая при этом, что, предоставляя судну свой флаг, Панама способствовала его незаконным действиям в исключительной экономической зоне Гвинеи-Биссау.

***5) Залог и прочее материальное обеспечение***

*а) Дело танкера «Сайга»*



Очень важной частью проблемы незамедлительного освобождения судов является практическое применение правила о предоставлении залога или другого материального обеспечения. Эта проблема тем более важна, что Конвенция, предусмотрев возможность внесения залога, не содержит ни правил и условий определения размера залога или другого обеспечения, ни обстоятельств, в которых государство флага может передать вопрос на рассмотрение Трибунала.

В деле «Сайги» вопрос о залоге носил процедурный характер: поскольку ст. 73(2) предписывает, что арестованные суда и их команды должны быть незамедлительно освобождены после внесения разумного залога или другого обеспечения, возникает вопрос о том, должен ли залог быть внесен до обращения к ст. 292 Конвенции. Трибунал постановил, что фактическое внесение залога не является обязательным предварительным условием применения ст. 292. Это, по его мнению, «такое требование Конвенции, нарушение которого позволяет применить процедуру, предусмотренную ст. 292».

#### *b) Дело «Камуко»*

Одним из самых важных дел в том, что касается размеров залога, стало дело о незамедлительном освобождении панамского судна «Камуко». Задержавшая судно Франция заявила, что, если Трибунал примет решение об освобождении «Камуко» под залог, она будет требовать залог не менее 20 млн фр. франков. 7 февраля 2000 г., постановив незамедлительно освободить судно, Трибунал определил сумму материального обеспечения в размере 8 млн фр. франков, или около 1,2 млн долл. В принципе Трибунал в данном случае воспользовался своим правом, предоставленным ему Регламентом, в ст. 113 (2) которого говорится о том, что Трибунал «определяет размеры, вид и форму залога или иного финансового обеспечения», вносимых для освобождения судна или экипажа.

Самое важное в данном решении – это то, Трибунал сформулировал

факторы, значимые для оценки разумности залога или другого материального обеспечения, хотя Трибунал и подчеркнул, что этот перечень ни в коем случае не должен рассматриваться как исчерпывающий, что сам подход к определению таких факторов должен быть разумным, а их оценка объективной.

Перечень факторов включает:

- серьезность вменяемых в вину преступлений;
- размер штрафов, наложенных или предусмотренных законами задержавшего судно государства;
- ценность задержанного судна и груза;
- сумму залога, установленного задержавшим судно государством, и его форму.

Следует отметить, что хотя выплата залога – это общепризнанная норма в международном общении, закрепленная в Международной конвенции об аресте судов 1999 г.<sup>133</sup>, условия и обстоятельства его назначения и выплаты до сих пор вызывают множество споров в кругах адвокатов и судовладельцев. Нельзя не согласиться с мнением А.-К. Эшер о том, что, поскольку назначение и выплата залогов обычно определяются национальным законодательством разных стран, развитие соответствующих международных норм будет идти обычно правовым путем<sup>134</sup>.

### *с) Дело «Монте Конфурко»*

Дело о незамедлительном освобождении судна «Монте Конфурко» под флагом государства Сейшельские острова и Францией<sup>135</sup> было во многих отношениях продолжением дела «Камуко». Судно имело лицензию Сейшельских

<sup>133</sup> Международная конвенция об аресте судов. Женева. 12 марта 1999 г.

<sup>134</sup> Escher A.-K. Release of Vessels and Crews before the International Tribunal for the Law of the Sea // The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 18. 2006. P. 238.

<sup>135</sup> The «Monte Confurco» Case (Seychelles v. France) (Prompt Release), Judgment of December 18, 2000, 4 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders, 86–117 (2000), available at [http://www.itlos.org/start2\\_en.html](http://www.itlos.org/start2_en.html).

островов на ловлю рыбы в открытом море и было задержано Францией по обвинению в незаконной рыбной ловле и не извещении о своем присутствии в исключительной экономической зоне островов Кергелен, входящих в заморские территории Франции.

Трибунал начал разбирательство по просьбе Республики Сейшелы, требующей освобождения «Монте Конфурко» и его капитана. Франция просила Трибунал признать залог, установленный компетентными французскими органами в размере 56,4 млн фр. франков, разумным и отклонить ходатайство об освобождении судна. В своем решении от 18 декабря 2000 г. Трибунал постановил незамедлительно освободить судно и его капитана против обеспечения в размере 18 млн фр. франков, поскольку залог, установленный французским судом, был сочтен неразумным.

В этом деле Трибунал также прокомментировал смысл и цели предоставления залога или иного обеспечения. Он отметил, что ст. 73 Конвенции выделяет две группы интересов: интересы прибрежного государства, которые заключаются в принятии надлежащих мер для обеспечения соблюдения принятых им законов и правил, с одной стороны; и интересы государства флага, заключающиеся в обеспечении незамедлительного освобождения своих судов и их команд из-под ареста, с другой стороны. Залог, отмечает Трибунал, служит интересам задержавшего судно государства, обеспечивая появление ответчика в суде и уплату им штрафов, что необходимо учитывать при назначении суммы залога.

По мнению Трибунала, задача ст. 73 и 292 Конвенции по морскому праву содержится в примирении интересов прибрежных государств, заключающихся в обеспечении соблюдения их законов и правил, с интересами государств флага, содержащихся в незамедлительном освобождении судов и команд. Баланс

интересов, обеспечиваемый ст. 73 и 292 Конвенции, служит для Трибунала определяющим критерием при оценке разумности залога.

*d) Дело судна «Волга»*

Российское судно «Волга»<sup>136</sup> было арестовано в 2000 г. властями Австралии по обвинению в незаконной рыбной ловле в австралийской рыболовной зоне. Российская Федерация направила в Трибунал ходатайство об освобождении «Волги» и его команды, назвав при этом условия освобождения, установленные Австралией, недопустимыми и неразумными в соответствии с Конвенцией.

Австралия просила Трибунал отклонить ходатайство, назвав установленный залог разумным с учетом обстоятельств дела. В качестве особых обстоятельств, оправдывающих высокую сумму залога, Австралия указала истощение запасов в южной части Индийского океана того вида рыбы (патагонского клыкача), для сохранения которого Австралия принимает специальные меры защиты и лов которого производился траулером «Волга».

В решении от 23 декабря 2002 г. Трибунал принял во внимание озабоченность Австралии и признал сумму залога в 1,920,000 австралийских долларов, запрашиваемую в качестве залога за освобождения судна, разумной в контексте ст. 292 Конвенции.

Дело «Волги» примечательно тем, что оно было первым (и на сегодняшний день единственным) делом, в котором был установлен залог в форме банковского обязательства. Кроме того, встал вопрос о дополнении залога условием оборудования траулера «Волга» системой определения местонахождения судна (VMS). Австралия настаивала на том, что включение дополнительных нематериальных условий может рассматриваться как часть залога или другого

---

<sup>136</sup>The «Volga» Case (Russia v. Australia) (Prompt Release), Judgment of December 23, 2002, 6 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders 10\_41 (2002), available at [http://www.itlos.org/start2\\_en.html](http://www.itlos.org/start2_en.html).

материального обеспечения в целях Конвенции. Трибунал, однако, постановил, что это противоречит целям и задачам ст. 292.

Некоторые специалисты считают такое решение не вполне корректным. Они задают вопрос: должен ли Трибунал следовать букве Конвенции или Статута Трибунала, или его духу, то есть учитывать причины, по которым принимаются те или иные положения?<sup>137</sup> Трибунал на этот вопрос не отвечает и даже не рассматривает его. В решении прямо сказано, что залог должен иметь форму гарантии, предоставленной банком, действующим на территории задержавшего судно государства, или его банком-корреспондентом.

*е) Дело «Джуно Треjder»*

В деле «Джуно Треjder»<sup>138</sup> Международный трибунал по морскому праву вынес суждение о природе обязательства по незамедлительному освобождению судов и экипажей и соразмерности суммы залога. Трибунал постановил, что данное обязательство «определяется элементарными соображениями гуманности и правосудия» и что требование разумности залога продиктовано заботой о справедливости. Данное заявление представляется важным в условиях все более частого применения крайне жестких негуманных штрафов, включая тюремное заключение команд, которые несут минимальную ответственность за нарушение мер по охране окружающей среды, включая морскую среду, в исключительной экономической зоне.

*ф) Дело «Хошинмару»*

В деле «Хошинмару»<sup>139</sup> рассматривался вопрос о разумности залога. 6 июля

<sup>137</sup> См., напр.: Escher A.-K. Op. cit. P. 324.

<sup>138</sup> The «Juno Trader» Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea-Bissau) (Prompt Release), Judgment of December 18, 2004, 8 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders 17–92 (2004), available at [http://www.itlos.org/start2\\_-en.html](http://www.itlos.org/start2_-en.html).

<sup>139</sup> The «Hoshinmaru» Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release, Judgment of 6 August 2007, ITLOS Reports. 2005–2007. P. 18.

2007 г. Япония подала в Трибунал заявление о рассмотрении дела о задержании рыболовного судна «Хошинмару» властями Российской Федерации по обвинению в нарушении национального законодательства о рыбной ловле в исключительной экономической зоне России. 13 июля, спустя более пяти недель после задержания судна, Россия установила залог в размере 25 млн руб. (около 980000 долл.) и заявила, что назначение залога отменяет необходимость обращения в Трибунал о незамедлительном освобождении судна, а потому иск Японии должен быть признан неприемлемым.

Япония объявила сумму залога неразумной и не соответствующей требованиям ст. 292 Конвенции. Позиции сторон также разошлись по вопросу задержания вместе с судном его команды и капитана. В решении от 6 августа 2007 г. Трибунал подтвердил ранее вынесенное решение относительно разумности залога или другого материального обеспечения и помимо прочего заявил, что не считает разумным устанавливать залог, исходя из максимальной суммы штрафа, который может быть наложен на судовладельца или капитана, равно как и устанавливать залог, исходя из возможной конфискации судна с учетом обстоятельств дела. Сумма залога должна быть соразмерна серьезности вменяемого нарушения. Таким образом, Трибунал признал сумму залога, установленную Российской Федерацией, неразумной и постановил незамедлительно освободить «Хошинмару» вместе с уловом на борту после уплаты залога или другого обеспечения, определенного Трибуналом, а также незамедлительно и без каких-либо условий освободить капитана и команду судна. Трибунал определил сумму залога в 10 млн руб. (около 390000 долл.). 16 августа 2007 г. Российская Федерация получила залог; судно с командой были освобождены в тот же день.

***б) Вопрос о конфискации в деле «Томимару»***

Дело «Томимару»<sup>140</sup> было инициировано Японией в тот же день, что и дело «Хошинмару», и тоже касалось задержания рыболовного судна Российской Федерацией по обвинению в нарушении национального рыболовного законодательства в ее исключительной экономической зоне. В этом деле Трибуналу пришлось рассматривать болезненный вопрос о последствиях конфискации рыболовного судна – меры, предусмотренной законодательством в сфере организации охраны окружающей среды и природных ресурсов многих государств. Команде было позволено покинуть Российскую Федерацию задолго до подачи Японией заявления в Трибунал об освобождении судна.

Компетентный российский суд принял решение о конфискации судна, и поэтому Россия заявила, что поданное Японией ходатайство не имеет объекта. В своем решении от 6 августа 2007 г. Трибунал выразил мнение, что решение о конфискации исключает предварительный характер задержания судна, лишая процедуру ходатайства о незамедлительном освобождении объекта. При этом, однако, он также отметил недопустимость принятия решений, лишаящих судовладельца права обращения за доступными внутренними средствами правовой защиты или лишаящих государство флага возможности добиваться незамедлительного освобождения судна в рамках Конвенции.

Далее Трибунал подчеркнул, что решение о конфискации судна не мешает ему рассматривать ходатайство о незамедлительном освобождении судна до тех пор, пока процессуальные действия во внутренних судах задержавшего судно государства не завершены. Трибунал обратил внимание на то, что решение Верховного суда Российской Федерации, поддержавшего решение суда низшей инстанции о конфискации «Томимару», исчерпывает процедуры, доступные во внутренних судах. Соответственно Трибунал постановил, что ходатайство Японии

---

<sup>140</sup>The «Tomimaru» Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release, Judgment of 6 August 2007, ITLOS Reports. 2005–2007. P. 74.

больше не имеет объекта, поэтому Трибунал не может выносить по нему какое-либо решение.

### **5) Незамедлительное освобождение как временная охранительная мера**

#### *а) Дело «Арктик Санрайз»<sup>141</sup>*

Данное дело привлекает внимание тем, что незамедлительное освобождение судна было предписано Трибуналом в качестве одной из временных охранительных мер.

Ледокол «Арктик Санрайз» плавает под флагом Нидерландов и эксплуатируется международной неправительственной организацией «Гринпис». Судно было задержано властями Российской Федерации в пределах исключительной экономической зоны РФ после того, как активисты «Гринпис» сделали попытку взобраться на платформу под флагом РФ, нарушив зону безопасности этой платформы.

Содержание предписания о незамедлительном освобождении судна «Арктик Санрайз» можно назвать типовым, так как оно не отличается от других таких же предписаний: незамедлительно освободить судно и весь задержанный персонал после внесения залога или иного финансового обеспечения Нидерландами в размере 3 600 000 евро в виде банковской гарантии. Самым сложным вопросом данного дела было установление юрисдикции Трибунала, и, поскольку Нидерланды обращались в Трибунал за принятием временных мер, а не конкретно за незамедлительным освобождением ледокола, этот вопрос будет рассмотрен в §2 ниже.

## **§2. Практика МТМП в области принятия временных мер правовой защиты**

Временные охранительные меры (временные меры правовой защиты)

---

<sup>141</sup> The “Arctic Sunrise” Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation)



известны как часть судебного процесса еще со времен римского права. Их принятие судом имело целью закрепить состояние сторон на момент возбуждения спора и предотвратить изменение или ухудшение ситуации. Применимость данной нормы к международным отношениям была закреплена решениями Постоянной палаты международного правосудия<sup>142</sup> и впоследствии неоднократно применялась Международным судом<sup>143</sup>.

В течение долгого времени в литературе и в действующих международных судах дебатировался вопрос об обязательности постановления о временных мерах, выносимых судами. Когда, в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву создавался Международный трибунал по морскому праву, в его Статут было внесено положение об обязательности такого постановления для сторон в споре. Однако полностью вопрос о юридической стороне временных мер не был решен, учитывая сложную систему обязательств в области разрешения споров по Конвенции, например: распространяются ли нормы об изъятиях и исключениях на временные меры правовой защиты.

На международную арену норма о временных мерах была впервые вынесена в процессе создания Постоянной палаты международного правосудия в рамках Лиги Наций. В Статуте Постоянной палаты в ст. 41 предусмотрено право Палаты выносить постановления о таких мерах. Когда в качестве главного судебного органа Организации Объединенных Наций создавался Международный Суд, в его Статут также под номером 41 была включена статья со следующим текстом: «Суд имеет право указать, если, по его мнению, это требуется обстоятельствами, любые временные меры, которые должны быть приняты для обеспечения прав каждой из сторон». Вопрос об обязательности решен не был.

Практика государств того времени показывает, что идея обязательности

---

<sup>142</sup>Electricity Company of Sofia and Bulgaria (Interim Measures) case // PCIJ. Ser. A/B, 79 (1939). P. 199.

<sup>143</sup> Rosenne Sh. Provisional Measures in International Law. OUP, 2005. P. 3.

постепенно приобретала популярность: целый ряд договоров, двусторонних и многосторонних, заключенных еще начиная со времен Лиги Наций, предусматривал обязательство выполнять предписанные меры правовой защиты<sup>144</sup>. Международный Суд долгое время воздерживался от вынесения собственного мнения, и только в 2001г., в решении по делу братьев *LaGrand*<sup>145</sup> заявил о том, что постановление Суда о введении временных мер правовой защиты создает для сторон юридическое обязательство, и неисполнение такого постановления может стать основанием для возбуждения ответственности.

В Конвенции ООН по морскому праву был учтен опыт работы Международного Суда. В п.1 ст.290 говорится: «Если спор должным образом передан суду или арбитражу, который считает, что *prima facie* он обладает компетенцией на основании настоящей Части или Раздела 5 Части XI, суд или арбитраж может предписать, впредь до вынесения окончательного решения, любые временные меры, которые он считает надлежащими при данных обстоятельствах для обеспечения соответствующих прав сторон в споре или для предотвращения серьезного ущерба морской среде». Таким образом, Международный трибунал по морскому праву, во-первых, получил право предписывать временные меры; во-вторых, Трибунал при этом сам устанавливает наличие у него юрисдикции; в-третьих, Трибунал сам определяет природу принимаемых мер; в-четвертых, предписываемые им меры могут иметь не только процессуальную функцию: такие меры могут быть направлены не только на обеспечение нормального хода судебного процесса, но также могут иметь цель охраны окружающей среды<sup>146</sup>.

---

<sup>144</sup> Rosenne Sh. Op.cit, p.ix.

<sup>145</sup> *LaGrand Case*, (Germany v United States of America) (Provisional Measures) [1999] ICJ Rep. p. 9.

<sup>146</sup> Подробнее см. : Коваленко С.Г. Компетенция Международного Трибунала по морскому праву на предписание временных охранительных мер. // Ежегодник морского права. 2006. Отв. ред. А.Л.Колодкин М., 2006.

Практика Трибунала уже содержит несколько случаев предписания временных мер.

*а) постановление в связи с делом танкера «Сайга»*

В первом из таких случаев – в самом начале деятельности Трибунала – было рассмотрено само понятие «временные охранительные меры». Это было уже упоминавшееся ранее дело танкера «Сайга»<sup>147</sup>. Напомним, что танкер был задержан патрульными катерами Гвинеи по обвинению в нарушении таможенных правил этой страны, поскольку он занимался заправкой топливом и водой иностранных рыболовных судов, занятых добычей рыбы в исключительной экономической зоне Гвинеи. Государство Сент-Винсент и Гренадины, под чьим флагом плавал танкер, направило Трибуналу просьбу предписать временные охранительные меры на основании п. 5 ст. 290 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Обоснование просьбы было следующим:

1. Гвинея и ее органы власти обязаны воздерживаться от вмешательства в право судов под флагом Республики Сент-Винсент и Гренадины на свободу мореплавания и иные законные виды морской деятельности, как это предусмотрено в ст. 56 (2), 58, а также в других относящихся к делу статьях Конвенции 1982 г.

2. Гвинея обязана воздерживаться от осуществления преследования по горячим следам судов, кроме как в соответствии с условиями, изложенными в ст. 111 Конвенции 1982 г. В просьбе было указано на условие начала преследования по горячим следам в ст. 111: «Такое преследование должно начаться тогда, когда иностранное судно или одна из его шлюпок находится во внутренних водах, в архипелажных водах, в территориальном море или в прилегающей зоне преследующего государства, и может продолжаться за пределами

---

<sup>147</sup>The m/v «Saiga» (No 2) Case (Saint Vincent and Grenadines v. Guinea). Request for Provisions Measures. 11 March 1998.

территориального моря или прилегающей зоны только при условии, что оно не прерывается». Данная часть просьбы была основана на том, что патрульные катера Гвинеи задержали танкер «Сайга» не в исключительной экономической зоне Гвинеи, а в водах соседнего государства, оправдываясь своим правом преследования по горячим следам.

Протест Гвинеи против рассмотрения Трибуналом просьбы Сент-Винсент и Гренадин основывался на том, что то, чего требует Сент-Винсент и Гренадины, не есть временные охранительные меры, а на предписание таких мер Трибунал не обладает компетенцией. По мнению Трибунала, суть противоречий между сторонами спора состояла в том, что они по-разному толковали ст. 297. Истец (Сент-Винсент и Гренадины) считал применимым к делу п. 1 ст. 297<sup>148</sup>, в соответствии с которым Трибунал может установить наличие у него компетенции; ответчик же (Гвинея) считает спорным толкование п. 3 ст. 297<sup>149</sup>, в соответствии с которым Гвинея не обязана соглашаться с компетенцией Трибунала. Трибунал подчеркнул, что принципиальное согласие обоих государств, в том числе Гвинеи, с компетенцией Трибунала выражено в соглашении о передаче спора на разрешение Трибуналу, заключенного в ходе обмена нотами 20 февраля 1998 г. А поскольку, отметил Трибунал, п. 1 ст. 290 Конвенции обязывает Трибунал лишь *prima facie*, не вдаваясь в дальнейшие подробности, убедиться, что он обладает компетенцией на рассмотрение спора по существу, Трибунал считает данное условие выполненным, потому он вправе предписать временные меры.

На этой стадии рассмотрения просьбы о предписании временных мер стало известно, что во исполнение прежнего решения Трибунала о незамедлительном освобождении танкера гвинейские власти отпустили судно и его экипаж. Это

---

<sup>148</sup>О том, что к спорам, касающимся толкования или применения Конвенции в отношении осуществления прибрежным государством своих суверенных прав или юрисдикции, судебные процедуры применяются только в отдельных случаях, исчерпывающий список которых приведен в данном пункте.

<sup>149</sup>О том, что прибрежное государство не обязано соглашаться на передачу на судебное урегулирование любого спора, касающегося его суверенных прав в отношении живых ресурсов исключительной экономической зоны.

означало, что исчезли основания для просьбы о предписании временных мер в связи с содержанием судна под стражей. И тогда Трибунал занял несколько иную правовую позицию, чем обычно занимал Международный суд: он заявил, что п. 5 ст. 89 его Регламента дает ему право предписать меры иные, чем те, о которых поступила просьба. Поэтому МТМП все-таки принял постановление о введении временных мер, в котором Гвинее предписывалось «воздержаться от применения любых судебных или административных мер воздействия в отношении танкера «Сайга», его капитана или членов экипажа, связанных с инцидентами, повлекшими за собой арест экипажа и задержание судна, а также с последующим наказанием капитана». Правда, в том же постановлении имелась и традиционная запись – рекомендация сторонам «воздерживаться от любых действий их властей или судов под их флагами, которые могли бы ухудшить ситуацию или расширить спор».

Таким образом, Трибунал все-таки вынес постановление о принятии временных мер, но как бы по собственной инициативе.

*b) постановление в связи с делом о южном голубом тунце<sup>150</sup>*

Данное дело возникло между Японией, с одной стороны, и Австралией и Новой Зеландией – с другой. Южный голубой тунец относится к угрожаемым видам, и его вылов ограничен: в соответствии с Конвенцией об охране запасов южного голубого тунца<sup>151</sup>, в которой участвуют все три страны, Комиссия по сохранению южного голубого тунца выделяет участникам квоты. Япония, которая потребляет 90% южного голубого тунца, утверждала, что в соответствии с полученными ею научными данными запасы тунца увеличиваются, и настаивала

<sup>150</sup>Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan). Request for Provisions and Measures. 27 August 1999.

<sup>151</sup>Convention for the Conservation of Southern Bluefin Tuna of 1993//www.ccsbt.org.

на увеличении ее квоты добычи для научных исследований<sup>152</sup>. Австралия и Новая Зеландия, напротив, утверждали, что запасы тунца сокращаются, и предложили обратиться в арбитраж, предусмотренный Конвенцией о сохранении южного голубого тунца. Поскольку Япония была против этого, две страны решили использовать факт участия всех трех также в Конвенции ООН по морскому праву, в соответствии с которой арбитраж по приложению VII обладал обязательной юрисдикцией в отношении Японии.

До образования арбитража Австралия и Новая Зеландия посчитали необходимым обратиться к Трибуналу по морскому праву за предписанием временных мер. Они просили указать следующие меры:

- обязать Японию немедленно прекратить одностороннюю экспериментальную добычу голубого тунца;
- установить, чтобы весь объем вылавливаемого Японией южного голубого тунца не превышал выделенную ей годовую квоту;
- впредь до разрешения спора по существу обе стороны должны соблюдать принцип предосторожности в процессе добычи голубого тунца;
- обе стороны должны обеспечить воздержание от каких-либо действий, ухудшающих ситуацию или расширяющих спор; а также
- стороны не должны принимать никаких мер, могущих нанести ущерб их правам до разрешения спора по существу арбитражем в соответствии с приложением VII.

Япония оспаривала наличие у Трибунала компетенции на предписание временных мер, но в то же время просила Трибунал, если он посчитает себя обладающим такой компетенцией, предписать не те меры, которые стремились получить Австралия и Новая Зеландия, а совсем другие:

---

<sup>152</sup>См.: Солнцев А.М. Практикум по международному экологическому праву. М., 2011. С. 21–23.

–Австралия и Новая Зеландия обязаны в течение шести месяцев возобновить переговоры с Японией для урегулирования существующих между ними разногласий, а также с целью заключения протокола о продолжении экспериментального рыболовства;

–если же в течение шести месяцев разногласия не будут урегулированы, они должны в соответствии с договоренностью сторон от декабря 1998 г. и последующими условиями обращения к рабочей группе по экспериментальному рыболовству быть переданы группе независимых экспертов.

Задача установить наличие компетенции на предписание временных мер была не простой, поскольку по существу дело должно было рассматриваться арбитражем по приложению VII к Конвенции ООН по морскому праву. Устанавливая наличие своей компетенции на предписание временных мер, Трибунал отметил, что Австралия и Новая Зеландия считают п. 1 ст. 288 основой его компетенции<sup>153</sup>. Поскольку одна из целей предписания временных мер – предотвращение ущерба морской среде, Трибунал подчеркнул, что Австралия и Новая Зеландия утверждают об угрозе нанесении ущерба их интересам в случае продолжения ловли голубого тунца в период до решения спора арбитражем. Трибунал справедливо отметил, что пока нет надежных научных данных о конкретных мерах, которые могут привести к сохранению или сокращению популяции южного голубого тунца, но Трибунал понимает необходимость принятия решительных мер в этой сфере. Вывод Трибунала состоял в том, что недопустимо, чтобы общий объем вылова, включая экспериментальное рыболовство, превышал тот, о котором стороны договорились на основе признанных ими критериев.

---

<sup>153</sup> Пункт 1 ст. 288 гласит: «Суд или арбитраж, указанные в ст. 287, обладают компетенцией в отношении споров, касающихся толкования или применения настоящей Конвенции, которые передаются им в соответствии с настоящей частью». В ст. 287 закреплено право сторон выбрать процедуру судебного урегулирования, которым воспользовались два эти государства, указав арбитраж по приложению VII.

Временные меры, предписанные Трибуналом, состояли в следующем:

- все спорящие государства обязаны предотвратить принятие таких мер до завершения арбитражного разбирательства, которые могут ухудшить ситуацию или расширить спор;
- три государства гарантируют, что не будут приниматься никакие меры, которые могут повлиять на содержание будущего решения арбитража;
- спорящие государства обязаны придерживаться согласованных квот и учитывать уже произведенный фактический вылов, в том числе по научной программе;
- в будущем согласовывать размеры вылова южного голубого тунца с научно-исследовательскими целями;
- возобновить переговоры о мерах сохранения запасов южного голубого тунца.

Кроме того, Трибунал постановил, что охранительные меры должны быть реализованы «в срочном порядке» до формирования арбитража.

Таким образом, Трибунал взял на себя довольно широкие полномочия и в вопросе о наличии компетенции на предписание временных мер, и в вопросе определения самих временных мер. А.М. Солнцев считает, что Трибунал в данном случае фактом предписания временных охранительных мер сыграл в определенной степени роль примирителя спорящих сторон, поскольку после его решения три страны действительно вступили в переговоры и наладили сотрудничество<sup>154</sup>. Как справедливо утверждает Алан Бойл, дело о голубом тунце показывает, что профилактический подход не отменяет бремени доказательства ущерба в случаях ловли рыбы, хотя в случаях сбросов или торговли опасными отходами подобная деятельность запрещается, если не доказано отсутствие риска причинения вреда<sup>155</sup>.

<sup>154</sup> Солнцев А.М. Указ. соч. С. 30.

<sup>155</sup> Alan Boyle. Further Development of the Law of the Sea Convention: Mechanisms for Change // International and



*с) постановление в связи с делом о заводе МОКС<sup>156</sup>.*

Данное дело возникло в связи с тем, что в 1996 г. на берегу Ирландского моря, расположенного между Ирландией и Великобританией, последней был построен завод по переработке ядерного топлива<sup>157</sup>. Ирландия считала, что Великобритания не приняла достаточных мер безопасности в отношении перевозки ядерных материалов на завод и с завода, не предоставляет Ирландии доступа к соответствующей информации. По мнению Ирландии, создалась опасность ядерного заражения моря.

Поскольку переговоры с Великобританией не принесли успеха, Ирландия инициировала рассмотрение спора в арбитраже по приложению VII к Конвенции ООН по морскому праву. Чтобы предотвратить радиоактивное заражение моря в период, пока формируется арбитраж, Ирландия обратилась к Трибуналу по морскому праву с просьбой указать временные охранительные меры. По ее мнению, Трибунал должен был указать:

–открытие завода должно быть отложено;

–на время должны быть прекращены какие бы то ни было перевозки радиоактивных материалов или отходов, связанных с подготовкой к открытию завода в зоне действия суверенитета или суверенных прав Великобритании;

–Великобритания не должна предпринимать ничего, способного ухудшить ситуацию или расширить спор.

Ситуация с определением наличия компетенции на предписание временных мер осложнялась тем, что Великобритания утверждала, что компетенция арбитража по приложению VII устраняется ст. 282 Конвенции ООН по морскому

---

Comparative Law Quarterly. July. 2005. P. 567.

<sup>156</sup> The MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom). Request for Provisional Measures. 3 December 2001

<sup>157</sup> По-английски «mixedoxid» – смесь окиси обедненного урана и плутония.

праву<sup>158</sup>. Это утверждение базировалось на том, что ранее Ирландия возбудила рассмотрение спора относительно доступа к информации в арбитраже, предусмотренном ст. 32 Конвенции о защите морской среды Северо-Восточной Атлантики 1992 г. Кроме того, имело значение и членство обеих стран в Европейском союзе, поскольку договорами о Европейском экономическом сообществе и о Евратоме была предусмотрена исключительная юрисдикция Суда европейских сообществ по делам о толковании и исполнении этих договоров.

Трибунал все же решил, что планируемый арбитраж *prima facie* будет иметь юрисдикцию в данном деле, и нашел себя вправе предписать временные охранительные меры. Однако Трибунал не ограничился теми предложениями, которые выдвинула Ирландия. Он внимательно рассмотрел доводы обеих сторон и пришел к выводу, что непосредственной опасности радиоактивного заражения моря и прилегающего побережья нет, поэтому нет и нужды в срочном принятии охранительных мер. Вместо этого Трибунал предписал те меры, которые считал необходимыми.

Стороны должны вступить в переговоры с целью:

- предоставлять друг другу информацию о возможных последствиях введения в строй завода МОКС;
- вести контроль за потенциальными неблагоприятными последствиями работы завода;
- согласовать совместные меры предотвращения заражения морской среды вследствие работы завода МОКС.

Таким образом, Трибунал в целом высказался о необходимости

---

<sup>158</sup> В ст. 282 сказано: «Если государства-участники, являющиеся сторонами в споре, касающемся толкования или применения настоящей Конвенции, договорились посредством общего, регионального или двустороннего соглашения или каким-либо иным образом, что такой спор передается по просьбе любой стороны в споре на урегулирование по процедуре, влекущей обязательное решение, эта процедура применяется вместо процедур, предусмотренных в настоящей части, если стороны в споре не договорились об ином».

сотрудничества и взаимного учета интересов. Данное постановление Трибунала подверглось критике в литературе. Так, Р. Черчилль сомневается в уместности подобных мер, поскольку не считает их адекватной реакцией на экстренную ситуацию<sup>159</sup>.

*d) постановление в связи с делом о рекультивации земель Сингапуром на побережье пролива Джохор в спорном с Малайзией районе<sup>160</sup>.*

Данное дело возникло в связи с тем, что Сингапур проводил рекультивационные работы в узком проливе Джохор, который не был делимитирован между соседними странами. Малайзия опасалась, что эти работы изменят рельеф побережья, так что это может повлиять на будущую делимитацию.

Малайзия утверждала, что, реализуя рекультивационные проекты, Сингапур нарушает свои обязательства по международному праву, включая обязательства по сохранению и защите морской среды, а также процедурные обязательства по сотрудничеству, уведомлению и обмену информацией, предусмотренные Конвенцией по морскому праву. Малайзия также настаивала на соблюдении принципа добросовестности, предусмотренного ст. 300, а также принципа предосторожности, который «должен быть руководящим для любых государств в соблюдении и исполнении этих обязательств».

Стороны согласились передать спор на разрешение арбитража, однако Малайзия обратилась в Трибунал по морскому праву и просила его постановить, что:

– Сингапур должен приостановить все работы в спорном районе впредь до вынесения решения арбитражем;

<sup>159</sup> Churchill R. MOX Plant Arbitration and Cases // [www.mpepil.org](http://www.mpepil.org). P. 21.

<sup>160</sup> Case Concerning Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore). Provisions I Measures. Order of 8 October 2003.

- передать Малайзии всю информацию о произведенных и планируемых работах (относительно размеров построенных искусственных сооружений, материала) и о мерах по сохранению рельефа берега;
- снабдить Малайзию всеми данными, на основании которых было бы возможно судить о масштабах работ;
- вести консультации с Малайзией относительно оставшихся нерешенными вопросов.

Сингапур утверждал, что между сторонами не было обмена мнениями о способах урегулирования спора, а потому, прежде чем обращаться к судебным или арбитражным средствам, стороны должны исчерпать переговоры.

Эти меры, однако, не требуют от Сингапура прекращения работ по рекультивации. После вынесения постановления Сингапур и Малайзия сформировали группу независимых экспертов для изучения проблемы рекультивации земель и выработки рекомендаций в отношении мер по предотвращению любых негативных последствий. В результате стороны смогли обменяться мнениями и информацией и парафировать проект соглашения.

Данное решение Трибунала о временных охранительных мерах характерно тем, что он в аргументации неоднократно ссылался на свои более ранние решения. Так, относительно переговоров Трибунал напомнил некоторые дела (*о южном голубом тунце, о заводе МОКС*), где также вставал вопрос о переговорах, и пришел к выводу, что обязанность Малайзии вести переговоры исчерпана. Трибунал также сослался на правовую позицию Международного суда: переговоры не есть обязательное предварительное условие для передачи дела судебному органу<sup>161</sup>. Таким образом, заявил Трибунал, арбитраж *prima facie* будет, очевидно, обладать компетенцией на рассмотрение данного дела, а потому

---

<sup>161</sup> Case concerning the Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria). Preliminary Objection. Judgment. ICJ Reports 1998.P. 303.

Трибунал вправе предписать временные охранительные меры. Правда, Сингапур указывал на то, что арбитраж будет создан в очень скором времени, так что Трибунал не успеет предписать временные меры<sup>162</sup>. На это Трибунал заявил, что в Конвенции ООН по морскому праву не говорится о том, что действие временных мер должно прекратиться после начала работы арбитража. В понимании Трибунала необходимость временных мер диктуется с учетом обстоятельств всего периода до того момента, когда арбитраж будет в состоянии «отменить, изменить или подтвердить временные охранительные меры».

После этого Трибунал приступил к оценке необходимости предписания временных мер. Он указал, что опасность изменения береговой линии в спорном районе сама по себе не является основанием для предписания временных мер.

Что касается якобы нарушения Сингапуром принципа предосторожности, то эта страна заявила, что она уже предложила предоставить Малайзии всю информацию и готова предоставить Малайзии право выступить с ее оценкой; Сингапур готов также в любой момент вступить в переговоры.

Учитывая выраженную в ходе устных прений готовность обеих стран к сотрудничеству, МТМП постановил, что Малайзия и Сингапур должны осуществлять сотрудничество, а именно— они должны незамедлительно сформировать группу независимых экспертов для изучения потенциального влияния мелиоративных работ на окружающую природную среду;

Сингапур должен вести мелиоративные работы таким образом, чтобы не наносить вреда интересам Малайзии, и особенно должен учитывать выводы группы независимых экспертов.

Данное решение было встречено с разочарованием многими авторами. Как отмечали многие, оно не пошло дальше уже принятых решений и, по сути,

---

<sup>162</sup> Действительно, арбитраж должен был быть создан не позднее 9 октября 2003 г., а постановление Трибунала о временных мерах вынесено 8 октября 2003 г.

повторяет решение по делу о заводе МОКС, подчеркивая важность сотрудничества и ссылаясь на «заботливость и осторожность» как на основания для назначенных мер. В частности, Г. Рэшбрук отмечает, что Трибунал не воспользовался возможностью внести уточнения в понятие «принцип предосторожности»<sup>163</sup>.

Тем не менее, как можно судить по решениям Трибунала в деле о голубом тунце и рекультивации земли в Джохорском проливе, назначение временных охранительных мер может быть полезным способом решения проблемы отсутствия оценки экологических последствий. В обоих случаях Трибунал постановил, что риск нанесения вреда морской среде не может быть исключен. В случае с рекультивацией земель Трибунал однозначно постановил провести оценку рисков и последствий работ; в деле о голубом тунце Трибунал постановил, что квоты на вылов рыбы могут увеличиваться только по договоренности сторон после дальнейшего исследования текущего состояния запасов рыбы.

*е) постановление по делу фрегата «АРА Либертад»<sup>164</sup>*

Аргентинский фрегат «АРА Либертад» прибыл в порт Тема, недалеко от Аккры (Гана), 1 октября 2012 г. Позднее власти Ганы не позволили судну покинуть порт, ссылаясь на решение Высокого суда Аккры.

30 октября 2012 г. Аргентина возбудила против Ганы арбитражный процесс в связи с задержанием своего военного корабля, подлежащего иммунитету. Аргентина также подала ходатайство о назначении временных охранительных мер по ст. 290 (5) Конвенции по морскому праву.

15 декабря Трибунал принял постановление, предписывающее «до принятия решения арбитража, создаваемого по приложению VII к Конвенции, Гане следует

<sup>163</sup> См., напр.: Rashbrooke G. The International Tribunal for the Law of the Sea – a forum for the Development of Principles of International Environmental Law // 19 Int'l J. Marine and Coastal Law, # 4, 523 (2004). P. 532.

<sup>164</sup> "ARA Libertad" Case. Request to prescribe provisional measures. Order. 15 December 2012.

незамедлительно и безусловно освободить фрегат «АРА Либертад», предоставить возможность его капитану и команде покинуть порт Tema и приморские районы, находящиеся под юрисдикцией Ганы, и обеспечить пополнение запасов фрегата в указанных выше целях».

Как мы видим, формулировки постановления лишены двусмысленности, что можно объяснить статусом задержанного судна, который является военным кораблем. Трибунал не предложил никаких разъяснений к своему постановлению, однако нельзя не согласиться с позицией Аргентины, заявившей, что Республика Гана, задержав военный корабль и удерживая его под арестом, не позволяя ему заправиться топливом и применяя в отношении него судебные санкции, «нарушила международное обязательство по уважению иммунитета от юрисдикции и исполнительного производства, который предоставляется таким судам ст. 32 Конвенции ООН по морскому праву».

*f) постановление по делу о ледоколе «Санрайз»<sup>165</sup>*

Как уже указывалось, данное дело возникло в связи с тем, что в пределах исключительной экономической зоны Российской Федерации активисты международной неправительственной организации «Гринпис» подошли на надувных лодках вплотную к буровой платформе «Приразломная» под российским флагом и попытались высадиться на нее. Активисты базировались на взятom в аренду ледоколе «Арктик Санрайз» под флагом Нидерландов. Российские власти задержали группу активистов, а так же ледокол «Арктик Санрайз», который был отведен в порт Мурманск.

Правительство Нидерландов обратилось в Международный трибунал по морскому праву, прося его о

<sup>165</sup> The “Arctic Sunrise” Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation)

предписании временных охранительных мер. Российское правительство в официальной ноте Посольства РФ в Германии в адрес Трибунала 166 заявило о том, что не считает необходимым принимать участие в рассмотрении данного дела, поскольку арбитраж по приложению VII, разбирательство в котором пыталось возбудить правительство Нидерландов, не будет иметь юрисдикции в данном деле. Отсутствие юрисдикции Россия обосновала тем, что при ратификации Конвенции ООН по морскому праву 26 октября 1997г. Россия сделала заявление об избятии юрисдикции судебных и арбитражных органов любых споров с ее участием, которые вытекают из осуществления прибрежным государством какого-либо права или дискреционного полномочия, предусмотренного ст. 246 Конвенции 167.

Трибунал тем не менее нашел, что отсутствие одной из сторон не препятствует его рассмотрению спорного дела, поскольку сторонам была дана возможность представить свою правовую позицию. Различия в позициях сторон, по мнению Трибунала, состоит в том, что Нидерланды утверждают о нарушении статей 56 – относительно прав и юрисдикции прибрежного государства в исключительной экономической зоне; 58 – о правах других государств в исключительной экономической зоне; 60 – об искусственных островах, установках и сооружениях в исключительной экономической зоне; ст. 87 – о свободах открытого моря; 110 – о праве на осмотр судна в открытом море.

Тем не менее Трибунал решил, что положения Конвенции, на которые опирается правительство Нидерландов,

<sup>166</sup>Note verbale from the Embassy of the Russian Federation in the Federal Republic of Germany to the International Tribunal for the Law of the Sea, dated 22 October 2013. См. сайт Трибунала:

[http://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case\\_no.22/Order/C22\\_Ord\\_22.11.2013](http://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.22/Order/C22_Ord_22.11.2013).

<sup>167</sup>Ст. 246 называется «Морские научные исследования в исключительной экономической зоне и на континентальном шельфе».



создаются основания для будущей юрисдикции арбитража по приложению VII, а потому Трибунал prima facie обладает юрисдикцией на предписание временных охранительных мер. Под этим названием в постановлении Трибунала выступает незамедлительное освобождение судна и его экипажа.

Судья В.В.Голицын в своем особом мнении справедливо подчеркнул, что у Трибунала не было оснований принимать к рассмотрению просьбу Нидерландов, поскольку предписание временных мер не было надлежащим средством в данном деле.

С точки зрения автора, дополнительным аргументом могло бы быть то, что целью любых временных мер – это предотвратить ухудшение положения сторон и расширение спора. Но в самом деле между Нидерландами и Россией вообще не было спора, что и подтверждается поведением самих Нидерландов, которые не вели активных переговоров с Россией перед обращением в Трибунал.

### **§3. Разрешение Трибуналом споров о делимитации и о запасах меч-рыбы**

#### *А) Дело о разграничении в Бенгальском заливе*

Таких споров, в которых бы перед Трибуналом ставились вопросы толкования материального международного морского права, пока чрезвычайно мало. Трибуналу передавалось два таких дела: это спор о морской границе в Бенгальском заливе между *Бангладеш и Мьянмой*<sup>168</sup>, а также спор о запасах меч-рыбы в юго-восточной части Тихого океана<sup>169</sup>. Второй спор не дошел до рассмотрения в Трибунале, так что из 22 двух дел, представленных до сего времени Трибуналу, фактически только одно касается толкования материальных положений Конвенции.

<sup>168</sup> Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh v. Myanmar). Judgment of 14 March 2012.

<sup>169</sup> Case concerning the Conservation and Sustainable Exploitation of Swordfish Stocks in the South-Eastern Pacific Ocean (Chile v. European Community).

*а) Спор о делимитации морской границы между Бангладеш и Мьянмой в Бенгальском заливе*

Данное дело касается делимитации морской границы в территориальных водах, эксклюзивной экономической зоне и на континентальном шельфе. Это дело было первым делом о делимитации морских границ, рассматриваемым Трибуналом. Более того, в деле затрагивались проблемы делимитации континентального шельфа за пределами 200 морских миль. Решение было вынесено 14 марта 2012 г.

В общих словах решение Трибунала отражает постепенное развитие международного права делимитации границ. В.А. Коваленко, говоря об учете Международным трибуналом по морскому праву опыта работы Международного суда в области делимитации границ, совершенно справедливо отмечает некоторые особенности в позициях государств, и прежде всего то, что «государства стремятся сохранить над разрешением споров как можно более плотный контроль»<sup>170</sup>. Это стремление, по его мнению, отражается в том, что до сих пор передача спора Международному суду производилась в соответствии с компромиссорным соглашением, так что стороны имели возможность сформулировать задачу, стоящую перед судом, и его мандат наиболее точно; нередко стороны просили создать для разбирательства камеру *ad hoc*, так что они могли оказывать влияние не только на право, применяемое в процессе разбирательства, но и на персональный состав судебного присутствия; споры о границах неоднократно передавались в арбитраж, но никогда – в постоянный арбитражный суд, а всегда только в арбитраж *ad hoc*, формирование и деятельность которого в значительной степени находятся под контролем сторон<sup>171</sup>.

Отмеченные тенденции проявились в ходе обращения Бангладеш и Мьянмы

<sup>170</sup> Коваленко С.А. Указ. соч. С. 74.

<sup>171</sup> Тамже.

к Международному трибуналу по морскому праву. Основанием для передачи дела Трибуналу послужили односторонние декларации спорящих государств, которые вместе составили соглашение<sup>172</sup>.

В самом решении Трибунала по разграничению морских пространств в Бенгальском заливе в полной мере отразился опыт Международного суда и арбитражей в данной области. Его целью было достижение справедливого результата, и с этой целью Трибунал уделил внимание сравнению делимитации территориального моря, исключительной экономической зоны и континентального шельфа, особо остановившись на правомерности проведения единой разграничительной линии. Трибунал подчеркнул, что исходной точкой для ее проведения служит линия на сухопутной территории.

Учитывая очень специфические географические особенности Бенгальского залива, а также принцип равного отстояния, Трибунал внимательно анализировал влияние острова Сен-Мартин на делимитацию и на будущий режим судоходства в районе острова. Не последнее место в его решении занимают и учет фактов признания того или иного участка границы и историческое отсутствие протестов каждой стороны против деятельности населения в том или ином районе залива. Трибунал установил, что извилистость берега сама по себе не является особым обстоятельством, если не влияет на прохождение линии границы. Тем самым Трибунал обобщил развивающиеся в последние годы тенденции разграничения, состоящие в том, что сначала определяются координаты линии равного отстояния, а затем эта линия корректируется с учетом особых обстоятельств<sup>173</sup>.

Важным моментом, на взгляд автора, в данном деле является использование

---

<sup>172</sup> См.: [Order 2010/1 of 28 January 2010](#).

<sup>173</sup> Свиных Е.А., Свиных О.Ю. Разграничение морских пространств между Российской Федерацией и Королевством Норвегия в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане // Российский ежегодник международного права, 2012. СПб., 2013. С. 140.

протоколов переговоров, проведенных сторонами в 1974 г. Эти протоколы не получили ни в Мьянме, ни в Бангладеш статуса официальных документов. Трибунал постановил, что «согласованный протокол»— это всего лишь изложение некоторых точек взаимопонимания сторон, не создающее никаких правовых обязательств: глава делегации Мьянмы не имел полномочий связывать свое государство какими-либо обязательствами; кроме того, согласованный протокол не прошел обязательные процедуры, предусмотренные Конституциями двух государств, для утверждения международных соглашений.

Судья Т. Тревес совершенно справедливо оценил проделанную Трибуналом работу: «Это решение показывает, что Трибунал стал активным участником коллективных усилий по толкованию Конвенции. Хотя Трибунал использовал методологию, разработанную Международным судом и последними решениями арбитражных судов, он внес в нее свою крупицу знаний и особое видение»<sup>174</sup>.

*b) Делимитация континентального шельфа за пределами 200 миль*

Эта часть решения ITLOS в споре о делимитации морской границы между Бангладеш и Мьянмой в Бенгальском заливе, возможно, является самой интересной и важной в силу новизны предмета. Многие вопросы, не вполне понятные сами по себе, соединились в новой головоломке: концепция общего наследия человечества; компетенция Комиссии по границам континентального шельфа (CLCS) ООН; право судебного органа на делимитацию перекрывающихся районов за пределами 200 морских миль; взаимоотношения между институтами, созданными Конвенцией; и другие.

Суть проблемы в том, что Конвенция ООН по морскому праву предусматривает право прибрежного государства распространить свои суверенные

---

<sup>174</sup> Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal. Declaration by Judge T. Treves. P. 2.

права на континентальный шельф за пределы полосы дна шириной в 200 морских миль, до которых простирается «нормальный» континентальный шельф. Это возможно только в том случае, когда подводное продолжение берега соответствует определённым геологическим и геоморфологическим критериям, установленным в статье 76 Конвенции<sup>175</sup>, главным образом, следует доказать, что этот шельф составляет продолжение континентальной территории.

Государство, считающее, что его континентальный шельф выступает за границы 200 миль, должно подать заявку с описанием своей ситуации и — главное — с надёжными геологическими данными в Комиссию по границам континентального шельфа (CLCS) — созданный в соответствии с Конвенцией орган независимых экспертов по геологии, геофизике и гидрографии. Комиссия готовит рекомендации для прибрежного государства. На основе этих рекомендаций государством устанавливается внешняя граница шельфа, которая является окончательной.

Сама идея передачи вопроса о делимитации границы в Бенгальском заливе на судебное урегулирование была вызвана исключительно необходимостью: и Бангладеш, и Мьянма подали заявления в Комиссию о подтверждении их права на внешний континентальный шельф, в то время как Регламент Комиссии не допускает принятие заявок в отношении спорных зон, если только на это нет согласия обеих/всех сторон.

В качестве особых обстоятельств Трибунал расценил наличие острова Сен Мартен, а также извилистую береговую линию.

---

<sup>175</sup> Проф. А. Н. Вылегжанин предостерегал против повсеместного применения ст. 76, поскольку она является чисто договорной и не обладает обычно-правовым характером. См.: Вылегжанин А. Н. Границы континентального шельфа в Арктике: сопоставление Конвенции по морскому праву 1982 г. с обычными нормами международного права // Международное право и национальные интересы Российской Федерации. *Liber amicorum* в честь Чрезвычайного и Полномочного посла, профессора О. Н. Хлестова. М., 2008. С. 48-49.

Самым важным, на взгляд диссертанта, является заключение Трибунала о том, что любая делимитация должна осуществляться в соответствии с общим международным правом: «метод делимитации, используемый в данном случае для континентального шельфа за пределами 200 морских миль, не должен отличаться от метода, применяемого в пределах 200 морских миль. Соответственно, для делимитации континентального шельфа далее 200 морских миль будет всё так же применяться метод равного отстояния с учетом особых обстоятельств»<sup>176</sup>. Этим самым закладывается основа правил делимитации континентального шельфа соседних государств, когда этот шельф выходит за пределы 200 морских миль. Важно, что Трибунал считает важнейшим принципом учет интересов третьих стран: граница, проходящая через перекрывающиеся континентальные шельфы сторон за пределами 200 морских миль, должна продолжать единую морскую линию границы до тех пор, пока не достигнет точки, где могут быть затронуты права третьих сторон (т.е. Индии).

*Б) Дело о запасах меч-рыбы<sup>177</sup>*

Дело возникло из-за того, что законодательные меры Чили по форме были направлены на охрану запасов меч-рыбы, а по существу, вели к ограничению свободы торговли. Данное дело беспрецедентно из-за множества участников (непосредственно сторонами спора были Чили и Европейские сообщества, еще восемь государств закрепили за собой право выступить в качестве заинтересованной третьей стороны); из-за разных предметов спора (были затронуты вопросы международного экологического и международного экономического права), из-за целого набора средств обязательного разрешения споров, которые могли быть задействованы (Орган по разрешению споров ВТО;

---

<sup>176</sup> Judgment, para. 455.

<sup>177</sup> Case concerning the Conservation and Sustainable Exploitation of Swordfish Stocks in the South-Eastern Pacific Ocean (Chile v. European Community).

суды и арбитражи, предусмотренные Конвенцией ООН по морскому праву; Суд европейских сообществ)<sup>178</sup>.

Сторонам оказалось очень трудно достичь согласия относительно выбора судебного учреждения и набора спорных вопросов, которые следует перед ним поставить. Наконец, они договорились об обращении к Международному трибуналу по морскому праву с тем, чтобы дело рассматривалось в специальной камере Трибунала. В конце концов после множества оттяжек спор был отозван из Трибунала. Однако А.М. Солнцев правильно отмечает, что, хотя Трибуналом не было вынесено решение по делу, стороны на заключительном заседании благодарили Трибунал за содействие в достижении дружественного урегулирования<sup>179</sup>.

Однако следует также отметить, что данное дело показывает, что множественность международных судебных учреждений является не препятствием для мирного разрешения споров, а полезным инструментом<sup>180</sup>.

## Заключение к Главе II

Течение времени выявило некоторую последовательность в подходе Трибунала к толкованию Конвенции ООН по морскому праву. Очевидно, что Трибунал руководствуется опытом Международного суда, что договоры должны толковаться и применяться в рамках правовой системы в целом, преобладающей на момент интерпретации. В своей практической деятельности Трибунал уже внес значительный вклад в развитие международного морского права, особенно определения институтов и концепций, которые не были четко прописаны в

<sup>178</sup> См.: Солнцев А.М. Указ. соч. С. 30–34.

<sup>179</sup> Солнцев А.М. Указ. соч. С. 34.

<sup>180</sup> Shamsey J. ITLOS vs. Goliath: The International Tribunal for the Law of the Sea Stands Tall with the Appellate Body in the Chilean-EU Swordfish Dispute // *Transnational Law & Contemporary Problems*. V. 12. Fall, 2002. P. 513–526.

Конвенции.

Самой показательной в этом смысле является реализация компетенции по незамедлительному освобождению судов, достаточно новой в судопроизводстве. Реализовывая эту компетенцию, Трибуналу приходилось толковать и уточнять многие положения Конвенции, особенно касающиеся оснований для задержания иностранных судов в исключительной экономической зоне и других зонах национальной юрисдикции; Трибунал дал разъяснения в отношении важного принципа национального права, регулирующего определение суммы материального обеспечения, необходимого для освобождения судна: правило, предусмотренное международным правом и схожее с правилами многих национальных систем, фактически стало общим принципом права.

Уточнение внесено и в закрепленный Конвенцией принцип реальной связи между судном и государством флага.

Еще одним важным явлением стало развитие института временных охранительных мер. Хотя в этом направлении, как и во многих других, Трибунал работает в тесном контакте со спорящими сторонами, очевидно, что он оставляет себе большую дискреционную свободу.

### **Глава III. Практика Камеры по спорам, касающимся морского дна**

#### ***§ 1. Камера по спорам, касающимся морского дна, как часть МТМП***

Камера по спорам, касающимся морского дна, занимает особое место в Трибунале, являясь, по сути, отдельным судебным органом. Это вызвано тем, что идея Камеры порождена другой идеей, возникшей в ходе Третьей конференции ООН по морскому праву, – идеей придать особый статус глубоководным ресурсам морского дна. Эта идея реализовалась в квалификации дна морей и океанов за пределами национальной юрисдикции государств в качестве общего наследия



человечества (само это дно получило название «Международный район морского дна», или просто «Район»). Статус общего наследия человечества был присвоен и природным ресурсам Района<sup>181</sup>. Присвоение любой части Района или его ресурсов запрещено. Ресурсы принадлежат всему человечеству (ст. 137.1)<sup>182</sup>.

Учитывая новизну института общего наследия человечества, в Конвенцию включена специальная ч. XI, в которой предусмотрены не только права и обязанности участников Конвенции в отношении Района, но и целая система управления, состоящая из довольно сложной международной организации со значительными полномочиями под названием «Международный орган по морскому дну», который действует от имени человечества и сам состоит из целого набора органов (ассамблея, совет, секретариат)<sup>183</sup>. Таким образом, все пространство за пределами национальной юрисдикции имеет отдельный статус, отдельную систему управления, составляет очень специфический интерес для мирового сообщества, и в этом пространстве осуществляется специфическая деятельность, очень сложная технически и весьма дорогостоящая.

Общему наследию человечества не дано в Конвенции юридического определения, только ст. 136 устанавливает, что «Район и его ресурсы составляют общее наследие человечества». Вместо юридического определения в Конвенции установлены географические границы Района: это все дно за пределами национальной юрисдикции государств. Установлено также ограничение прав и обязанностей участников Конвенции: они обязаны соблюдать принципы общего наследия человечества, изложенные кратко в ст. 137. Основным объектом регулирования в ч. XI – это «деятельность в Районе»; отметим, что созыв Третьей конференции ООН по морскому праву с самого начала объяснялся идеей

---

<sup>181</sup> Району и его статусу и правовому режиму разведки и добычи природных ресурсов посвящена Ч. XI Конвенции, дополненная в 1995 г. Соглашением об имплементации ч. XI.

<sup>182</sup> См.: Мировой океан и международное право. Основы современного правопорядка в Мировом океане. С. 165–172.

<sup>183</sup> См.: Гуцуляк В.Н. Международное морское право (публичное и частное). М., 2006. С. 131–134.

предотвратить золотую лихорадку на морском дне, и сначала в рамках ООН был создан Комитет по мирному использованию дна морей и океанов, которому и было поручено заниматься созывом Третьей конференции по морскому праву.

В литературе неоднократно подчеркивалось, что общее наследие человечества не имеет нормативного содержания<sup>184</sup>. Фактически эта концепция означает только то, что предусмотрено нормами, регулирующими режим и структуру управления деятельностью в Районе.

Нужно отметить, что в начале конференции обсуждался вопрос о создании специального суда для деятельности на морском дне, но общего согласия достичь не удалось, и особый суд создан не был<sup>185</sup>. Заложенные в нем идеи воплотились в Камере по спорам, касающимся морского дна, Международного трибунала по морскому праву.

В ходе создания норм, регулирующих деятельность Камеры по дну, использовался опыт Международного суда<sup>186</sup>. Хотя в принципе возможность образования камеры была предусмотрена еще в Статуте Постоянной палаты международного правосудия Лиги Наций, но тогда данное положение использовалось лишь однажды<sup>187</sup>. В Статуте Международного суда также содержались положения о камерах, но вспомнили об этом только в 70-х гг. XX в., когда международно-правовая литература стала полниться утверждениями о крайней непопулярности Международного суда. Одной из причин называли отстраненность государств-сторон в споре от организации судебного процесса. И поскольку в формировании камер стороны могут принять хотя бы некоторое

---

<sup>184</sup> См., напр.: Клименко Б.М. Международно-правовые вопросы исследования и использования дна морей и океанов за пределами континентального шельфа / Актуальные проблемы современного международного морского права // Отв. ред. М.И. Лазарев. М., 1972. С. 72; Nandan S., Lodge M.W., Rosenne S. United Nations Convention on the Law of the Sea, A Commentary. Vol. 6. 2002. P. 141.

<sup>185</sup> См. историю создания Конвенции ООН по морскому праву: UN Division for Ocean Affairs and the Law of the Sea, Concept of the Common Heritage of Mankind, UN sales Nr. E. 96. V. 3 (1996).

<sup>186</sup> Jennings R.Y. The Proliferation of Adjudicatory Bodies: Dangers and Possible Answers // Implications of the Proliferation of International Adjudicatory Bodies for Dispute Resolution. Oxford, 1995. P. 2.

<sup>187</sup> См.: Treaty of Neuilly. Art. 179. Annex. Par. 4 // P.C. I.J. Series A, № 3 and Interpretation of Judgment № 3. P.C. I.J. Series A. № 4.

участие, оживилась популярность камер.

Регламентом Международного суда признается возможность создания трех типов камер:

- Камера ускоренного судопроизводства;
- Камера для рассмотрения определенных категорий дел;
- Камера для разбирательства по определенному конкретному делу (камера ad hoc).

В 1978 г., когда принимался новый Регламент Международного суда, в нем государствам было предоставлено больше способов участвовать в процессе образования камер ad hoc.

Вскоре после этого, опираясь на новый Регламент, государствами было передано сразу несколько дел на разбирательство в камере. Это были дело о границе между африканскими государствами Буркина-Фасо и Мали<sup>188</sup>; спор о разграничении между Канадой и США в заливе Мэн<sup>189</sup>; спор о компании «ЭлеттроникаСикула» между США и Италией<sup>190</sup>; спор о сухопутной, островной и морской границе между Сальвадором и Гондурасом<sup>191</sup>.

Статья 15 Статута Трибунала по морскому праву называется «Специальные камеры». В ней почти дословно воспроизведены положения соответствующих статей Регламента Международного суда.

Конкретный порядок формирования камер вынесен в Регламент Трибунала. Предусмотрена возможность создания камер трех категорий:

- Камера ускоренного производства, предусмотренная ст. 28 Регламента;
  - Камеры для определенных категорий споров (ст. 29);
  - Камеры для рассмотрения конкретного спора (ст. 30). Это камеры,

---

<sup>188</sup> I.C.J. Reports. 1982. P. 12–36.

<sup>189</sup> [Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area \(Canada/United States of America\) I.C.J. Reports, 1984.P. 246.](#)

<sup>190</sup> I.C.J. Reports. 1985. P. 134–217.

<sup>191</sup> I.C.J. Reports. 1987. P. 57–96.

которые в практике Международного суда получили название камер *ad hoc*.

Камеры разных категорий формируются по-разному. Первые две категории зависят от самого Трибунала, стороны в споре в этом не участвуют. В члены Камеры ускоренного производства *ex officio* входят председатель и заместитель председателя Трибунала и три других члена. В дополнение два члена камеры могут быть выбраны, чтобы действовать в качестве альтернативных членов.

Камеры для определенных категорий споров формируются Трибуналом: «Члены такой камеры выбираются Трибуналом по предложению президента Трибунала из его членов с учетом специальных знаний, специализации или предыдущего опыта каждого из членов в отношении той категории споров, которая передается камере» (п. 2 ст. 29 Регламента).

Стороны в споре участвуют только в формировании камер *ad hoc*. Согласно п. 2 ст. 30: «Если стороны согласились [передать дело в камеру *ad hoc*], президент Трибунала осведомляется об их мнениях относительно состава камеры и сообщает об этом Трибуналу». По п. 3 той же статьи: «Трибунал определяет с одобрения сторон тех членов, которые войдут в состав камеры».

На основании резолюций от 7 октября 2002 г. созданы Камера Трибунала по спорам, касающимся защиты морской среды<sup>192</sup>, а также Камера по спорам о рыболовстве<sup>193</sup>.

Камера по спорам, касающимся морского дна, стоит особняком от других камер. Ее образование предусмотрено разд. 5 ч. XI Конвенции, положения которого реализованы в резолюции, принятой Трибуналом 8 октября 2002 г.<sup>194</sup> В ней также содержалась отсылка к приложению VI (Статут Трибунала): «В соответствии с разд. 4 настоящего приложения образуется Камера по спорам, касающимся морского дна». Камера обладает многими уникальными чертами,

---

<sup>192</sup> Resolution on the Chamber for marine environment disputes. Adopted on 7 October 2002.

<sup>193</sup> Resolution on the Chamber for fisheries disputes. Adopted on 7 October 2002.

<sup>194</sup> Resolution on the Seabed disputes Chamber. Adopted on 8 October 2002.

которые не только отделяют ее от Трибунала, но и выделяют из общего ряда международных судов. Несколько сократить эту уникальность пытались уже те, кто формулировал Правила процедуры Трибунала и другие внутренние документы; но никакой интеграции не получилось<sup>195</sup>.

Основные положения, касающиеся камеры, содержатся не только в ч. XV Конвенции, которая регулирует разрешение споров, но также и в ч. XI «Район». Это разд. 5 ст. 186–191. Говорится о ней и в Статуте Международного трибунала по морскому праву (разд. 4 ст. 35–40). Кроме того, п. 1 ст. 40 Статута предусматривает, что и другие разделы, не являющиеся несовместимыми с разд. 4, относятся к камере. Ст. 14 и 15 (5) Статута определяют место камеры в рамках Трибунала; важное подтверждение ее компетенции содержится в ст. 287 (2) Конвенции. Между статьями находим множество перекрестных ссылок.

Рамочное положение относительно камеры содержится в ст. 186, в которой говорится, что учреждение камеры и порядок осуществления ею своей компетенции регулируются разд. 5 ч. XI, ч. XV и Приложением VI.

В свою очередь, в Статуте Трибунала (ст. 14) говорится о том, что камера создается в соответствии с разд. 4 Статута и что ее юрисдикция, полномочия и функции определяются ч. XI, разд. 5 Конвенции. Статья 15 (5) устанавливает, что решение, принятое камерой, считается вынесенным самим Трибуналом.

Камера состоит из 11 членов, выбранных большинством избираемых членов Трибунала из их числа (ст. 35.1). При выборе членов камеры обеспечиваются представительство основных правовых систем мира и справедливое географическое распределение, гласит п. 2 ст. 35 Статута, отражая п. 2 ст. 2 Статута, который относится к составу Трибунала в целом. Ни в том, ни в другом случае, правда, Конвенция не уточняет, ни что имеется в виду под этими

---

<sup>195</sup> См.: Treves T. *Judicial Action for the Common Heritage // Law of the Sea in Dialogue*. H. Hestermeyer et al. (eds.), Berlin Heidelberg 2011.

критериями, ни каким образом они должны применяться.

При этом в формировании камеры может принимать участие Ассамблея Органа по морскому дну. Ассамблея вправе принимать рекомендации общего характера, касающиеся такого представительства и распределения (ст. 35.2 Статута). Данное положение не суживает независимости Трибунала, поскольку речь идет только о рекомендациях, а не об обязательстве. И, очевидно, поскольку они «общего характера», то не касаются отдельных лиц.

В ст. 35.3 предусмотрено, что члены камеры избираются каждые три года и могут выбираться на второй срок. Трибунал внес уточнение относительно трехлетнего срока: избрание на трехлетний срок будет иметь место каждый раз без промедления по истечении трех лет после 1 октября следующего за выборами.

Срок пребывания в должности членов камеры начинает истекать со дня избрания (Регламент, ст. 23). Первые выборы состоялись 20 февраля 1997 г., и первый срок судей истек 30 сентября 1999 г.; после этого трехлетний срок истекает каждый раз 30 сентября.

Если Трибунал не может произвести новые выборы членов камеры после истечения срока предыдущего состава камеры, то, как говорится в Регламенте, судьи, остающиеся в Трибунале после окончания срока их пребывания в составе камеры, продолжают исполнять свои обязанности в качестве членов камеры вплоть до следующего отбора, чем обеспечивается наличие действующей камеры (Регламент, ст. 23). Такое же положение предусмотрено для других камер Трибунала. Если в составе камеры образуется вакансия, Трибунал выбирает из числа своих избираемых членов преемника, который занимает должность до истечения срока полномочий его предшественника. Очевидно, требование справедливого представительства и распределения относится и к заполнению вакансий<sup>196</sup>.

---

<sup>196</sup>

Eiriksson G. *The International Tribunal for the Law of the Sea*. The Hague, 2000. P. 70.

Указанная выше формулировка не вполне ясна и допускает неточное понимание. Означает ли она, что никто не может быть в должности более двух сроков; судья не может быть в должности более чем два срока подряд, но может быть, например, избран на третий срок после некоторого периода?

Ко времени первого избрания камеры Ассамблея Органа не приняла никаких рекомендаций относительно ее состава. Председатель Трибунала провел консультации с членами относительно того, как наилучшим образом обеспечить представительство основных правовых систем мира и равное географическое распределение. Трибунал принял предложения председателя:

- три судьи – граждане африканских государств;
- три судьи – граждане азиатских государств;
- два судьи – граждане группы Латиноамериканских и карибских государств;
- два судьи – граждане группы стран Западной Европы и других государств;
- один судья – гражданин государства Восточной Европы.

Это предложение было основано на том понимании, что в каждый второй срок два места будет отведено судьям – гражданам Восточной Европы и соответственно число мест для судей – граждан африканских и азиатских стран будет сокращаться до двух.

Хотя это предложение было выдвинуто перед началом выборов, ясно, что оно рассчитано на долгий срок и распределение мест может с течением времени быть совсем другим.

В составе камеры могут быть судьи *ad hoc*. Их назначение и положение определяются Регламентом.

В соответствии со ст. 289 Конвенции к участию в работе камеры могут допускаться эксперты, что совершенно необходимо для такой новой области деятельности, как эксплуатация глубоководных ресурсов.

Председатель камеры избирается из ее членов на тот срок, на который

выбрана камера. Председатель избирается путем тайного голосования большинством голосов членов камеры, хотя и не уточняется, большинством присутствующих или большинством состава камеры.

В случае вакантности места председателя или невозможности исполнения обязанностей председателем эти обязанности исполняются членом камеры, наиболее долго состоящим в должности и который в состоянии исполнять эти обязанности. Председатель возглавляет все заседания камеры. Регламентом предусмотрено, что правила Регламента, относящиеся к председателю Трибунала, *mutatis mutandis* применяются к председателю камеры.

Согласно ст. 35.5 Статута, если какое-либо разбирательство остается незавершенным на конец трехлетнего срока, на который выбрана камера, она завершает разбирательство в том же составе. Г. Эрикссон, комментируя данное положение, считает возможным подход по аналогии, то есть применение к камере тех же критериев, что и к Трибуналу, а потому, говорит он, учитывая сложность процесса разбирательства в международных судах, можно применить к определению данного понятия ст. 5.3 Статута Трибунала в сочетании со ст. 17 Регламента и сделать вывод о том, что камера продолжает действовать в прежнем составе до окончания той фазы разбирательства, которая ею начата<sup>197</sup>. Интересный вопрос – это вопрос о возможном приоритете председателя или заместителя председателя Трибунала, если они окажутся в составе камеры. Если применить формулу *mutatis mutandis*, то мы увидим, что по ст. 24 Регламента председатель камеры имеет приоритет перед другими членами камеры. Приоритет других членов определяется порядком приоритета в Трибунале в делах, где председатель и заместитель председателя Трибунала не исполняют соответствующих обязанностей. Что касается судей *ad hoc*, их приоритет следует после членов Трибунала и по старшинству возраста.

---

<sup>197</sup>

Eiriksson G. Op. cit. P. 72.



Кворум для заседаний камеры составляет семь членов, причем соблюдение кворума необходимо для всех заседаний, включая организационные. Судьи *ad hoc* в кворум не включаются.

Что касается юридической силы решений камеры, в дополнение к общему установлению Конвенции об окончательном характере и обязательной силе решения Трибунала в Статуте предусмотрено, что исполнение решений камеры обеспечивается в территориях государств-участников таким же образом, что и исполнение решений или распоряжений высшего суда государства-участника, в котором испрашивается исполнение.

Общая сложность системы органов разрешения споров по Конвенции имеет свое выражение и в строении Камеры по спорам, касающимся морского дна, в том, что в рамках этой камеры возможно создание еще специальных камер. По ст. 188.1 по просьбе любой стороны в споре он может быть передан в камеру *ad hoc* Камеры по спорам, касающимся морского дна. В Регламент Трибунала внесено уточнение, что такая камера должна быть образована не позднее трех месяцев с даты возбуждения разбирательства. Камера *ad hoc* в составе трех членов формируется Камерой по спорам, касающимся морского дна, с одобрения сторон в споре (ст. 36 Статута). Система судей *ad hoc* в Камере по спорам, касающимся морского дна, не применяется.

Остановимся теперь на отличиях, которые можно отметить между Трибуналом и Камерой по спорам, касающимся морского дна.

Во-первых, есть отличие в способе признания юрисдикции Трибунала и камеры. В соответствии со ст. 287 Конвенции государство-участник может сделать выбор в пользу того обязательного судебного или арбитражного средства, которое считает наиболее подходящим, для споров все видов. Однако это право не касается споров, вытекающих из деятельности в Международном районе морского дна. Об этом прямо сказано в п. 2 ст. 287: «Заявление, сделанное согласно п. 1 [о выборе

обязательного средства], не затрагивает обязанность государства-участника признавать компетенцию Камеры по спорам, касающимся морского дна, Международного трибунала по морскому праву в объеме и порядке, предусмотренных в разд. 5 ч. XI, и не затрагивается этой обязанностью». Отсюда можно сделать вывод, что юрисдикция Камеры по морскому дну не является факультативной, в отличие от остальных судов и арбитражей, наделенных полномочиями рассматривать споры о толковании и применении Конвенции.

Второе отличие – это субъекты, которым открыт доступ в Трибунал и к камере. В соответствии со ст. 291 Конвенции: «Процедуры урегулирования споров, предусмотренные в настоящей части, открыты для субъектов, иных, чем государства-участники, только как это специально предусматривается в настоящей Конвенции». Данное положение дает основания для п. 2 ст. 20 Статута Трибунала: «Трибунал открыт для субъектов, не являющихся государствами-участниками, в любом деле, прямо предусмотренном в ч. XI».

Это значит, что стороной в споре, касающемся морского дна, возможно участие субъектов иных, чем государства. В ст. 187, излагающей компетенцию камеры, в качестве сторон спора названы: государства-участники, Орган по морскому дну, предприятие, составляющее часть структуры органа, государственные предприятия, физические или юридические лица. Следует учесть также, что под государствами-участниками в соответствии со ст. 1 Конвенции имеются в виду некоторые территории, перечисленные в ст. 305, а также международные организации, под каковыми в настоящее время следует подразумевать Европейский союз, поскольку другие международные организации в подписании Конвенции участия не принимали.

Необходимо уточнить, что в Конвенцию введено понятие «поручившееся государство» (ст. 190), то есть государство, чьи физические или юридические лица будут участвовать в разработках минеральных ресурсов морского дна, и которое

обязано обеспечить выполнение ими положений Конвенции. Такое поручившееся государство имеет право участвовать в разбирательстве камерой того спора, в котором является стороной его физическое или юридическое лицо. Государство при этом не становится стороной разбирательства, и вопрос об иммунитете не встает, поскольку, как сказано в ст. 190 Конвенции, поручившееся государство имеет право участвовать «путем представления письменных или устных заявлений» (п. 1 ст. 190). Правда, если физическое или юридическое лицо одного государства предъявляет иск против другого государства, ответчик может предложить первому поручившемуся государству вступить в разбирательство от имени этого физического или юридического лица, и тогда обеими сторонами в споре станут равные суверенные государства; в случае отказа государство-ответчик может обеспечить, чтобы от его имени в дело вступило юридическое лицо его национальности (п. 2 ст. 190).

При этом встают некоторые вопросы. Например, если поручившееся государство получает право участия в разбирательстве в форме представления письменных или устных заявлений, каков его статус и процессуальные права? Может ли оно расцениваться как третья сторона, вступающая в дело? В практике Международного суда случаев присоединения к разбирательству третьей стороны было немного, и Г.Г. Шинкарецкая называет существование соответствующих ст. 62 и 63 Статута Международного суда «вялым»<sup>198</sup>. Однако из ее обобщения опыта Международного суда<sup>199</sup> следует, что вступление в дело третьей стороны – это очень ограниченное право государство, считающего, что у него имеется тот же правовой интерес, что у одной из сторон разбираемого спора; этому праву соответствует обязанность Суда проверить наличие такого интереса. В каждом конкретном случае Суд может и должен оценить ситуацию.

---

<sup>198</sup> Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития... С. 183.

<sup>199</sup> Указ. соч. С. 186–189.

К положению государства по ст. 190 Конвенции эти соображения малоприменимы: поручившееся государство имеет, несомненно, общий интерес со своим физическим или юридическим лицом, и его вступление в разбирательство будет скорее актом дипломатической защиты, чем отстаивания собственного интереса. Поэтому следует говорить не о вступлении государства в дело, где участвует его физическое или юридическое лицо, а о его присоединении к делу.

Далее, по п. 2 ст. 190, государство может присоединиться к делу, если имеет место спор, «указанный в подп. «с» ст. 187» (между сторонами контракта, являющимися государствами-участниками, Органом или Предприятием, и физическими или юридическими лицами); в то же время в п. 1 ст. 187 говорится просто о спорах, стороной в котором может быть физическое или юридическое лицо, и которые могут возникнуть по пп. С, d, e ст.187; в этих случаях поручившееся государство имеет право участвовать в разбирательстве путем представления устных или письменных заявлений.

Несмотря на некоторую неясность, ст. 190, очевидно, предназначена гарантировать права государств-участников в ситуации, когда Камере придется осуществлять толкование Конвенции по просьбе физических или юридических лиц, поскольку решение о принятии обязательств по Конвенции принимали именно государства, и ответственность за исполнение этих международных обязательств лежит именно на них.

В некоторых случаях право обращения в Камеру имеет Орган по морскому дну. Согласно ст. 162 (2u), от имени Органа Совет – его исполнительный орган – может возбуждать разбирательство в Камере по спорам, касающимся морского дна. Данные споры квалифицируются как «споры о несоблюдении»; очевидно, речь идет о несоблюдении юридическими лицами или поручившимися государствами соответствующих правил и норм, установленных Органом. Поскольку распределение платежей и взносов, а также установление принципов

справедливого распределения по ст. 160 (2 fi), касаются вопросов, регулируемых в области деятельности Ассамблеи или Совета, это, очевидно, дает им право обращения в Камеру с просьбой о даче консультативного заключения по ст. 191.

Нельзя не согласиться с М.Р. Хубиевой в том, что хотя, в соответствии с п. 2 ст. 137 Конвенции по морскому праву, Орган действует «от имени всего человечества», на самом деле в том, что касается защиты интересов человечества в международном судебном учреждении, роль Органа ограничивается выдвиганием иска против государств или контракторов или потенциальных контракторов, и содержание такого иска может касаться только надлежащего управления общим наследием человечества в рамках деятельности в Районе<sup>200</sup>.

Третье отличие выражено в способе формирования Камеры, о чем говорилось выше. Все остальные камеры могут образовываться или не образовываться по усмотрению Трибунала, так как в ст. 15 Статута сказано: «Трибунал может образовывать». Относительно Камеры по спорам, касающимся морского дна, такой добровольности нет. В русском тексте говорится более или менее нейтрально: «[Камера] образуется в соответствии с разд. 4 Статута». Английский текст содержит некоторую степень обязательности: «TheSeabedDisputesChambershallbecomposed...» Значит, если формирование других камер – это право Трибунала, формирование Камеры по морскому дну – это его обязанность.

Таким образом, Камере по спорам, касающимся морского дна, приданы свойства самостоятельного судебного международного учреждения, а Трибунал составляет для нее определенные рамки.

---

<sup>200</sup>Хубиева М.Р. Практика международных судов и арбитражей, предусмотренных в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.: Автореф. дисс.к.ю.н. М., 2012. С. 25.

## **§ 2. Компетенция Камеры по спорам, касающимся морского дна**

Компетенция Камеры довольно подробно описана в обширной ст. 187 Конвенции, которая начинается с общего заявления о том, что Камера «обладает компетенцией в соответствии с настоящей частью<sup>201</sup> и относящимися к ней приложениями в следующих категориях споров, касающихся деятельности в Районе». И далее следует перечисление возможных споров. Это споры:

- а) между государствами-участниками, касающиеся толкования или применения ч.ХІ;
- б) между государством-участником и Органом, касающиеся объема полномочий Органа;
- с) между сторонами контракта, являющимися государствами-участниками, Органом или Предприятием, и физическими или юридическими лицами;
- д) между Органом и возможным будущим контрактором, за которого поручилось государство.

К перечисленным пунктам добавлено еще несколько подпунктов, разъясняющих их содержание. Этот подробный перечень заключается пунктом, который открывает настоящий простор для подчинения Камере множества других споров:

- ф) любых других споров, в отношении которых компетенция Камеры конкретно предусматривается в настоящей Конвенции.

Поскольку и правовой статус Района, и его регулирование – новации в международном праве, попытаемся сконструировать понятие «спор о деятельности в Районе». С юридической точки зрения это споры между государствами-участниками Конвенции относительно толкования или применения

---

<sup>201</sup> ЧастьюХІ, касающейся Международного района морского дна.

ч. XI и относящихся к ней приложений, упоминаемых в п. «а» ст. 187. Как отмечает АудеЕлферинк, в принципе в Районе может возникать множество споров, не касающихся статуса общего наследия человечества. Он пишет, что в Районе продолжают действовать свободы открытого моря, и к деятельности в Районе применимы и те положения Конвенции, которые регулируют свободу научных исследований, охрану окружающей среды и др.<sup>202</sup> Однако указание на ст. 187 как основание для компетенции Камеры не оставляет сомнений в том, что «спор о деятельности в Районе» – это спор, касающийся разведки и добычи природных ресурсов.

Хотя в ст. 187 специально упоминаются такие основания для возбуждения спора, как действия или упущения Органа, Конвенция содержит очень серьезное ограничение компетенции Камеры именно в отношении Органа. Ст.189 устанавливает, что Камера по спорам, касающимся морского дна, не обладает компетенцией в отношении осуществления Органом его дискреционных полномочий в соответствии с ч. XI; она ни в каких случаях не подменяет дискреционное полномочие Органа своим собственным дискреционным полномочием. Это значит, что Камера при осуществлении своей компетенции, согласно ст. 187, не высказывается по вопросу о том, соответствуют ли какие-либо нормы, правила и процедуры Органа положениям Конвенции, и не объявляет недействительными любые такие нормы, правила или процедуры.

Компетенция Камеры (ст. 189) ограничивается рассмотрением утверждений о том, что применение каких-либо норм, правил и процедур Органа в конкретных случаях противоречило бы контрактным обязательствам сторон в споре или их обязательствам в соответствии с Конвенцией; рассмотрением претензий,

---

<sup>202</sup> OudeElferink A.G. The Regime of the Area: Delineating the Scope of Application of the Common Heritage Principle and Freedom of the High Seas // The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 22, 2007. No 1. P. 144.

касающихся отсутствия компетенции или злоупотребления полномочиями, и претензий о возмещении ущерба или предоставлении другой компенсации соответствующей стороне за невыполнение другой стороной своих контрактных обязательств или своих обязательств по Конвенции.

Ст. 187 (с) содержит перечисление споров о контрактах: это споры между сторонами контракта, являющимися государствами-участниками, Органом или Предприятием, государственными предприятиями и физическими или юридическими лицами, но по определенным вопросам:

- касающиеся толкования или применения соответствующего контракта или плана работы;
- действий или упущений стороны контракта, касающихся деятельности в Районе и совершаемых в отношении другой стороны или непосредственно затрагивающих ее законные интересы.

Перечисленные выше споры передаются на разрешение коммерческого арбитража.

Нужно отметить, что и предконтрактные споры по ст. 187 (d) ограничены теми, которые касаются:

- отказа в заключении контракта;
- правовых вопросов, вытекающих из контрактных отношений. В литературе отмечалось, что эти две последние категории споров весьма похожи на те споры, которые нередко представляются в Центр по инвестиционным спорам (ICSID)<sup>203</sup>.

В свою очередь, споры по п. (е) ст. 187, которые касаются ответственности Органа, могут быть не затрагивающими деятельность в Районе, например, споры по ст. 185, касающиеся приостановления осуществления прав и привилегий

---

<sup>203</sup> Wolfrum R. Common Heritage of Mankind // On-line version of Max Planck Encyclopedia of International Law. [www.mpepil.org](http://www.mpepil.org).



членства государства-участника, грубо и систематически нарушающего положения ч. XI со стороны Ассамблеи по рекомендации Совета.

Во время Третьей конференции, когда в технических вопросах разработок морского дна еще было много неясного, просто невозможно было предвидеть исчерпывающий список потенциальных споров. Поэтому многие правовые вопросы встают в ходе обсуждения проектов документов в рамках Органа по морскому дну. В частности, когда обсуждался проект Правил разведки и разработки полиметаллических сульфидов, а также кобальтовых ферромарганцевых корок в Районе, в центре дискуссии стал вопрос о том, что заявки, подаваемые потенциальными контракторами, могут перекрываться и образовывать взаимное наложение. Это был новый вопрос, порожденный уже практическим подходом к разработкам дна, который не мог быть предвидим Конвенцией. Сначала был представлен проект правил, составленный на основе Резолюции II из Заключительного акта Третьей конференции ООН по морскому праву<sup>204</sup>, где предусмотрены некоторые положения относительно урегулирования пересекающихся претензий:

- если первоначальные вкладчики представляют заявки на разрешения на производство для начала промышленного производства в одни и те же сроки;
- если первоначальные вкладчики решают не распределять между собой имеющийся объем производства;
- если первоначальные вкладчики, напротив, решают распределить между собой имеющийся объем производства.

Если сторонам не удастся прийти к соглашению, они обращаются к специально предусмотренному для этого средству, описанному в п. 5 той

---

<sup>204</sup>Резолюция II, регулирующая предварительные капиталовложения в первоначальную деятельность, связанную с полиметаллическими конкрециями // Морское право. Конвенция ООН по морскому праву. Изд-во ООН, Нью-Йорк, 1984. С. 251–259.

же Резолюции, а именно – путем переговоров в разумные сроки, а после этого – путем обращения в международный коммерческий арбитраж. Приведены и критерии, которыми должен руководствоваться арбитраж<sup>205</sup>.

Первоначально в проект Правил разведки и разработки полиметаллических сульфидов, а также кобальтовых ферромарганцевых корок в Районе было заложено условие о том, что контракт будет заключаться уже после разрешения проблемы пересекающихся претензий, а урегулирование должно быть достигнуто в процессе переговоров и с помощью других двусторонних способов. Обращение к коммерческому арбитражу было предусмотрено как последнее средство; однако в ходе разбирательства в коммерческом арбитраже вопросы толкования или применения Конвенции не должны затрагиваться, они должны быть переданы Камере по дну<sup>206</sup>. В конце концов обращение к третьей стороне лишилось обязательного характера<sup>207</sup>. Таким образом, предоставление Камере преюдициальной компетенции не состоялось.

Одна очень важная функция Органа может породить множество споров, а именно, положение п. 2 ст. 140 о том, что Орган обеспечивает справедливое распределение финансовых и других экономических выгод, получаемых от деятельности в Районе, через любой соответствующий механизм на недискриминационной основе. Это один из краеугольных камней концепции общего наследия человечества: выгоду от эксплуатации ресурсов глубоководного дна должны получать все государства, независимо от географического положения, как прибрежных, так и не имеющих выхода к морю, и с особым учетом интересов и нужд развивающихся государств и народов, которые не достигли полной независимости (п. 1 ст. 140). Это значит, что технически развитые государства,

<sup>205</sup> ISBA/15/C/WP.2, Review of outstanding issues with respect to the draft regulations on prospecting and exploration for polymetallic sulphides in the Area (based on discussion concerning ISBA/15C/WP.1 of 2 September 2008).

<sup>206</sup> Informal paper on Discussions of the Informal Open-Ended Working Group Facilitated by New Zealand dated 1 June 2009.

<sup>207</sup> Proposed Compromise text based on Chinese amendments dated 4 June 2009.

занятые добычей ресурсов на дне, должны делать отчисления Органу от доходов, получаемых в результате добычи, а Орган будет их распределять.

Вопрос об отчислении доходов от эксплуатации минеральных ресурсов будет вставать также в связи с тем, что, если природные условия государства позволяют ему расширить свой континентальный шельф за пределы 200 морских миль, то такое государство производит отчисления или взносы натурой в связи с разработкой неживых ресурсов континентального шельфа за пределами 200 морских миль по истечении первых пяти лет добычи.

Ясности в полномочиях Органа в этом отношении нет, так как ст. 140 (п. 1) говорит о том, что «Орган обеспечивает» справедливое распределение, а ст. 82 (п. 5) устанавливает: «Отчисления или взносы делаются через Орган, который распределяет их...»

В свою очередь, согласно ст. 160 (2fi) важные функции отведены Ассамблее: она рассматривает и утверждает «нормы, правила и процедуры справедливого распределения финансовых и других экономических выгод, получаемых от деятельности в Районе, а также отчислений и взносов, осуществляемых согласно ст. 82». Однако полномочия Ассамблеи не автономны: она рассматривает эти нормы «по рекомендации Совета», и если Ассамблея не утверждает рекомендации Совета, то возвращает их Совету для повторного рассмотрения «в свете мнений, высказанных Ассамблеей».

В этой статье не делается различий между определением правил распределения доходов от деятельности в Районе и от деятельности на континентальном шельфе, что объясняется, очевидно, компромиссным характером ст. 82 и «расползанием» концепции общего наследия человечества<sup>208</sup>, однако с точки зрения полномочий

---

<sup>208</sup>Mingay G. Article 82 of the LOS Convention – Revenue Sharing – The Mining Industry's Perspective // The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 21. 2006. No 3.

Камеры по спорам, касающимся деятельности в Районе, как сказано в ст. 187, эти два вида отчислений и взносов не могут рассматриваться совместно: деятельность на континентальном шельфе не является «деятельностью в Районе», поскольку правовой статус континентального шельфа государства в пределах 200 морских миль не отличается от статуса шельфа за этими пределами – в Конвенции нет ни слова о каких-либо различиях подобного рода.

Значит, при решении вопроса о подсудности того или иного конкретного спора Камере необходимо будет установить, может ли предмет спора быть отнесен к перечисленным в ст. 187, т.е. касается ли он деятельности в Районе. И предмет спора может быть достаточно неожиданным, например, иск против Органа на основании несправедливого распределения. Кроме того, государство может утверждать, что были нарушены нормы, правила и процедуры, установленные в соответствии со ст. 160 (2fi) (то есть принятые Ассамблеей по рекомендации Совета), в ходе установления размеров дохода или взносов.

Может также возникнуть спор, в котором Орган обвиняется в превышении компетенции или злоупотреблении полномочиями по ст. 187 (bii). Такое превышение или злоупотребление может выражаться в применении норм, правил и процедур, упоминаемых в ст. 160(2fi). В таком споре Камера по дну, на основании ст. 189, не имеет компетенции, поскольку речь здесь идет о дискреционных полномочиях Органа; Камера не компетентна также решать вопрос о соответствии норм, правил и процедур Конвенции по морскому праву. Ее компетенция в этом отношении ограничивается рассмотрением утверждений о том, что применение каких-либо норм, правил и процедур Органа в конкретных случаях противоречило бы контрактным обязательствам сторон в споре и их обязательствам в соответствии с Конвенцией.

Ограничение компетенции Камеры по ст. 189 (относительно дискреционных

полномочий Органа) не касается, по мнению автора, консультативной компетенции Камеры, поскольку при запрете оценки в ст. 189 включена оговорка «без ущерба для ст. 191», а в ст. 191 Камере предоставлено право давать консультативные заключения «по правовым вопросам, возникающим в сфере деятельности» Ассамблеи или Совета. Значит, нормы, правила и процедуры, включая распределение доходов, предусмотренное в п. 2 ст. 140, могут быть предметом просьбы о консультативном заключении.

Таким образом, многие конкретные вопросы относительно компетенция Камеры по спорам, касающимся морского дна, остаются неясными. Очевидно, они будут решаться уже в процессе практической деятельности, когда деятельность по эксплуатации минеральных ресурсов глубоководного дна станет массовой. Пока что многие ученые высказывают скептические мнения об этой области человеческой деятельности. Например, Р. Вольфрум замечает, что «концепция общего наследия человечества вышла из моды»<sup>209</sup>, а некоторые авторы утверждают, что добыча минеральных ресурсов на дне оказалась не так выгодна, как это казалось полвека назад, а потому все проблемы начнут решаться после начала промышленной добычи<sup>210</sup>

### **§3. Консультативная компетенция Камеры**

Как уже отмечалось, Камера по спорам, касающимся морского дна, наделена компетенцией давать консультативные заключения по правовым вопросам в сфере деятельности Ассамблеи или Совета, по их запросу.

Первым случаем консультативного заключения Камеры стало дело № 17 в повестке дня Международного трибунала по морскому праву<sup>211</sup>. Начало этому

---

<sup>209</sup> Wolfrum R. Common Heritage of Mankind // On-line version of Max Planck Encyclopedia of International Law. www.mpepil.org.

<sup>210</sup> См., напр.: Mingay G. Op. cit. P. 236.

<sup>211</sup> Seabed Disputes Chamber of the International Tribunal for the Law of the Sea. Case No 17. Responsibilities and

событию было положено в 2008 г., когда в Орган по морскому дну обратились два небольших тихоокеанских государства – Тонга и Науру с заявкой на регистрацию планов разведки и эксплуатации полезных ископаемых<sup>212</sup>. Работы по разведке и добыче могут вестись как государствами, так и физическими и юридическими лицами, если за них поручилось государство – участник Конвенции. Такие государства и обращаются в Орган по морскому дну за одобрением намеченного ими плана работ.

Науру и Тонга, обращаясь в Орган, выступали в качестве государств, поручившихся за частные компании. Однако в Органе возникли сомнения относительно того, что эти небольшие и небогатые государства в случае необходимости смогут нести ответственность и производить необходимые работы для устранения потенциального ущерба природной среде морского дна, поскольку существуют данные о чрезвычайно вредном влиянии, которое может последовать для природы из-за добычи минералов<sup>213</sup>. Дело в том, что участником Конвенции, то есть субъектом ответственности за нарушение ее положений, является государство, но без частного капитала такие небогатые государства, как Науру или Тувалу, не смогут ни вести разработки, ни нести ответственность.

Поэтому Науру обратилась к Органу с просьбой запросить консультативное заключение по нескольким вопросам, проясняющим проблему ответственности поручившегося государства. Науру заявила, что она, подобно многим развивающимся государствам, не обладает пока техническими и финансовыми возможностями, позволяющими самостоятельно вести глубоководное бурение. Для эффективного участия в деятельности в Международном районе морского дна,

---

obligations of States sponsoring persons and entities with respect to activities in the Area (*Request for Advisory Opinion submitted to the Seabed Disputes Chamber*).

<sup>212</sup> Такая «параллельная система» разработок создается положениями Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. и Соглашением об имплементации ч. XI Конвенции ООН по морскому праву, принятым в 1994 г.

<sup>213</sup> См.: Anton D.K. The Principle of Residual Liability in the Seabed Disputes Chamber of the International Tribunal for the Law of the Sea: The Advisory Opinion on Responsibility and Liability for International Seabed Mining // McGill International Journal of Sustainable Development Law and Policy. V. 7. 2011–2012. P. 242

таким государствам необходимо прибегать к содействию международных транснациональных корпораций. Кроме того, – заявила Науру, – многие развивающиеся страны не только не располагают достаточными финансовыми возможностями для ведения добычи минералов, но и не могут подвергать себя риску ответственности, потенциально связанному с такими проектами. Признавая это, Науру изначально презюмировала, что ее положение поручившегося государства за компанию *NauruOceanResources Inc* выразится в смягчении возможного бремени гражданской ответственности, вытекающей из этого положения, поскольку размеры такой ответственности могут быть так велики, что превзойдут финансовые возможности Науру<sup>214</sup>.

Совет Органа, осуществляя свое право запроса консультативного заключения Камеры, обратился к Камере, но несколько изменил содержание запроса. Были поставлены следующие вопросы:

1. Каковы политическая и гражданская ответственность государств-участников Конвенции как поручившихся государств в отношении деятельности в Районе в соответствии с Конвенцией и, в частности, ч. XI, а также Соглашением 1994 г. об имплементации ч. XI Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 г.?

2. Каковы пределы ответственности государства-участника за нарушение положений Конвенции и, в частности, ч. XI, а также Соглашения 1994 г., субъектом, за которого оно поручилось в соответствии с п. 2 (b) ст. 153 Конвенции?

3. Какие необходимые и уместные меры должно предпринять поручившееся государство для выполнения своей ответственности по Конвенции и, в частности, ст. 139, Приложению III и Соглашению 1994 г.?<sup>215</sup>

---

<sup>214</sup>ISBA Doc ISBA/16/C/6 (5 March 2010). Paras 1, 5 online:

<<http://www.isa.org.jm/files/documents/EN/16Sess/Council/ISBA-16C-6.pdf>>.

<sup>215</sup>ISBA, Decision of the Council of the International Seabed Authority to Request an Advisory Opinion Pursuant to Article

Камере были поданы письменные представления от 12 государств-участников, от ряда неправительственных международных организаций, ею были также заслушаны устные доклады государств и ряда организаций<sup>216</sup>.

В ходе работы над консультативным заключением Камера, как и многие международные суды в таких случаях, сначала решила вопрос о наличии у нее компетенции в данном деле. Для установления наличия компетенции судьи считали необходимым определить три пункта: должен быть запрос со стороны Органа, запрос должен касаться юридических вопросов; эти вопросы должны вытекать из деятельности Органа. Камера постановила, что обладает компетенцией на вынесение консультативного заключения по следующим основаниям:

– решение Органа о запросе было произведено в соответствии с его внутренними правилами процедуры;

– вопрос, поставленный перед Камерой, касается толкования положений Конвенции по морскому праву и поднимает проблемы общего международного права, а следовательно, имеет юридический характер;

-вопросы относятся к осуществлению Органом его полномочий и функций, включая определение конкретной политики Органа (ст.162 (1) Конвенции); контроль и координацию выполнения положений ч. XI (ст. 162 (2) а) Конвенции); одобрение планов работы (ст. 6 Приложения III, Соглашение 1994 г. ст. 1 (6)–(11), 3 (11) а); осуществление контроля за деятельностью в Районе в соответствии со ст. 153.

Далее Камера поставила вопрос о приемлемости запроса. Некоторую дискуссию вызвала формулировка ст. 191 где говорится, что Камера «дает заключение» (в английском варианте «shall be given»), в то время как в ст. 65 (1)

---

191 of the United Nations Convention on the Law of the Sea (ISBA/16/C/ 13) (6 May 2010) <<http://www.w.isa.org.jm/>>

<sup>216</sup>ITLOS, Case No 17: Oral Proceeding <<http://www.itlos.org/index.php?id=109&L=O#c585>>.



Статута Международного суда сказано «может давать» (в английском варианте «may give»). Некоторые судьи утверждали, что если Камера признала себя обладающей компетенцией, она не может отвергнуть запрос, в отличие от дискреционного полномочия Международного суда. Однако Камера не стала заострять внимание на этих оттенках и нашла уместным вынести консультативное заключение.

Следующим процессуальным вопросом было применимое право. Камера указала, что для толкования договора важно использовать и другие документы, например, принятый Органом Кодекс разведки и разработки, часть которого составляют Правила разведки и разработки<sup>217</sup>, – важный вспомогательный документ для толкования ч. XI Конвенции и Соглашения 1994 г.

Теперь перейдем к ответам, которые Камера дала на сформулированные Советом Органа вопросы.

Вопрос 1: ответственность государств – участников Конвенции как поручившихся государств.

Сначала Камера остановилась на понятии «деятельность в Районе» и отметила, что данное широкое понятие, определенное в ст. 1 Конвенции как «все виды деятельности по разведке и разработке ресурсов Района» не охватывает все виды деятельности, связанной с разведкой и эксплуатацией морского дна. Такой вывод сделан ею, в частности, из анализа ст. 145, где говорится о бурении, драгировании, выемке грунта, удалении отходов, строительстве и эксплуатации или техническом обслуживании установок, трубопроводов и других устройств. На этом основании Камера заключила, что переработка минералов на суше и их транспортировка на сушу таким образом, что это не связано напрямую с извлечением минералов из почвы и их подъемом на поверхность, могут быть

---

<sup>217</sup> ISBA, Regulations on Prospecting and Exploration for Polymetallic Nodules in the Area (adopted 13 July 2000); ISBA, Regulations on Prospecting and Exploration for Polymetallic Sulphides in the Area (adopted 7 May 2010) <<http://www.isa.org.jm/files/documents/EN/Rcgs/PolymetallicSulphides.pdf>>.

исключены из «деятельности в Районе». Поскольку в Правилах, принятых Органом, определение несколько другое, Камера ограничила понятие «деятельность в Районе» теми видами, которые непосредственно связаны с извлечением и подъемом минералов. Очевидно, что документы, принятые Органом, должны были быть изменены.

Применительно к такому определению деятельности в Районе Камера установила, что первостепенные обязанности поручившегося государства следующие:

- 1) обеспечивать, чтобы деятельность, осуществляемая его физическими или юридическими лицами, соответствовала ч. XI Конвенции ООН по морскому праву;
- 2) содействовать Органу, принимая все необходимые меры для обеспечения исполнения ст. 139;
- 3) обеспечивать мерами, предусмотренными его внутренним законодательством, чтобы организация, за которую оно поручилось, вела свою деятельность в соответствии с контрактом, заключенным с Органом, и его обязательствами по Конвенции.

В связи с необходимостью толковать понятие «надлежащая добросовестность» («*due diligence*») Камера обратилась к трудам Международного суда, сослалась на толкование в деле *Pulp Mills*<sup>218</sup> и решила, что данное понятие налагает на поручившееся государство обязанность принимать административные и иные меры регулирования с целью предотвратить, насколько это возможно, ущерб от деятельности подрядчика. В решении Камеры отмечено, что точный смысл и объем понятия «надлежащая добросовестность» трудно определимы, поскольку зависят от конкретного вида деятельности или уровня технологии в этой деятельности. Камера лишь отметила, что стандарты «надлежащей

---

<sup>218</sup>The Case of *Pulp Mills* (Argentina v Uruguay), ICJ Reports, 2010. P. 14.

добросовестности» строже там, где есть опасность нанесения серьезного ущерба морской среде.

Кроме перечисленных выше «первостепенных обязательств» («Primary Obligations») поручившегося государства, Камера отметила также наличие у него «прямых обязательств» («Direct Obligations»), включающие:

- 1) содействие Органу в осуществлении контроля за деятельностью в Районе<sup>219</sup>; в этом обязательстве воплощается «надлежащая добросовестность»;
- 2) применение принципа предосторожности в соответствии с возможностями, которыми располагает поручившееся государство, для обеспечения эффективной защиты морской среды; данное обязательство действует там, где имеются достаточные научные данные, показывающие непосредственную опасность риска; если поручившееся государство не принимает во внимание наличие такого риска, это означает неисполнение им обязательства «надлежащая добросовестность». Важно то, что Камера заявила, что такой подход все больше приобретает характер обычно-правовой нормы;
- 3) применение наиболее эффективных методов защиты природной среды<sup>220</sup>;
- 4) принятие мер для обеспечения доступности гарантий в случае чрезвычайной ситуации в соответствии с постановлением Органа для защиты морской среды<sup>221</sup>; данное обязательство возникает только в том случае, если организация, за которую поручились, не предоставила Органу гарантий относительно своих финансовых и технических возможностей исполнять постановление Органа;
- 5) принятие законов и постановлений, обеспечивающих доступ в рамках правовой системы поручившегося государства к получению незамедлительного и адекватного возмещения за ущерб, нанесенный морской среде<sup>222</sup>;

---

<sup>219</sup>Nodules Regulation, reg. 31 (2); Sulphides Regulation, reg. 33 (2).

<sup>220</sup>Sulphides Regulation, reg 33 (2). Положения о наиболее эффективных методах защиты природной среды нет в Nodules Regulation, Камера считала, что его наличие презюмируется.

<sup>221</sup>Nodules Regulation, reg 32(7); Sulphides Regulation, reg 35 (8).

<sup>222</sup> Ст. 235 (2) Конвенции.

б) ведение оценки рисков для природной среды от действий, предусмотренных планом работ<sup>223</sup>; Камера отметила, сославшись на решение Международного суда в деле *Pulp Mills*<sup>224</sup>, что обязательство такой оценки вытекает из обычного международного права.

Важным шагом Камеры было заявление о равенстве всех государств: все государства, как развитые, так и развивающиеся, несут одни и те же «первостепенные обязательства» и «прямые обязательства» и не поддержала идею о том, что развивающиеся поручившиеся государства заслуживают особого отношения. Камера признала, что коммерческие организации, домицилированные в развитых государствах, имеют возможность учреждать компании в развивающихся государствах на менее затратной основе и при меньшей степени контроля (такое явление получило название «удобное поручившееся государство» по аналогии с «удобным государством флага»), и такая практика создает угрозы морской среде и безопасному ведению деятельности в Районе.

Вопрос 2: Объем гражданской ответственности (liability) поручившегося государства.

По ст. 139 (2) государство-участник несет гражданскую ответственность за ущерб, причиненный его неисполнением обязательств в отношении общей ответственности по ч. XI. Однако, если этот ущерб причинен неисполнением положений ч. XI организацией, за которую поручилось государство, это государство может избежать гражданской ответственности, если может доказать, что им были приняты все необходимые и надлежащие меры для обеспечения исполнения этой организацией ее обязательств. Это ограничение ответственности презюмирует, что поручившимся государством приняты нормативные акты, а также административные меры для обеспечения исполнения<sup>225</sup>.

---

<sup>223</sup>Соглашение 1994 г., приложение 1 (7); Nodules Regulation, reg 31 (6); Sulphide Regulation, reg 33 (6).

<sup>224</sup>The Case of Pulp Mills (Argentina v Uruguay), ICJ Reports, 2010. P. 204.

<sup>225</sup>Конвенция. Приложение III. Ст. 4 (4).

Камера прежде всего изложила свое толкование термина «ответственности» по ст. 139 (2) как последствия неисполнения поручившимся государством его собственных обязательств. Поэтому, если установлено исполнение этим поручившимся государством его «первостепенных обязательств» и «прямых обязательств», то оно не будет нести ответственности за неисполнение обязательств той организацией, за которую оно поручилось. Камера сделала вывод о том, что стандарты ответственности (liability) поручившегося государства не могут быть объективными, то есть не зависят от уровня вины. Напротив, ответственность поручившегося государства наступает только тогда, когда ущерб причинен деятельностью в Районе, а поручившееся государство не исполнило своих «первостепенных обязательств» и «прямых обязательств», то есть устанавливается причинно-следственная связь.

Далее. В отношении ущерба Камера отметила, что ни Конвенция, ни Правила<sup>226</sup> не устанавливают, за какой именно ущерб возможна компенсация. Однако Камера отметила, что имеется в виду ущерб Району и его ресурсам, которые составляют общее наследие человечества, а также ущерб морской среде. Сославшись на Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния<sup>227</sup>, Камера заявила, что каждое государство-участник также может иметь право на предъявление требования о компенсации в свете обязательств *erga omnes*, относящихся к защите и сохранению морской природной среды открытого моря и Района.

Кроме того, в отношении размера и форм компенсации, Орган и организации, за которые поручились государства, несут ответственность «в каждом случае исходя из фактического размера ущерба».

---

<sup>226</sup>Nodules Regulation, reg 30; Sulphides Regulation, reg 32.

<sup>227</sup>Доклад Комиссии международного права о работе ее 53-й сессии. UN Doc A/56/10 (2001) (проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния).

В соответствии с обычным международным правом, существует обязательство государств обеспечить полную компенсацию или реституцию. Камера отметила, что форма возмещения зависит и от фактического ущерба, и от технической возможности возвращения сторон в первоначальное состояние.

Наконец, Камера установила, что возможны две потенциальные ситуации, которые могут повести к ненадлежащему возмещению ущерба, если:

- поручившееся государство пренебрегает своими «первостепенными» и «прямыми» обязательствами, так что организация не может нести полную ответственность;
- поручившееся государство не исполнило свои «первостепенные» и «прямые» обязательства, но ущерб не может быть прямо связан с этим.

В таких случаях, видимо, необходимо будет создавать фонды.

Вопрос 3: Необходимые и надлежащие меры поручившегося государства.

Камера отметила, что формулировка «необходимые и надлежащие меры» требует от поручившегося государства принятия нормативных актов и административных мер для обеспечения выполнения организацией ее обязательств. Сюда может быть включена организация механизмов мониторинга для активного контроля за организацией. Создание таких механизмов — необходимая предпосылка для неприменения положений об ответственности. Важно, что контрактные обязательства между поручившимся государством и организацией не рассматриваются как эффективная замена принятию нормативных актов и административных мер.

При этом государство не полностью свободно в принятии тех или иных мер. Камера сформулировала некоторые основные факторы, которые государство может принимать во внимание:

- действовать добросовестно, разумно и не произвольно;
- обеспечивать, что обязательства организации были исполнимыми;

iii) что касается национальной правовой системы, следует учитывать:

– устанавливать более жесткие природоохранные нормы, чем вводимые правилами Органа;

-включать в них положения, касающиеся финансовых и технических возможностей поддерживаемой организации, условия для выдачи сертификата о поддержке, а также меры наказания за неисполнение;

– обеспечивать, чтобы решения Международного трибунала по морскому праву, касающиеся прав и обязанностей Органа и поддерживаемой организации были исполнимы в поручившемся государстве;

– создавать механизмы исполнения «прямых обязательств».

### Заключение к Главе III

Оценки, даваемые первому консультативному заключению Камеры в литературе, разнообразны.

Те, кто занимается вопросами охраны окружающей среды, считают его историческим документом. Например, Т. Пуасель пишет: «Это знаковое решение, поскольку Камера единогласно подчеркнула обязательство, лежащее на поручившемся государстве, применять принцип предосторожности и лучшие практики защиты окружающей природной среды. Это очень благоприятное развитие международного права в области охраны моря и подходов к разведке и разработке минеральных ресурсов морского дна»<sup>228</sup>.

Так же благоприятно высказываются Т. Стивенс и Дж. Хаттон: «Особенно значительно это заключение Камеры, потому что в нем признано, что принцип предосторожности – это тенденция развития обычного международного права. Однако, если государства не будут вводить в свое законодательство необходимые и надлежащие меры, они вступят в противоречие с развивающимся международным

---

<sup>228</sup> Poisel T. Deep Seabed Mining: Implications of Seabed Disputes Chamber's Advisory Opinion // Australian International Law Journal. V. 12. 2011.

правом». Они также отмечают, что Камера не закрыла окончательно вопрос о разных стандартах для развитых и развивающихся стран<sup>229</sup>.

В то же время Д. Фристоун выражает разочарование тем, что Камера не заявила о непосредственной ответственности поручившегося государства за действия поддерживаемой организации, и оставила пробелы в положениях об ответственности<sup>230</sup>.

Д. Френч подчеркивает, что Камера применила принцип равенства к обязательствам государств, независимо от их финансового положения, следовать самым высоким стандартам добросовестности, а в случае неисполнения их «первостепенных и прямых» обязательств нести одинаковую ответственность<sup>231</sup>.

За время, прошедшее после принятия Камерой ее первого консультативного заключения, Орган произвел рассмотрение и одобрил четыре заявки на эксплуатационные контракты, что может в общем означать принятие государствами, в том числе развивающимися, позиций, занятых Камерой.

---

<sup>229</sup>Stephens T., Hutton G. What Future for Deep Seabed Mining in the Pacific? // *Asia Pacific Journal of Environmental Law*. V. 13. 2011. P. 151–158.

<sup>230</sup>Freestone D. Responsibilities and Obligations of States Sponsoring Persons and Entities with Respect to Activities in the Area // *American Journal of International Law*. M. 105. 2011. P. 755;

<sup>231</sup>French D. From the Depth: Rich Pickings of Principles of Sustainable Development and General International Law on the Ocean Floor – the Seabed Disputes Chamber's 2011 Advisory Opinion // *International Journal of Marine and Coastal Law*. V. 26. 2011. P. 525.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Международный трибунал по морскому праву – один из многих международных органов, сформированных международным сообществом специально для улаживания разногласий, которые могут возникнуть между государствами по поводу толкования и применения Конвенции ООН по морскому праву 1982г. Вообще создание нескольких десятков международных судов и арбитражей в разных областях международного общения – это характерная черта конца XX в. Формальная обязанность сотрудничества между ними отсутствует, однако практика показывает, что, обнаружив пробел в правилах своей процедуры или учредительных документах, суды нередко обращаются к поиску методов заполнения пробелов, практикуемых другими судами; создается своеобразный процесс взаимного обогащения. Международный судебный процесс унифицируется. При этом во всех сферах деятельности международных судов действует и широко применяется общее международное право, основанное на общепризнанных принципах: в определении процесса; в установлении порядка отношений судов с государствами-сторонами спора; в отборе применимого права. Судебные средства разрешения международных споров, предусмотренные в Конвенции ООН по морскому праву, составляют часть глобальной системы судебных и арбитражных органов.

Международный трибунал по морскому праву наделен широкой компетенцией в области разрешения международных споров. Тем не менее эта компетенция подчиняется тем же ограничениям и исключениям, которые распространяются на другие суды и арбитражи, предусмотренные в Конвенции. Положения, регулирующие вопросы создания и деятельности Трибунала, сформулированы с учетом опыта целой сети существующих ныне международных судов и арбитражей, особенно Международного суда, однако в силу своей специализации Трибунал обладает целым рядом особенностей. Так, Трибуналу

даны довольно широкие полномочия для привлечения технических экспертов и других специалистов для сбора сведений и выяснения специальных вопросов; тем самым расширяются и его возможности в сфере информации и доказательств. Хотя применимое в процессе разбирательства право определяется конкретно самим Трибуналом, приоритетным для него является Конвенция ООН по морскому праву.

Вопрос об участии Международного трибунала по морскому праву в развитии международного морского права представляет особый интерес потому, что, с одной стороны, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. была фактически не законченным документом, полным компромиссных положений, с другой стороны, в западной литературе было довольно много утверждений о том, что международные суды фактически развивают право, и даже многие ученые возражали против создания Международного трибунала по морскому праву на том основании, что его правотворчество приведет к фрагментации международного права.

В настоящее время не оспаривается тот факт, что международные судебные учреждения не обладают правотворческими функциями. Однако они играют определенную роль, и довольно значительную, в процессе формирования норм международного права. Их роль в этом процессе зависит от самой сути деятельности по разрешению международных споров. Необходимо подчеркнуть, что наиболее действенным инструментом являются решения международных судебных учреждений, которые, как правило, содержат очень основательную аргументацию. В международном судебном разбирательстве зачастую нет уверенности в том, что вынесенное решение будет иметь под собой надежную правовую основу. Некоторые решения, даже вынесенные самым авторитетным судом, не оказывают никакого влияния на позиции сторон в споре, не говоря уже о международном праве. Кроме того, после вынесения судебного решения иногда

возникает множество трудных проблем относительно исполнения этого решения, а именно исполнение и может быть выражением влияния судебного решения на международное право и на право сторон в споре. Влияние судебного решения на позиции спорящих сторон и на международное сообщество может оставаться не очень заметным в течение длительного времени, возможно, потому, что невозможно найти на него прямые ссылки или прямое заявление о его признании самими сторонами.

Непосредственная практическая деятельность Трибунала довольно однообразна: большинство представленных ему споров – это дела о незамедлительном освобождении судов; вторая по численности категория споров — просьбы о введении временных мер правовой защиты. Лишь незначительную часть составляют дела, в которых ставятся другие вопросы. Однако из-за компромиссности многих положений Конвенции в любом разбирательстве часто затрагиваются расхождения сторон в толковании тех или иных положений Конвенции ООН по морскому праву, так что Трибуналу нередко приходится прибегать к их толкованию, и его судебная функция не ограничивается механическим приложением измерителя к имеющимся фактам. Трибунал рассматривал такие вопросы, как необходимость исчерпания местных средств правовой защиты, наличие реальной связи между судном и защищающим государством, основания для задержания иностранных судов в исключительной экономической зоне, залог и прочее материальное обеспечение, вопросы конфискации, незамедлительное освобождение как временная охранительная мера.

В делах о предписании временных мер правовой защиты довольно большое место заняли вопросы охраны природной среды. Так, в деле о проливе Джохор назначение временных охранительных мер может быть полезным способом решения проблемы отсутствия оценки экологических последствий; в деле о голубом тунце Трибунал подчеркнул необходимость принятия таких чисто

международно-правовых мер, как постоянный контакт между сторонами для дальнейшего исследования текущего состояния запасов рыбы.

Рассматривая единственное переданное Трибуналу дело о делимитации, Трибунал в целом опирался на опыт Международного суда, однако в его решении есть много новаций. Так, он уделил особое внимание признанию того или иного участка границы и историческое отсутствие протестов каждой стороны против деятельности населения в том или ином районе залива.

Важным моментом, на взгляд автора, в данном деле является оценка протоколов переговоров, проведенных сторонами в 1974 г. Трибунал постановил, что «согласованный протокол»— это всего лишь изложение некоторых точек взаимопонимания сторон, не создающее правовых обязательств.

В практике Трибунала есть первое в истории решение судебного органа о делимитации континентального шельфа за пределами 200 морских миль, то есть того района морского дна, в отношении которого еще много неясного. Самым важным, на взгляд автора, является заключение Трибунала о том, что любая делимитация должна осуществляться в соответствии с общим международным правом.

Камера по спорам, касающимся морского дна, являясь, в сущности, особым судебным учреждением, пока приняла только одно решение — консультативное заключение об объеме ответственности государства, которое поручается за деятельность физического или юридического лица, ведущего деятельность на морском дне от его имени. В этом заключении изложены правовые позиции, которые будут определять основные параметры работы судебных учреждений, а также деятельности государств.

## Список использованных материалов

*Международные договоры*

Вашингтонская конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами других государств.—Вашингтон. 18 марта 1965 г.

Венская конвенция о праве международных договоров. Принята 23 мая 1969 г. 1155 UNTS 311.

Конвенция ООН по морскому праву (10 December 1982) // 1833 UNTS 3. Вступила в силу 16 ноября 1994 г.

Конвенция ООН об условиях регистрации морских судов 1986 г.  
Международная конвенция об аресте судов. – Женева. 12 марта 1999 г.

Устав Организации Объединенных Наций.

Agreement on the Privileges and Immunities of the International Tribunal for the Law of the Sea (adopted 23 May 1997) //International Tribunal for the Law of the Sea (ed) Basic Texts (MartinusNijhoff Leiden 2005).

Convention for the Conservation of Southern Bluefin Tuna of 1993//www.ccsbt.org.

*Третья конференция ООН по морскому праву*

Резолюция II, регулирующая предварительные капиталовложения в первоначальную деятельность, связанную с полиметаллическими конкрециями//Морское право. Конвенция ООН по морскому праву. – Изд-во ООН. – Нью-Йорк, 1984.

Informal paper on Discussions of the Informal Open-Ended Working Group Facilitated by New Zealand dated 1 June 2009.

Proposed Compromise text based on Chinese amendments dated 4 June 2009.

Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Official Records. Предложение Перу о создании постоянной комиссии по морскому праву. UN Doc.A/Conf.62/L.22. Vol. 9.

Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Official Records. Statement by the UN Secretary-General, 14th meeting, 20 June 1974. Vol. 1. P.38. Para.42.

Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Official Records. Statement of Cameroon. 186th meeting. P.16. Para.84.

Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Official Records. Statement of the Republic of Indonesia. 186th meeting. P.25. Para.23–25.

Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Official Records. 187th meeting. Statement of Sri Lanka. Vol. 17. P. 48. Para. 161.

Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Official Records. Statement of the United Kingdom, 189th meeting. Vol. 17. P. 79. Para. 200

Third United Nations Conference on the Law of the Sea. Official Records.  
Предложение Португалии относительно учреждения периодической конференции по морским делам. Doc. A/Conf.62/L.23. Vol. 9. P.181.

*Решения Постоянной палаты международного правосудия и  
Международного суда*

Регламент Международного суда <<http://www.icj-cij.org>>

The Case of Pulp Mills (Argentina v Uruguay), ICJ Reports, 2010.

Treaty of Neuilly. Art. 179. Annex.Par.4//P.C.I.J. Series A. No 3 and Interpretation of Judgment No 3.P.C.I.J. Series A. N 4.

Electricity Company of Sofia and Bulgaria (Interim Measures) case//P.C. IJ. Ser. A/B, 79 (1939). P. 199.

Reparation for Injuries Suffered in the Service of the United Nations (Advisory Opinion) [1949] ICJ Rep 174.

LaGrand Case. (Germany v United States of America) (Provisional Measures) [1999] ICJ Rep. P. 9.

Certain Expenses of the United Nations (Article 17, Paragraph 2, of the Charter) (Advisory Opinion) ICJ Reports, 1962. P. 151.

South West Africa Cases (Ethiopia v South Africa; Liberia v South Africa) (Second Phase) [1966] ICJ Reports. P. 6.

Case concerning Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua ([Nicaragua v United States](#)) (Order) [1987] ICJ Reports, P. 188.

Case concerning United States Diplomatic and Consular Staff in Tehran (United States of America v Iran) [1980] ICJ Reports, P. 3.

Legality of the Use by a State of Nuclear Weapons in Armed Conflict, Advisory Opinion, 1996 ICJ. Rep. P. 105.

*Решения Международного трибунала по морскому праву*

ITLOS. The «SAIGA» Case (Saint Vincent and the Grenadines v Guinea) (Prompt Release). Case No 1 (4 December 1997).

ITLOS. The «Saiga» (No 2) Case (St. Vincent v. Guinea), Order on Provisional Measures (11 March, 1998).

ITLOS. The «M/V SAIGA» (No 2) Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea). Judgment of 1 July 1999.

ITLOS. The «Camouco» Case (Panama v France) (Prompt Release) (Judgment) ITLOS Case No 5 (7 February 2000).

ITLOS. The «Chaisiri Reefer 2» Case (Panama v. Yemen) (Prompt Release), Order of July 13, 2001.

ITLOS. Southern Bluefin Tuna Cases (New Zealand v. Japan; Australia v. Japan). Request for Provisional Measures. 27 August 1999.

ITLOS. The m/v «Saiga» (No 2) Case (Saint Vincent and Grenadines v. Guinea). Request for Provisional Measures. 11 March 1998.

ITLOS. Case Concerning Land Reclamation by Singapore in and around the Straits of Johor (Malaysia v. Singapore). Provisional Measures. Order of 8 October 2003.

ITLOS. Case concerning the Land and Maritime Boundary between Cameroon and Nigeria (Cameroon v. Nigeria). Preliminary Objection. Judgment. ICJ Reports 1998. P. 303.

ITLOS. The MOX Plant Case (Ireland v. United Kingdom). Request for Provisional Measures. 3 December 2001.

ITLOS. The «Arctic Sunrise» Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation)

ITLOS. Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh v. Myanmar). Judgment of 14 March 2012.

ITLOS. Case concerning the Conservation and Sustainable Exploitation of Swordfish Stocks in the South-Eastern Pacific Ocean (Chile v. European Community). (Order of 20 December 2000).

ITLOS. Case concerning the Conservation and Sustainable Exploitation of Swordfish Stocks in the South-Eastern Pacific Ocean (Chile v. European Community).

ITLOS. The «Monte Confurco» Case (Seychelles v. France) (Prompt Release), Judgment of December 18, 2000, 4 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders, 86–117 (2000), available at [http://www.itlos.org/start2\\_en.html](http://www.itlos.org/start2_en.html).

ITLOS. The «Volga» Case (Russia v. Australia) (Prompt Release), Judgment of December 23, 2002, 6 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. of Judgments Advisory Opinions and Orders 10–41 (2002), available at [http://www.itlos.org/start2\\_en.html](http://www.itlos.org/start2_en.html).

ITLOS. The «Juno Trader» Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea-Bissau) (Prompt Release), Judgment of December 18, 2004.

ITLOS. «ARA Libertad» Case. Request to prescribe provisional measures. Order. 15 December 2012.

ITLOS. Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh v. Myanmar). Judgment of 14 March 2012.

ITLOS. The M/V «Louisa» Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Kingdom of Spain). Judgment, 28 May 2013.

ITLOS. The "Juno Trader" Case (Saint Vincent and the Grenadines v. Guinea-Bissau) (Prompt Release), Judgment of December 18, 2004, 8 Int'l Trib. L. of the Sea Rep. Of Judgments Advisory Opinions and Orders 17–92 (2004), available at [http://www.itIos.org/start2\\_-en.html](http://www.itIos.org/start2_-en.html).

ITLOS. The «Tomimaru» Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release, Judgment of 6 August 2007, ITLOS Reports, 2005–2007. P. 74.



ITLOS. The «Hoshinmaru» Case (Japan v. Russian Federation), Prompt Release, Judgment of 6 August 2007. ITLOS Reports, 2005–2007. P.18.

ITLOS. The «Arctic Sunrise» Case (Kingdom of the Netherlands v. Russian Federation).

ITLOS, Case No 17: Oral Proceeding <<http://www.itlos.org/index.php?id=109&L=O#c585>>

ITLOS. Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal. Declaration by Judge T. Treves.

Resolution on the Chamber for marine environment disputes. Adopted on 7 October 2002.

Resolution on the Chamber for fisheries disputes. Adopted on 7 October 2002.

Resolution on the Internal Judicial Practice of the Tribunal (adopted 27 April 2005)// International Tribunal for the Law of the Sea. Basic Texts (Martinus Nijhoff Leiden 2005).

Resolution on the Seabed disputes Chamber. Adopted on 8 October 2002.

Rules of the Tribunal (adopted 27 April 2005)// International Tribunal for the Law of the Sea. Basic Texts (Martinus Nijhoff Leiden 2005).

Seabed Disputes Chamber of the International Tribunal for the Law of the Sea, Case No 17, Responsibilities and obligations of States sponsoring persons and entities with respect to activities in the Area (Request for Advisory Opinion submitted to the Seabed Disputes Chamber).

### *Решения Органа по морскому дну*

ISBA/15/C/WP.2, Review of outstanding issues with respect to the draft regulations on prospecting and exploration for Polymetallic Sulphides in the Area (based on discussion concerning ISBA/15C/WP.1 of 2 September 2008).

ISBA Doc ISBA/16/C/6 (5 March 2010). Paras 1, 5 online:

<<http://www.isa.org.jm/files/documents/EN/16Sess/Council/ISBA-16C-6.pdf>>

ISBA, Decision of the Council of the International Seabed Authority to Request an Advisory Opinion Pursuant to Article 191 of the United Nations Convention on the Law of the Sea (ISBA/16/C/13) (6 May 2010) <<http://www.isa.org.jm/>>

ISBA, Regulations on Prospecting and Exploration for Polymetallic Nodules in the Area (adopted 13 July 2000).

ISBA, Regulations on Prospecting and Exploration for Polymetallic Sulphides in the Area (adopted 7 May 2010) <<http://www.isa.org.jm/files/documents/EN/Rcgs/PolymetallicSulphides.pdf>>

### *Документы Всемирной торговой организации*

WTO EEC – Import Regime for Bananas (11 February 1994) WT/DS38/R.

WTO Appellate Body. Report for Brazil-Measures Affecting Desiccated Coconut of February 21, 1999.

### *Документы Совета Европы*

IACHR. The Right to Information on Consular Assistance in the Framework of the Guarantees of the Due Process of Law, Ser A. No 16. Para 58 (1999).

EctHR. Mamatkulov and Abdurasulovic v Turkey (2003).

European Court of Human Rights, Rules of Court, available at <<http://www.echr.coe.int>>

### *Другие документы*

Материалы Конференции Всемирной ассоциации международного права: ILA, Rio de Janeiro Conference, Outer Continental Shelf, Report on article 82 of the 1982 Convention on the Law of the Sea (UNCLOS), para.4, conclusion Nr.12 (2008).

Доклад Комиссии международного права о работе ее 53-й сессии. UN Doc A/56/10 (2001) (Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния).

Комиссия международного права. Проект статей о дипломатической защите. // Ежегодник Комиссии международного права. 2006.

Consolidated Version of the Treaty establishing the European Economic Community, OJ C 325/33, 167 (24 December 2002).

Division for Ocean Affairs and the Law of the Sea, U.N. Office of Legal Affairs, Settlement of Disputes Mechanism: Choice of Procedure by States Parties Under Article 287 of the Convention. <[http://www.un.org/Depts/los/los\\_sdm1.htm](http://www.un.org/Depts/los/los_sdm1.htm)>

Report of the Study Group of the International Law Commission “Fragmentation of International Law: Difficulties Arising from the Diversification and Expansion of International Law” (Analytical Study) (2006) UN Doc A/CN.4/L.682.

Note verbale from the Embassy of the Russian Federation in the Federal Republic of Germany to the International Tribunal for the Law of the Sea, dated 22 October 2013. См. сайт Трибунала: [http://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case\\_no.22/Order/C22\\_Ord\\_22.11.2013](http://www.itlos.org/fileadmin/itlos/documents/cases/case_no.22/Order/C22_Ord_22.11.2013).

*Книги и статьи на русском языке*

Вылегжанин А.Н. Границы континентального шельфа в Арктике: сопоставление Конвенции по морскому праву 1982 г. с обычными нормами международного права // Международное право и национальные интересы Российской Федерации. *Liber amicorum* в честь чрезвычайного и полномочного посла, профессора О.Н. Хлестова. – М., 2008.

Вылегжанин А.Н. Решения Международного суда ООН по спорам о разграничении морских пространств. – М., 2004.

Голицын В.В. Применение процедуры незамедлительного освобождения судна и экипажа в случаях загрязнения морской среды // Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина. – М., 2013.

Гуцуляк В.Н. Международное морское право (публичное и частное). – М., 2006.

Коваленко С.Г. Компетенция Международного Трибунала по морскому праву на предписание временных охранительных мер / Ежегодник морского права. 2006 // Отв. ред. А.Л. Колодкин. – М., 2006.

Колодкин А.Л., Гуцуляк В.Н. Незамедлительное освобождение судов и экипажей в практике Международного трибунала по морскому праву // Международное право и национальные интересы Российской Федерации. *Liber amicorum* в честь чрезвычайного и полномочного посла, профессора О.Н. Хлестова. – М., 2008.

Клименко Б.М. Международно-правовые вопросы исследования и использования дна морей и океанов за пределами континентального шельфа / Актуальные проблемы современного международного морского права // Отв. ред. М.И. Лазарев. – М., 1972.

Кузнецов В.И. Глава 4. Источники международного права / Международное право // Отв. ред. В.И. Кузнецов. – М., 2001.

Курс международного права в шести томах. Том III. Основные институты и отрасли современного международного права. – М., 1967.

Мелков Г.М. Военное мореплавание и безопасность России в XXI веке (международно-правовые и национальные проблемы). Ч. 2. – М., 2010.

Мировой океан и международное право. Правовой режим морских прибрежных пространств / Отв. ред. А.П. Мовчан, А. Янков. – М., 1987.

Мировой океан и международное право. Открытое море. Международные проливы. Архипелажные воды / Отв. ред. А.П. Мовчан, А. Янков. – М., 1988.

Свининых Е.А., Свининых О.Ю. Разграничение морских пространств между Российской Федерацией и Королевством Норвегия в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане // Российский ежегодник международного права, 2012. – СПб., 2013.

Солнцев А.М. Практикум по международному экологическому праву. – М., 2011.

Суворова В. Я. Глава 4. Нормы международного права / Международное право: Учебник для вузов // Отв. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов. – М., 2003.

Тункин Г.И. Теория международного права. – М., 2000.

Черниченко С. В.. Глава XI. Международное нормотворчество/Международное право. Учебник // Отв. ред. Е.Т. Усенко, Г.Г. Шинкарецкая. – М., 2003.

Шинкарецкая Г.Г. Расширенный континентальный шельф: между государством и общим наследием человечества // Международное морское право. Статьи памяти А.Л. Колодкина. – М., 2014.

Шинкарецкая Г.Г. Тенденции развития судебных средств мирного разрешения международных споров. – М., 2009.

#### *Книги и статьи на английском языке*

Alter K.J. The European Union's Legal System and Domestic Policy: Spillover or Backlash? // International Organizations. V.54. 2000.

Alvarez J.E. International Organizations as Law-makers. OUP, 2006.

Amerasinghe Ch.F. Local Remedies in International Law. OUP, 2004.

Amerasinghe C.F. Principles of the Institutional Law of International Organizations. Second edition. L., 2005.

Anton D.K. The Principle of Residual Liability in the Seabed Disputes Chamber of the International Tribunal for the Law of the Sea: The Advisory Opinion on Responsibility and Liability for International Seabed Mining // *McGill International Journal of Sustainable Development Law and Policy*. V.7. 2011–2012.

Bin Cheng. *General Principles of Law as Applied by International Courts and Tribunals*. 1987.

Boyle A. Dispute Settlement and the Law of the Sea Convention: Problems of Fragmentation and Jurisdiction//*International and Comparative Law Quarterly*. V.46. 1997.

Boyle A. Further Development of the Law of the Sea Convention: Mechanisms for Change // *International and Comparative Law Quarterly*. July, 2005. P. 567.

Brownlie I. *Principles of Public International Law* (6th ed, 2003).

CançadoTrindade A.A. *The Application of the Rule of Exhaustion of Local Remedies in International Law: Its Rationale in the International Protection of Individual Rights* (CUP Cambridge 1983).

Caron D.D., Shinkaretskaya G. *Peaceful Settlement of Disputes Through the Rule of Law / Beyond Confrontation* // *FislerDamrosh L., Danilenko G.M., Müllerson R. eds.* Westview Press, 1995.

Churchill R. *MOX Plant Arbitration and Cases* // [www.mpepil.org](http://www.mpepil.org).

Churchill R. Some Reflections on the Operation of the Dispute Settlement System of the UN Convention on the Law of the Sea During its First Decade // *The Law of the Sea. Progress and Prospects*. Freestone D., Barnes R., Ong D. (eds). 2006.

Churchill R. Trends in Dispute Settlement in the Law of the Sea: Towards the Increasing Availability of Compulsory Means // *International Law and Dispute Settlement. New Problems and Techniques*. Edited by Duncan French, Matthew Saul and Nigel D White. 2010.

Dipla H. The role of the International Court of Justice and the International Tribunal on the Law of the Sea in the progressive development of the law of the sea // **UNRESOLVED ISSUES AND NEW CHALLENGES TO THE LAW OF THE**

SEA. Vaughan Lowe General Editor, 2006.

Eiriksson G. The International Tribunal for the Law of the Sea. The Hague, 2000.

Escher A.-K. Release of Vessels and Crews before the International Tribunal for the Law of the Sea//The International Journal of Marine and Coastal Law, Vol. 18. 2006.  
Fayette L. A. de La. Saiga Cases. Para. 12. [www.mpepil.org](http://www.mpepil.org).

Freestone D. Responsibilities and Obligations of States Sponsoring Persons and Entities with Respect to Activities in the Area//American Journal of International Law. V.105. 2011.

Freestone D., Barnes R., Ong D. (eds.) The Law of the Sea. Progress and Prospects. OUP, 2010.

Freestone D., Oude Elferink A. Flexibility and Innovation in the Law of the Sea: Will the LOS Convention amendment procedures ever be used? // Oude Elferink A. (ed.) Stability and Change in the Law of the Sea: the Role of the LOS Convention, 2005.

French D. From the Depth: Rich Pickings of Principles of Sustainable Development and General International Law on the Ocean Floor – the Seabed Disputes Chamber's 2011. Advisory Opinion // International Journal of Marine and Coastal Law. V. 26. 2011.

Fuller L. L. The Forms and Limits of Adjudication//Harvard Law Review. V. 92. 1978.

Gordon E. The World Court and the Interpretation of Constitutive Treaties //American Journal of International Law. V. 59. 1965.

Guillame G. The Proliferation of International Judicial Bodies: The Outlook for the International Legal Order. Speech to the Sixth Committee of the General Assembly of the United Nations (Oct. 27, 2000), available at <http://www.icj-cij.org/icjwww/ipresscom/SPEECHES/iSpeechPresident&uscore;Guillaume<uscore>SixthCommittee<uscore>20001027.htm>), at 4.

Hudson M. The Permanent Court of International Justice: A Treatise. 1934/

Jennings R.Y. The Proliferation of Adjudicatory Bodies: Dangers and Possible Answers // Implications of the Proliferation of International Adjudicatory Bodies for Dispute Resolution. Oxford, 1995.

Koh T.T. B.A Constitution for the Oceans. Remarks made by the President of the Third. United Nations Conference on the Law of the Sea // Official Text of the United Nations Convention on the Law of the Sea with Annexes and Index (1983) E 83V5.

Lauterpacht H. ed. The Development of International Law by the International Court. Cambridge University Press, Grotius Public Reprint Series, 1982.

Martinez J.S. Towards an International Judicial System // Stanford Law Review. V. 6. 2003.

Mingay G. Article 82 of the LOS Convention – Revenue Sharing-The Mining Industry's Perspective // The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 21, 2006. No 3.

Nandan S., Lodge M.W., Rosenne S. United Nations Convention on the Law of the Sea, A Commentary. Vol. 6. 2002.

Nordquist M. et al. eds. United Nations Convention on the Law of the Sea. A Commentary. Vol. 5. 1989.

Oda Sh. Some Reflections on the Dispute Settlement Clauses in the United Nations Convention on the Law of the Sea // J. Macaraczyk (ed.) Essays in International Law, in Honour of Judge Manfred Lachs, 1984.

Oda Sh. The International Court of Justice Viewed from the Bench // 244 Recueil des Cours, 1993.

Oude Elferink A.G. The Regime of the Area: Delineating the Scope of Application of the Common Heritage Principle and Freedom of the High Seas // The International Journal of Marine and Coastal Law. Vol. 22. 2007. No 1.

Petersmann E.-U. How to Promote the International Rule of Law? Contributions by the World Trade Organization Appellate Review System // Journal of International Economic Law. V. 1. 1998.

Poisel T. Deep Seabed Mining: Implications of Seabed Disputes Chamber's Advisory Opinion // Australian International Law Journal. V. 12. 2011.

Rashbrooke G. The International Tribunal for the Law of the Sea – a forum for the Development of Principles of International Environmental Law // 19 Int'l J. Marine and Coastal Law, # 4, 523 (2004).

Romano C.P.R. The Proliferation of International Judicial Bodies: The Pieces of the Puzzle // *New York University Journal of International Law and Policy*. V. 31. 1999.

Rosenne Sh. The law and practice of the International Court of Justice. 2nd rev. ed. Leyden, 1985. V. II.

Rosenne Sh. *Provisional Measures in International Law*. OUP, 2005.

Saxena J.N. Limits of compulsory jurisdiction in respect of the law of the sea disputes // *Law of the sea. Caracas and beyond* / Ed. by R.P. Anand. The Hague; Boston; L., 1980.

Schwebel S.M. President of the International Court of Justice. Address to the United Nations General Assembly, 26 October 1999.

Shamsey J. ITLOS vs. Goliath: The International Tribunal for the Law of the Sea Stands Tall with the Appellate Body in the Chilean-EU Swordfish Dispute // *Transnational Law & Contemporary Problems*. V. 12. Fall. 2002.

Stephens T., Hutton G. What Future for Deep Seabed Mining in the Pacific? // *Asia Pacific Journal of Environmental Law*. V. 13. 2011.

Trachtman J. The Domain of WTO Dispute Resolution // *Harvard International Law Journal*. V. 40. 1999.

Treves T. Compulsory Jurisdiction under the Law of the Sea Convention: the Basic Article // *International Law of the Sea/ Essays in Memory of Anatoly L. Kolodkin*. M., 2013.

Treves T. Judicial Action for the Common Heritage // *Law of the Sea in Dialogue*. H. Hestermeyer et al. (eds.), Berlin Heidelberg 2011.

Tuerk H. The Contribution of the International Tribunal for the Law of the Sea to International Law // *Penn State International Law Review*. V. 26. 2007–2008.

Treves T. The Proceedings Concerning Prompt Release of Vessels and Crews // *International Courts for the Twenty-First Century*. L., 1996.

UN Division for Ocean Affairs and the Law of the Sea, Concept of the Common Heritage of Mankind, UN sales Nr. E. 96. V. 3 (1996).

Weiler J. H.H. The Transformation of Europe // *Yale Law Journal*. V. 100. 1991.



Wolfrum R. Common Heritage of Mankind // On-line version of Max Planck Encyclopedia of International Law. [www.mpepil.org](http://www.mpepil.org).

*Докторские и кандидатские диссертации*

Брехова Н.А. Современные международно-правовые средства разрешения морских споров: Дисс. ... к.ю.н. – М., 2003.

Глумов А.И. Актуальные международно-правовые вопросы поиска, разведки и разработки минеральных ресурсов Международного района морского дна: Дисс. ... к.ю.н. –М., 2010.

Коваленко С.Г. Компетенция Международного трибунала по морскому праву: Дисс. ... к.ю.н. – М., 2007.

Насиновский. С. Е. Международный трибунал по морскому праву – новый орган мирного разрешения споров: Дисс. ... к.ю.н. –М.,1987.

Саксина Т.Г. Арбитражное урегулирование межгосударственных морских споров: Автореферат дисс. ... к.ю.н. – М., 2007.

Хубиева М.Р. Практика международных судов и арбитражей, предусмотренных в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.: Автореф. дисс. ... к.ю.н. – М., 2012.

Шинкарецкая Г.Г. Судебные средства разрешения международных споров (тенденции развития): Автореф. дисс. ... д.ю.н. – М., 2010.